

**РОССИЯ –
МОНГОЛИЯ:
100 ЛЕТ ВМЕСТЕ**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Академия наук Монголии
Институт международных отношений

Россия – Монголия: 100 лет вместе

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию установления
российско-монгольских
дипломатических отношений

Иркутск, 20 мая 2021 г.

УДК 327(470:517.3)(091)
ББК Ф4(2Р)9(5Мо)
Р76

Печатается по решению ученого совета
исторического факультета ИГУ

Редакционная коллегия

д-р ист. наук, проф. С. И. Кузнецов (гл. ред.)
д-р ист. наук, проф. О. Батсайхан
д-р ист. наук, проф. В. И. Дятлов
д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный
канд. ист. наук, доц. Е. А. Матвеева
канд. ист. наук, доц. Ю. В. Елохина
преп. К. Е. Кузьмин (отв. ред.)

р76

Россия – Монголия: 100 лет вместе : материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений. Иркутск, 20 мая 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [редкол.: С. И. Кузнецов [и др.]]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 155 с. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1946-6.2021.1-153>

ISBN 978-5-9624-1946-6

Представлены статьи историков и обществоведов Российской Федерации и Монгольской Республики. Материалы освещают актуальные проблемы истории, современное состояние российско-монгольских отношений: сотрудничество в области военной сферы, экономики, науки, культуры, экологии, образования.

Предназначается профессиональным исследователям, преподавателям, аспирантам, студентам, всем интересующимся историей и современным состоянием российско-монгольских отношений.

УДК 327(470:517.3)(091)
ББК Ф4(2Р)9(5Мо)

ISBN 978-5-9624-1946-6

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2021

Содержание

От редколлегии	5
Чимитдоржиева Л. Ш. Архивные документы о развитии русско-бурят-монгольских отношений в XVII–XIX вв.	7
Дугаров В. Д., Бадмаев В. Г. Влияние Иркутской таможни на формирование товарно-денежных отношений России и Монголии в 1911–1925 гг.	14
Батсайхан О. Монголо-русский договор 1912 г. как начало дипломатических отношений двух стран	18
Кузьмин Ю. В. Монгольская газета «Монголын унэн» – первая партийная газета страны: к 100-летию издания	34
Семусhev И. Н. История послереволюционной Монголии в трудах советских монголоведов	41
Кузнецов С. И., Иванов А. А. Борис Шумяцкий и Монголия	48
Жамбалова С. Г. Научное сотрудничество СССР и Монголии в 1930-е гг.	56
Цыбенov Б. Д., Курас Л. В. «Как-то странно звучит слово “дипломатия” в устах коммуниста...»: о дипломатической деятельности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека	63
Шагдурова К. А. Политика «третьего соседа» Монголии: специфика реализации	70
Дэмбэрэл К. Монголо-российские отношения: роль Сибири и Дальнего Востока	76
Журов И. В. Основные направления военного сотрудничества России и Монголии на современном этапе	80
Мунх-Оргил Т., Энхчимэг Д., Нандинцэцэг Г. Mongolian-Russian economic relations	84
Батхишиг Б. Вопросы совершенствования торговых отношений между Монголией и Россией	90
Макаров А. В. Россия и Монголия: пути развития стратегического партнерства	97

Лубсанова Н. Б. Методические подходы к определению стратегических направлений развития экономического потенциала модельных территорий России и Монголии	103
Иванова С. Н. О решении проблем социального развития территорий: российская и зарубежная практика	107
Шорников Д. В. Правовой режим особо охраняемых природных территорий России и Монголии: Байкальский регион	114
Колобов Р. Ю. Проблемы международно-правового регулирования российско-монгольского сотрудничества в области охраны трансграничных рек	122
Бадмаев А. Г. Сравнительный анализ развития солнечной энергетики в Республике Бурятия и Монголии	126
Анхсанаа Г., Цэцэнбилэг М. Российско-монгольские отношения в сфере культуры: в поисках древней цивилизации	134
Энхсайхан Э. Российско-монгольские культурные связи на рубеже XX–XXI вв.	139
Кузьмин К. Е. Влияние проблем исторической памяти на монгольско-японские отношения во второй половине XX – начале XXI в.	147
Сведения об авторах	152

От редколлегии

100 лет назад, 5 ноября 1921 г. в Москве было подписано Соглашение между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией. Стороны пришли к соглашению «движимые искренними стремлениями к свободному содружеству и сотрудничеству между соседними народами». Добрососедские отношения между народами двух стран стали развиваться задолго до этого, однако лишь после 1921 г. началось полноценное сотрудничество в политической, военной, экономической и культурной сферах. За прошедшее столетие ни у одной из сторон не было повода усомниться в приверженности партнера духу и букве Соглашения 1921 г. Дружеские отношения были скреплены совместными боевыми действиями на р. Халхин-Гол в 1939 г. и в маньчжурской операции 1945 г. Монголия благодарна России за помощь в модернизации экономики страны и создании современной армии, а в России помнят о поддержке со стороны Монголии в годы Второй мировой войны. Современные российско-монгольские отношения базируются на Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве от 20 января 1993 г. и продолжают развиваться в духе стратегического партнерства.

Особое место в истории двусторонних отношений имели крупные сибирские города – Иркутск, Улан-Удэ, Чита. Именно через них шел товарооборот, развивались культурные и образовательные контакты, народы двух стран лучше узнавали друг друга. В вузах Иркутска в свое время обучались будущие высшие руководители Монголии, а выходцы из Иркутска неоднократно возглавляли дипломатическое представительство в Улан-Баторе (П. М. Никифоров, А. И. Хворостухин, С. Н. Щетинин, В. И. Ситников, Б. А. Говорин).

В год столетия установления отношений в двух странах проводится множество разнообразных мероприятий. В рамках юбилея в течение всего года планируется организовать совместные мероприятия по многим направлениям, таким как политика, торговля, экономика, культура и гуманитарная сфера. В частности, планируется издание книги об истории развития монголо-российских отношений, организация взаимных визитов, проведение серии мероприятий «Монголо-российская инициатива – 2021», «Поезд дружбы», науч-

ных конференций, фотовыставок и создание документального фильма. 25 февраля 2021 г. дан старт серии онлайн-мероприятий Эстафеты Дружбы «Вместе 100 лет». Видеоэстафета стала открытой площадкой для диалога с монгольскими партнерами и коллегами, укрепления дружбы и сотрудничества между Россией и Монголией. Она продлится восемь месяцев, с февраля по октябрь 2021 г. В ней примут участие российские и монгольские государственные и общественные деятели, представители науки и культуры, бизнесмены.

Одним из мероприятий, в котором приняли участие историки, юристы, экономисты, обществоведы вузов и научно-исследовательских институтов России и Монголии стала конференция «Россия – Монголия: 100 лет вместе» в Иркутском государственном университете. На конференции были представлены более 30 докладов учеными из Москвы, Иркутска, Якутска, Улан-Удэ, Элисты, Улан-Батора. Они представляли Московский, Иркутский, Бурятский, Калмыцкий, Монгольский государственные университеты, национальный университет обороны (Монголия); академические институты России и Монголии – Институт монголоведения и буддологии СО РАН, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Байкальский институт природопользования СО РАН, Институт проблем экологии и эволюции РАН, Институт философии АНМ, Национальный центр культурного наследия при Министерстве культуры Монголии и др.

После заключения российско-монгольского Договора 1993 г., а также совместных деклараций 2000 и 2009 гг., отношения между двумя странами закономерно вышли на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства, что и было оформлено подписанием Договора о дружественных отношениях и всестороннем стратегическом партнерстве (Улан-Батор, 3 сентября 2019 г.). Сегодня сферы взаимодействия двух стран разнообразны – от международного сотрудничества, кооперации в сферах обороны, безопасности, экономики, торговли, инфраструктурных проектах до широкого культурно-гуманитарного сотрудничества. Участники Международной конференции «Россия – Монголия: 100 лет вместе» пришли к выводу, что многолетний опыт двусторонних отношений позволяет быть уверенным в сохранении и укреплении традиционной дружбы наших народов, независимо от времен и идеологий; способности российско-монгольского стратегического партнерства к быстрой адаптации в условиях возможных трудностей и испытаний.

Архивные документы о развитии русско-бурят-монгольских отношений в XVII–XIX вв.

Л. Ш. Чимитдоржиева

г. Улан-Удэ

Аннотация. Рассматривается ряд архивных материалов, содержащих ценные сведения о процессах развития русско-бурят-монгольских посольских взаимоотношений с начала XVII в. Затрагиваются документы, в которых обсуждались вопросы подданства, торговых отношений, ясачный и земельный вопросы. Публикуются фрагменты материалов из Государственного архива Республики Бурятия.

Ключевые слова: архивный документ, Россия, Монголия, Бурят-Монголия, XVII в., XVIII в., XIX в., посольские отношения, дипломатические переговоры.

Как известно, исторические связи Русского государства с Монголией возникли еще в XIII в., во времена существования Монгольской империи. Начиная с конца XIV в. и на протяжении XV–XVI вв. Россия не имела постоянных связей с монголами, с образовавшимися после распада Империи монгольскими ханствами. Лишь в начале XVII в. начали устанавливаться непосредственные и регулярные отношения между странами, когда в ходе продвижения на восток русские вышли к бурят-монгольским, монгольским границам. Монголия в это время находилась в состоянии феодальной раздробленности, не представляла собой единого целостного государства. Она была разделена на несколько самостоятельных ханств. Каждое независимое монгольское ханство самостоятельно решало вопросы внешней политики, в частности, проблемы взаимоотношений с иностранными государствами.

Россия в то время была слабо осведомлена о монгольских ханствах, об их экономическом и военном потенциале, связях с другими странами и народами. И она проявляла большое желание установить связи с этими ханствами, поддерживать с ними многогранные контакты.

Первыми монголами, с которыми русские в 1606 г. установили связи, были западные монголы (ойраты). Вслед за ойратами в 1608 г. через енисейских киргизов (хакасов), телеутов (теленгутов), урянхайцев-тувинцев русские вошли в контакты с монгольским княжеством Алтан-ханов в северо-западной части Халха-Монголии. Что же касается северомонгольских (халхаских) владений Тушету-хана,

Дзасакту-хана и Сэцэн-хана, то с этими ханствами русские установили посольские связи в 40-х гг. XVII в. [10, с. 16; 11].

Посольские связи, обмен посольствами в то время являлись основной формой взаимоотношений между государствами. К примеру, во взаимоотношениях Русского государства с княжеством Алтанханов, с 1608 по 1681 г., было отправлено более десяти представительных полномочных посольств. Столько же посольств от Алтанханов побывало в городах России, включая Москву. Занятое европейскими делами правительство Русского государства не имело возможности вплотную заниматься восточными делами. Сибирские воеводы являлись основными организаторами отправки посольств к монголам. Однако это не означало, что из столицы не ездили в Монголию представительные посольства [10; 11].

Многочисленные архивные документы, статейные списки (докладные) русских послов, послания монгольских владетелей содержат подробные сведения о том, как строились и развивались двусторонние взаимоотношения.

Как известно, XVII в. характеризуется объединением разрозненных, отдельных русских областей, княжеств в одно целое, в единое централизованное государство. Этот процесс привел к оживлению экономических связей, к росту товарного производства. Россия, переживавшая экономический подъем, нуждалась в серебре и других драгоценных металлах. Пушнина, собираемая с сибирских народов, играла важную роль в торговле с иностранными государствами. Другой целью представителей царской власти было обосноваться в незнакомых землях, присоединить эти земли к Русскому государству путем построек острогов. Сибирские остроги-города являлись важнейшими военно-административными центрами, опорными пунктами в дальнейшем продвижении русских на восток [4, с. 49; 5, с. 8].

На русско-монгольских переговорах обсуждались разные вопросы: о подданстве, регулирование проблемы двоedanцев, т. е. взимания ясака с соседних племен; торговые отношения. Одной из задач Русского государства было получение достоверной информации о Китае, проведение путей, ведущих в эту страну, так как в тот период времени решить эту задачу, минуя Монголию, было невозможно. Немаловажной темой на встречах был обмен подарками, который, как показывают свидетельства участников посольств, влиял на ход переговоров и их результаты. Обе стороны придерживались мирных добрососедских взаимоотношений: интересы Русского государства диктовали такую необходимость; в условиях, когда в стране не прекращались междоусобицы, а с востока усиливалась

маньчжурская угроза, монгольские ханы вынуждены были также придерживаться политики поддержания добрососедских отношений с русскими, появившимися вблизи монгольских рубежей [2; 3; 10; 11]. В переговорах с монгольскими правителями, в посольских отношениях, в решении обсуждаемых на переговорах вопросов дипломатическим моментом являлись роль и влияние духовных религиозных деятелей. Представители буддийской религии пользовались значительным влиянием в обществе. Свидетельством тому являются многочисленные русские архивные документы [2; 3; 10].

Архивные документы достаточно подробно освещают непростой вопрос о ясаке и ясачных народах. Статейные списки, челобитные русских послов – служилых людей и воевод, расспросные речи и многие другие документы содержат информацию о приведении к ясачному платежу тех или иных народов, о размере собираемого с них ясака, о договоренностях русских и монголов по разделу между собой ясачного населения [2; 3; 10; 11].

Политическая жизнь коренного бурятского населения Предбайкалья и Забайкалья до половины XVII в., до включения их в состав Русского государства, была связана с историей монгольских ханов. Земли бурят-монголов входили в состав Империи Чингисхана и его преемников. В период феодальной раздробленности Монголии бурятские племена зависели от соседних монгольских князей и платили им ясак. Хори-буряты являлись данниками Тушээтэ-хана и Сэчен-хана [9, с. 36–37].

При освоении новых территорий русских интересовали возможности сбора ясака с местного населения и они стали проводить политику превращения их в своих ясачных, выводя их из подчинения монголов [4, с. 49; 5, с. 8]. Так было положено начало соперничеству монгольских князей и русских за ясачное население. Это соперничество в отдельные периоды принимало форму вооруженных столкновений.

Что касается бурятских племен, то одни роды действовали на стороне монгольских князей против агрессивных акций представителей царской администрации, другие, пострадавшие от произвола воинственных ханов, оказывали поддержку русским. Третьи уходили из районов соперничества. Каждый из них действовал, исходя, прежде всего, из личных выгод и руководствуясь мотивами обеспечения благополучия и выгод своего рода [9, с. 37].

В середине XVII в., оказавшись между двумя большими централизованными государствами – Россией и Цинской (Маньчжурской) империей, халхаские (северомонгольские) княжества стали искать поддержку у русских против маньчжурских посягательств на их са-

мостью. Однако отдельные халхаские феодалы, не заинтересованные в укреплении позиций русских на территории бурятских племен, которые до прихода русских являлись их албату-подданными, стали протестовать против укрепления русских в Забайкалье [10, с. 23–24].

Анализ фактических данных позволяет делать вывод, что различные бурятские племена, роды, проживавшие на огромной территории, приходили к признанию власти русской администрации разными путями при различных обстоятельствах: одни раньше (в условиях мирных переговоров), другие позже (в условиях диктата, угроз). Третьи, избегая принятия российского подданства, уходили за рубеж. По достоверным историческим данным, процесс вхождения основной части бурятских племен в состав Российского государства происходил в 60–80-х гг. XVII в. [7, с. 10, 29].

Сведения бурятских летописцев, десятки и сотни жалоб-челобитных бурятского населения, официальные отчеты воевод свидетельствуют о притеснениях и тяжелых, невыносимых для местного населения условиях жизни [1, с. 8, 77; 8, с. 122–123, 127]. Земельный вопрос для бурят-монголов стал особо сложным и запутанным с периода их вхождения в состав России [6, с. 38].

Хори-буряты, обладавшие историческим опытом совместного проживания с объединениями различных этносов в эпоху Их Монгол Улас, Баргутского и Хори-Туматского союзов, монгольских Түшөтү-хана и Сэцэн-хана, сохранили представления о важности дипломатии, принципов ведения дипломатических переговоров. Хоринцы пришли к выводу, что челобитными в адрес сибирских управителей добиться результата невозможно и приняли единственно правильное в тогдашних условиях решение – отправиться в российскую столицу к самому «Сагаан хану» и решать судьбоносные для этноса вопросы на высоком государственном уровне [8, с. 124]. Указ Петра Первого от 22 марта 1703 г. закрепил право владения «породными» землями за бурятскими родами и наделил их административными функциями [8, с. 134]. Своевременное закрепление за бурятами их «породных и кочевых земель» явилось залогом для формирования будущей границы между двумя державами начала XVIII в. [6, с. 39].

В течение более двух столетий после выхода царского указа бурятский народ продолжал отстаивать свои права на земли, спорные вопросы по земле продолжали возникать. Но решение Петра I было настолько твердым, что никто из последующих российских самодержцев так и не посмел его отменить [6, с. 41–42].

Важное значение для раскрытия происходящих взаимоотношений между регионами в тот период времени содержат имеющиеся на хранении в Государственном архиве Республики Бурятия документы¹. Приведем частично текст документов из фонда Хоринской Степной думы (Ф. 8. Оп. 1), в которых содержатся разъяснения Императорских Указов Елизаветы от 3 марта 1749 г., Павла I от 17 октября 1799 г., Александра I от 29 июня 1806 г. о подтверждении прав собственности хоринских бурят на занимаемые земли, также сведения из так называемых общественных приговоров:

«<...> Другой указ, в котором Хоринские буряты также видят подтверждение их прав собственности на занимаемые ими земли, относится уже к царствованию Елизаветы Петровны и был выдан, 3 Марта 1749 г., представителям «братских Хоринцев 11 родов» из Иркутской Провинциальной Канцелярии. В действительности же, этот акт тоже не имеет приписываемого ему бурятами значения, ибо и в нем содержатся только распоряжения чисто административного характера. Так как помянутый указ, является весьма важным историческим документом, обрисовывающим достаточно ярко тогдашние отношения Русского Правительства к землепользованию «ясашных инородцев», то представляется полезным возможно ближе ознакомиться с содержанием его <...>»²

«<...> В самом конце XVIII столетия указом, 17 октября 1799 года, о заселении Забайкалья Император Павел I, между прочим, предписывал при отводе необходимых угодий под поселения «не касаться ни пространства, между Удинском и Читинском находящегося, буде оно занимается братскими Хоринцами, ниже других мест кому-либо принадлежащих, или кочующими народами занимаемых». В приведенном указе занимаемые кочевниками земли противопоставляются местам, принадлежащим кому-либо (возможно кажется, добавить «на праве собственности»), что указывает на отсутствие у инородцев подобного права. Таким образом и в это время Правительство по-прежнему держалось взгляда, что в Забайкалье инородцы лишь занимают земли под свои кочевки, и продолжало охранять их <...>»³.

«Хоринским 11 родов бурятам (Агинским инородцам) и потомкам их, причем в основание ее положен приведенный выше указ, 29

¹ ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. 8. Хоринская Степная Дума. Оп. 1. Д. 148, 626, 774–775, 777.

² Там же. Д. 148. Л. 1.

³ Там же. Л. 5.

июня 1806 года, Императора Александра I. <...> В 1846 г., по сношению с Генерал-Губернатором Рупертом, не находившим причин далее останавливать выдачу грамоты, Герольдия приступила было к ее заготовлению, но в это время возник общий вопрос о самой форме жалованных грамот, причем проектировано было украшать их гербами соответствующих губерний и городов. В 1856 году был принят пересмотр по Высочайшему повелению всех губернских и прочих местных гербов и приготовление грамоты было отложено до окончания этого пересмотра. Только в 1887 году, вследствие просьбы бурят, Министр Юстиции возбудил вопрос об изготовлении грамоты, которая, наконец, по окончательному установлении формы ее, и была выдана в 1888 г. <...> В 40-х годах Хоринцы были разделены на два ведомства: собственно Хоринское и Агинское <...>¹.

«1879 года июля 20 дня, мы нижеподписавшиеся доверенные от бурят Забайкальской области, Верхнеудинского округа, Хоринского ведомства, быв сего числа при Степной Думе в полном собрании от всего общества имели суждение о том, что доверители наши с 1648 года, т. е. со времени перехода предков наших в подданство Российской Империи, кочуют по Верхнеудинскому и Читинскому округам на землях нам с издревле принадлежащих; на право владения этими землями мы удостоились имянного Высочайшего указа 29 июня 1806 года, которым повелено земли те обмежевать без промедления времени и на всегдашнее владение выдать нам план и грамоту; но не смотря на таковое Высочайшее повеление, по сие время нашим доверителям ни выдано ни плана ни грамоты и у нас ежегодно отходит часть земли крестьянам, казакам и инородцам других ведомств и доверители наши, защищая свои права на землю, должны вступать в тяжбы, отчего терпят убытки. <...>»².

«Приговор. 1889 года октября 19 дня доверенные от всех родовых Управлений и от обществ крещеных инородцев ведомства Хоринской Степной Думы Верхнеудинского округа Забайкальской области быв сего числа на полном суглане при Хоринской Степной Думе, где обсуждали следующий вопрос: занимаемые доверителями нашими инородцами Хоринского ведомства земли принадлежат им по Высочайшей грамоте 22 марта 1703 г. и подтвердительному указу Иркутской Провинциальной Канцелярии от 3 марта 1749 г. за № 1066. Затем в 29 день июня 1806 г. последовал именной Высочайший указ, внесенный в полное собрание узаконений том XXIX под

¹ ГАРБ. Ф. 8. Хоринская Степная Дума. Оп. 1. Д. 148. Л. 8.

² Там же. Л. 18–21.

№ 22189. Этим законом было повелено, все земли Хоринским бурятам предоставленные обмежевать без промедления времени и навсегда владение оными выдать им план и грамоту, дабы однажды навсегда определить подлинное пространство кочевья их и окончить споры с издавна происходящие и впредь происходить могущие между ними, тунгусами и природными населянами. <...>»¹.

Представленные несколько документов архива Бурятии содержат и раскрывают острые и проблемные темы в русско-бурят-монгольских взаимоотношениях XVIII–XIX вв.

Архивные материалы, содержащиеся в опубликованных источниках, а также имеющиеся на государственном хранении в архиве Бурятии документы содержат ценные сведения о процессах возобновления, установления и развития русско-бурят-монгольских посольских взаимоотношений с начала XVII в. Государства преследовали свои определенные цели и стремились развивать разносторонние взаимоотношения, на переговорах поднимали и решали непростые вопросы. Проявляя дипломатические навыки, стороны достигали более или менее желаемых договоренностей, – это подтверждают архивные документы.

Источники и литература

1. Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова (Пурбуева). Улан-Удэ : БИОН СО РАН, 1995. 198 с.
2. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 гг. : сб. док. / сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М. : Вост. лит., 1959. 352 с.
3. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654 гг. : сб. док. / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1974. 470 с.
4. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М. : Акад. наук СССР, 1955. 300 с.
5. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. М. : Акад. наук СССР, 1959. 260 с.
6. Цыбикдоржиев В. Б., Цыбикдоржиев Д. В. Грамота-Указ Петра I и право бурят на свои «породные» земли // Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию (300 лет Указу Петра I). Ч. IV. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2003. 168 с.
7. Чимитдоржиев Ш. Б. Кто мы бурят-монголы? Улан-Удэ : Ассоциация литераторов Бурятии, 1991. 60 с.
8. Чимитдоржиев Ш. Б. Кто мы – бурят-монголы? История. Культура. Политика. Бурядайд туухэнээ. Изд. 3-е, доп. Улан-Удэ : Бальжинимаев А. Б., 2012. 384 с.

¹ ГАРБ. Ф. 8. Хоринская Степная Дума. Оп. 1. Д. 148. Л. 4.

9. Чимитдоржиев Ш. Б. Хождение хори-бурят к Саган-хану (Белому царю). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2001. 162 с.

10. Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2006. 156 с.

11. Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М. : Изд-во вост. лит., 1958. 183 с.

Archival documents on the development of Russian – Buryat-Mongolian relations in the 17th – 19th centuries

L. Sh. Chimitdorzhieva
Ulan-Ude

Abstract. Archival documents contain valuable information about the development of Russian – Buryat-Mongolian ambassadorial relations from the beginning of the XVIIth century. In these relations such issues as citizenship, trade relations, routes to China were discussed, the most difficult were yasak and land problems.

Keywords: archival document, Russia, Mongolia, Buryat-Mongolia, XVII, XVIII, XIX centuries, ambassadorial relations, diplomatic negotiations.

УДК 94

Влияние Иркутской таможни на формирование товарно-денежных отношений России и Монголии в 1911–1925 гг.*

В. Д. Дугаров, В. Г. Бадмаев

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ

Аннотация. Рассматривается экономическое сотрудничество России и Монголии на примере торговли через Иркутскую таможню. Уделено внимание монгольской денежной системе, в период нестабильности в Монголии. Освещается развитие китайской валюты, а затем монгольских долларов и тугриков, их участие в торговле между двумя государствами.

Ключевые слова: Иркутская таможня, монгольская валюта, серебряный лян, монгольский доллар, тугрик, Россия – Китай – Монголия.

Актуальность данного исследования обуславливается тем, что развитие экономического сотрудничества России и Монголии через Иркутскую таможню, рассматривается не часто, поэтому в работе отражено взаимодействие через развитие легкой промышленности в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-59-44008 Монг_а Мировое и российское монголоведение, концепции, персоналии.

Монголии и участием России в данном процессе. Также в большинстве работ, почти не отражено влияние товарно-денежных отношений на экономику, как ключевого фактора.

В первое время в Монголии не было своей национальной денежной единицы, в отдельных районах роль денег выполняли кирпичный чай, кожа, овцы. (Все архивные документы в данной статье представлены, так же как и в самих документах, без каких-либо исправлений.) Также это высказывание можно подкрепить архивными данными Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), а именно в обращении к заведующему Желтуринским таможенным постом: «Настоящим доводим до Вашего сведения, что нами рассчитаны монгольские скотогоны, при чем за работу им выдано 4-ре кожи юфти, 2-в а куса Шанда-дабы, серебра 2-ве ямбы – 8 фунтов, 94 золотника»¹. Также в обращении к Монгольской конторе Сибкрайсоюза: «Иркутская таможня препровождает при сем для сведения от 8 июля сего года (1924) за № 4224/190480 по вопросу о вывозе в Монголию 700 пудов кирпичного черного чая со сложением акциза»². То есть использование различных натуральных продуктов в качестве валюты на тот момент времени было нормальным.

Собственные денежные знаки в Монголии появились не сразу, а лишь через некоторое время. В 1911–1925 гг. по большей части имело хождение валюта, которая была в Китае. До начала XX в. основной денежной единицей в Китае был серебряный лян. Юани в виде серебряных монет начали выпускаться в 1835 г. однако лян в качестве денежной единицы продолжал находиться в обращении, до февраля 1930 г. в нем исчислялись таможенные пошлины и до апреля 1933 г. – налоги. Так, например, основные повинности при маньчжурах составляли ежегодную сумму в 619 350 лян серебра (1 лян равен примерно 1,5 руб.), а в 1916 г. сумма налоговых сборов с населения составила 4 млн руб. [2, с. 278]. Монголия, находясь между двумя сильными государствами Россией и Китаем, закономерно пользовалась валютами этих государств.

Монгольской конторой Сибкрайсоюза был заключен договор подряд с коллективом портновско-пошивочной мастерской при Иркутской бирже труда³. Коллектив этот организован из состоящих на учете на бирже труда безработных соответствующей специальности на основании постановления Наркомтруда СССР от 26 октября

¹ ГАРБ. Ф. Р-166. О. 1. Д. 10. Л. 33.

² Там же. Ф. Р-1684. О. 1. Д. 25. Л. 15.

³ Там же. Д. 37. Л. 1.

1923 г. № 127/27. Из указанного постановления видно, что коллективы безработных организуются по постановлению комитетов биржи труда, ими комплектуются и пополняются (ст. 1 и 3)¹. Из данной информации можно сделать выводы, что работа на этих мануфактурах идет полным ходом, найм новых рабочих и организация биржи труда говорит о заинтересованности населения в данной промышленности. Судя по уставу общества, цели его были весьма обширны: торговая и комиссионная деятельность в России и Монголии, создание фабрик и заводов для обработки и переработки монгольского сырья, разведка и разработка в Монголии полезных ископаемых, устройство путей сообщения Монголии с Сибирью и прочее [1, с. 40].

Проникновение в Монголию европейских стран способствует тому что, к началу 1920-х гг. Монголия находилась в полной экономической зависимости от иностранных компаний. В 1924 г. в стране действовало более 2300 иностранных торговых фирм, их доля в торговом обороте составляла более 90 %. Следовательно, проникновение иностранных капиталов привело к возникновению такой валюты как, монгольский доллар или лян – валюта Монголии с 1921 по 1925 г. Был приравнен к китайскому лян и имел схожее локальное название – лян. Долларом назывался по аналогии с имевшим хождение в Китае мексиканским песо, носившим также название «мексиканского доллара». Монгольский доллар был первой собственной денежной единицей Монголии.

Подтверждением этого может стать отчет Иркутской таможни, она доводит до сведения, что на основании инструкции по применению постановления коллегии НКВТ от 13 мая сего года (1924) (протокол № 10) о введении в таможенной статистике реальной оценки импорта и экспорта, приложенной к приказу по НКВТ от 7 июля сего года (1924) за № 130/75, все экспортеры обязаны в представляемых ими фактурах и спецификациях приводить точные данные стоимости экспортируемых товаров долларах С.А.С.Ш. исчисляемой порядком указанным в прилагаемой при сем выписке из названной выше инструкции². В архивном источнике указано именно доллары С.А.С.Ш. и наиболее вероятным является то, что указаны те самые доллары США.

Для развития собственной экономики правительство МНР установило государственную монополию на внешнюю торговлю, были аннулированы долги иностранным торговцам и банкирам. Ходившая

¹ ГАРБ Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

² Там же. Д. 25. Л. 16.

в стране иностранная валюта была изъята из обращения, в результате денежной реформы в декабре 1925 г. была введена национальная валюта – тугрик. При активной экономической и организационно-технической поддержке СССР были приняты меры по перестройке экономики МНР на социалистических началах. Были организованы потребительская кооперация и государственная торговля, на акционерных началах с Советским Союзом был образован торгово-промышленный банк.

В итоге можно сказать, что становление монгольской национальной валюты происходило поэтапно, соблюдая некоторые переходы. От натуральных денег к китайским лянм, затем влияние европейских стран и установление монгольского доллара, и в конце установление национальной валюты, эти процессы неразрывно связаны с политическими и социальными событиями, происходящими на тот момент времени в Монголии. Таким образом, можно сказать, что в 1911–1925 гг. экономическое сотрудничество России и Монголии через Иркутскую таможню проходило положительно.

Источники и литература

1. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 400 с.
2. Дугаров В. Д. Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности – начало XXI в.) : учеб. пособие. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 368 с.

The influence of the Irkutsk Customs on the formation of commodity-money relations between Russia and Mongolia in 1911–1925

V. D. Dugarov, V. G. Badmaev
Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. Economic cooperation between Russia and Mongolia is considered on the example of trade through the Irkutsk customs. Attention is paid to the Mongolian monetary system, during the period of instability in Mongolia. The article covers the development of the Chinese currency, and then the Mongolian dollars and tugriks, their participation in trade between the two countries.

Keywords: Irkutsk customs, Mongolian currency, silver Liang, Mongolian dollar, tugrik, Russia-China-Mongolia.

Монголо-русский договор 1912 г. как начало дипломатических отношений двух стран

О. Батсайхан

Институт международных отношений Академии наук Монголии
г. Улан-Батор

Аннотация. Рассматривается история заключения Договора между Россией и Монголией и Торгового протокола в 1912 г. Выдвигается положение, что, вопреки принятому в историографии мнению, началом русско-монгольских отношений необходимо считать вышеуказанные документы, а не Договор 1921 г. Указывается, что документы 1912 г. они имели огромное политическое значение, открыв возможность для новообразованного Монгольского государства иметь равные отношения со всеми странами мира.

Ключевые слова: русско-монгольский договор 1912 г., история Монголии, Монголия, Россия, Коростовец, история взаимоотношений Монголии и России, Богдо хан, Намнансүрэн.

Предпосылки подписания Договора о дружбе

В 1911 г. монголы освободились от маньчжурского государства Цин и провозгласили восстановление независимости, что и стало началом новой эпохи в истории монголов.

29 декабря 1911 г. с возведением Богдо Жавзандамба-хутухты на престол императора Монголии, дали государству титул Монгол и летоисчисление – титул «Многими возведенный», Их-Хурэ переименовали в столицу Нийслэл-Хурэ, и, таким образом, началась новая история возрожденной Монголии на Азиатском континенте в начале XX в. Возведение VIII Богдо Жавзандамба-хутухты на престол хана стало признаком становления самостоятельного государства монгольской нации и выражением уверенности и почтения большого числа монголов.

Состояние Монголии после провозглашения своей независимости проанализировал в своих исследованиях российский монголовед В. Л. Котвич. Он наиболее глубоко прочувствовал внутреннее и внешнее положение страны в тот период. Котвич писал 30 декабря 1911 г. русскому купцу в Монголии Бурдукову: «Вы, конечно хорошо знаете, что Халха провозгласила себя независимым государством под управлением Богдо-гэгэна. Удастся ли им отстоять свою независимость, сказать пока трудно, скорее – не удастся в полной мере. Если Россия немного поможет, может быть, кое-какие права себе выговорят, но, вероятно, от пекинского правительства, все-таки хотя

бы номинально, халхасы будут зависеть, беды от этого большой не будет, если действительно китайцы во внутренние дела вмешиваться не будут» [3, с. 265]. Знаменитый ученый, монголовед Б. Я. Владимирцов писал Бурдукову 25 июня 1912 г.: «Наше правительство (России. – *О. Б.*), с одной стороны, как будто и хочет что-то сделать в Монголии, но зато с другой стороны, ничего, решительно ничего не знает и боится... Ну и потом правительство, очевидно, боится, как бы его обвинили в затее новой авантюры, вроде маньчжурской», и добавил, что «в России ведь абсолютно никто не знает о Монголии, никто ею не интересуется и не понимает, как она важна и нужна для России и для Сибири в особенности. У нас и не поймут, что Монголия – не Маньчжурия. Постепенно, кажется, все-таки в обществе начинают появляться трезвые мысли» [3, с. 334].

Фактически, позиция Российской империи относительно Монголии определялась секретными договорами между Россией и Японией от 1907, 1910 и 1912 гг. о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке. Русско-японский договор от 30 июля 1907 г. отражал новые отношения между державами на Дальнем Востоке и состоял из официальной и секретной части, где были разделены сферы влияния в Маньчжурии, Корее и Монголии. В пункте 3 данного договора был признан особый интерес Российской империи во Внешней Монголии. В 1910 г. оба государства повторно закрепили данный договор. В пункте 2 третьего секретного договора между Россией и Японией от 25 июня 1912 г. было указано: «Внутренняя Монголия делится на восточную и западную 2 части по Пекинскому меридиану (116:27 восточнее Гринвича). Правительство России обязуется не мешать особым интересам Японии во Внутренней Монголии восточнее вышеуказанного меридиана. Правительство Японского императора обязуется не вмешиваться особым интересам России во Внутренней Монголии западнее вышеуказанного меридиана» [5, с. 180].

В марте 1912 г. Россия направила ноту правительству Китая [5, с. 180]: «В случае отправления войск Китаем из Хэйлунцзяна и ввода их в Монголию, Россия не останется безучастной» [11, с. 227]. При подписании Соглашения о дружбе 21 октября 1912 г. с Монголией, российско-китайской Декларации 23 октября 1913 г. и, наконец, тройственного Кяхтинского соглашения 1915 г. Правительство России последовательно придерживалось этой позиции.

Советский дипломат И. Майский отмечал, что не только у Монголии имелись веские причины для связывания своей судьбы с Россией, но и у России существовали свои интересы в Монголии [10, с. 330–331]. Во-первых, Монголия представляла большой интерес

для поставок в Россию продуктов скотоводства и полезных ископаемых. Во-вторых, она имела важное политическое значение. Китай в то время претерпевал революцию, внутренний разлом, распад, переживал сложный период принятия европейской культуры и цивилизации. Отсюда понятно направление российской политики в Монголии, важность ее суверенитета и выгодное положение. По мнению Майского, для России крайне важно было использовать Монголию как буферную зону для защиты своих интересов [10, с. 330–331; 13, с. 7].

В монгольском вопросе мнения России и Китая различались. Шли споры российского посла в Пекине с китайскими властями. В этот период МИД России принял петицию своего посла в Китае, правительство обсудило проект будущего Соглашения и подало на рассмотрение царю Николаю II, который поставил пометку «Срочно». Согласно указу императора и по представлению министра иностранных дел, на специальном заседании Совета министров от 3 августа 1912 г. было принято решение прервать переговоры с китайской стороной по монгольскому вопросу и приступить к подписанию секретного соглашения с Хурэ [2, с. 176]. В принятом решении «О подписании соглашения с хутухтами и нойонами Хурэ» было указано на «возрастание опасности по оттягиванию монгольского вопроса». Готовившийся проект было решено назвать не соглашением с Монголией, а лишь «соглашением с хутухтами и нойонами Урги»¹, дать неопределенное толкование объявленной независимости, назвать «режимом Халхи», обещать сохранить данный режим, «не упоминать о включении в состав Халхи Внутренней Монголии и Барги» [11, с. 7].

Хотя данное соглашение не имело целью признание независимости Монголии, субъектами подписания документа были названы «Россия и Монголия», и соглашение должно было соответствовать юридическим нормам международного права, иметь дипломатическое значение. Без сомнения, оно должно было иметь особое значение для выхода Монголии на международную арену. Этот вопрос приобрел особое значение на следующем витке истории для Монголии. Заключая данное соглашение, Россия отстаивала в первую очередь свои интересы. Тем не менее, оно было крайне важным для выбора пути Монголии. Это осознавали монгольские лидеры. С Монголией стали поддерживать связь государственные деятели России, в частности, министр иностранных дел, ускоряя процесс подписания. Вместе с тем необходимо отметить, что к этому времени уже была

¹ Европейское название старой столицы Монголии.

налажена прямая дипломатическая связь между Монголией и Россией. Так как Россия решила заключить соглашение с Монголией, то Правительство России уведомило Правительство Монголии о назначении опытного дипломата И. Я. Коростовца своим особым представителем в августе 1912 г. Правительство во главе с Богдо-ханом Джебцзундамба-хутухтой и Сайн-нойон-ханом Намнансурэном выразило благодарность российскому императору в связи с назначением особого посла Коростовца и принятием предложения северному соседу о подписании договора о дружбе [12, с. 170]. Это было большим шансом для монголов в поиске возможностей закрепления своей фактической независимости.

Следующим шагом была инструкция, данная Правительством и МИД России И. Я. Коростовцу 23 августа 1912 г. [13, с. 1–2]. В начале этой инструкции было сказано, что «не было достигнуто осязаемого результата» в процессе переговоров с китайской стороной по монгольскому вопросу, что китайцы намерены «применить военную силу и уничтожить независимость Монголии», «разбрасывают кости между монгольскими нойонами», «готовят военные группы для отправки в Монголию», и в связи с этим не имеется возможности проведения переговоров с китайцами, не признающими изменение ситуации в Монголии [13, с. 1]. Далее было указано, что Правительство Российской империи перешло на путь установления прямых контактов с Правительством Хурэ и приняло решение о подписании договора, что «необходимо стремиться к образованию пограничного с Россией государства, слабого в военном отношении», и «для реализации этих целей: 1) оказать помощь в национальном праве Халхи; 2) запретить ввод китайских солдат; 3) не допустить колонизации Халхи китайцами» [Там же].

Торгово-промышленные группы России преследовали, в первую очередь, экономические интересы: монопольное использование полезных ископаемых и сырья, и требовали от правительства оказания преимуществ в ведении торговли, особых прав и условий. Необходимо отметить, что это нашло свое отражение в Соглашении о дружбе, подписанном в октябре 1912 г., и в Кяхтинском соглашении 1915 г.

История подписания Соглашения о дружбе между Россией и Монголией

Полномочный представитель Российской империи И. Я. Коростовец прибыл в Хурэ 21 сентября 1912 г. для ведения переговоров с Монгольским правительством. Он прибыл с проектом Соглашения о

признании Монголии как автономии по решению Правительства России и вручил его монгольской стороне. Представители Монгольского правительства, ознакомившись с данным проектом и не признав его главную цель – статуса Монголии как автономии, внесли свои поправки и дали ответ. Монгольские руководители составили свой проект договора, совершенно отличный от русского, как заметил И. Я. Коростовец. Монгольский проект начинался заявлением «Монголия свергла китайское (маньчжурское. – *О. Б.*) иго и объявила себя независимым государством под властью своего Богдыхана. Россия первая признала эту независимость и обязалась защищать». Затем говорилось о признании «внешней независимости монгольского государства» и об избрании Хутухты «эзэн ханом», т. е. светским государем, признанным Россией [9, с. 223].

Основной идеей поправок монгольских руководителей было: сохранить независимость и уже объявленный суверенитет Монголии; не допустить понижения статуса независимости – ограничения его формой автономии в пределах Китая; включить в состав страны Внутреннюю Монголию и Баргу и назначить постоянного представителя правительства в России, т. е. своего дипломатического представителя в Петербург, а Россия назначает в Ургу посланника. Также русским запрещается приобретение в Монголии земель в собственность и ведение меновой. Русским запрещается путешествовать в Монголии без паспортов, а русским чиновникам не разрешается пользование уртонами, т. е. почтовой гоньбой, в неограниченном количестве лошадей. Право это ограничено ста лошадьми и тридцатью верблюдами в месяц на данное расстояние [9, с. 211–223].

В это время И. Я. Коростовец получил телеграмму от Министра иностранных дел Сазонова, разрешавшую ничтожные отступления от заготовленного в Петербурге проекта. Притязание монголов на политическую самостоятельность и на включение Внутренней Монголии в соглашение решительно отклонялись [9, с. 223].

Возникли большие споры вокруг поправок, связанные с позициями обеих сторон.

И. Я. Коростовец заявил монгольским министрам, что Монгольский проект неприемлем, ибо изменяет цель нашего соглашения, тщательно изученного компетентными лицами в Петербурге. Приведя затем доводы, заключающиеся в телеграмме Сазонова относительно невозможности для России признать теперь же полную независимость Монголии, указав на примере Египта и Марокко, пользующихся внутренней автономией, объяснить, что объединение народностей

достигается не сразу, а путем исторической эволюции, и сослался на Балканские государства, освободившиеся от турецкой вассальности.

Представитель Российской империи И. Я. Коростовец напомнил о том, что русское Забайкалье населено бурятами, т. е. отраслью монгольского племени. Посему, если монгольские националисты добиваются объединения всей Монголии, то им придется вести войну не только с Китаем, но и с Россией, ибо едва ли мы согласимся уступить Забайкалье ради монгольской национальной идеи, так он подытожил.

Премьер министр Саин-ноин Намнансурэн возразил, что это весьма убедительно, то, что монголы хотят не автономии, значения коей они не понимают, а настоящей независимости, т. е. уничтожения китайского суверенитета. Во время пребывания монгольской делегации в 1911 г. в Петербурге, русские министры, будто бы, дали положительные заверения в смысле полной самостоятельности Монголии и советовали объединить всю Монголию, а не одну только Халху. Такое же мнение высказал председатель совета министров граф Кокцов. Между тем предлагаемые теперь Россией условия, расходясь с этими обещаниями. Оставление в силе китайского суверенитета равносильно восстановлению власти Китая, порабощению и разделению Монголии на две части – одну с признаками наружной самостоятельности, а другую, обреченную на поглощение Китаем.

Саин-ноин хана поддержал Да-лама Цэрэнчимэд, заявивший о невозможности отказаться от Внутренней Монголии, и что ныне Монголия самостоятельное государство, которое может заключать договоры на началах равноправия.

И. Я. Коростовец объяснил, что об обещаниях, данных делегации в Петербурге, ему ничего неизвестно, если же что-нибудь и говорилось в этом смысле, то наши министры, очевидно, имели в виду дипломатическое воздействие на Китай, дабы удержать его от насильственных мер против Монголии. Конечно, Россия хотела бы включить в соглашение и Внутреннюю Монголию, но политическая обстановка этого не позволяет. Если нам удастся заключить договор, то Халхе легче будет затем договориться с княжествами Внутренней Монголии. Россия уже заявила, что признает автономию Монголии и готова гарантировать ей защиту от Китая, но заявление это требует закрепления путем соглашения. Поэтому я желаю знать, намерено ли монгольское правительство заключить такое соглашение, или же предпочитает сохранить прежнее положение и вступить в переговоры с князем Наянту, говорил И. Коростовец.

Да-лама Цэрэнчимэд выразил более резко, что монгольское правительство не может согласиться на комбинацию, закрепляющую их независимость от Китая. Монголия предпочитает воевать с китайцами, чтобы сохранить независимость, а если не удастся, то она разделит участь южной Монголии, т. е. останется вассалом Пекина. Лучше всем монголам погибнуть вместе, чем допустить, чтобы Халха приобрела свободу ценой порабощения юга и востока. К тому же соглашение, продолжал он, не предоставляет Монголии осязательных выгод, ставя ее между молотом и наковальней, а по мнению некоторых есть скрытый шаг к русскому протекторату и к превращению Монголии в Бухару или Корею. В виду сего следует подумать, с кем выгоднее входить в соглашение: с китайцами или с русскими. Монголы бедны и невежественны, но свободолюбивы, и не хотят превращаться из китайских рабов в русских. Между тем, русское правительство даже не желает обсуждать соглашение, а требует бесспорного принятия поставленных им условий. Посему он считает, что лучше подождать приезда китайского посланника Наянту и узнать его условия, а затем выбрать то, что выгоднее для Монголии [9, с. 225]. Коростовец был большим дипломатом, но да лама Цэрэнчимэд не уступал ему, показав свои дипломатические качества.

Временами казалось, что переговоры прекратятся. Но в ходе жарких споров стало очевидно, что такая позиция монгольской стороны не принесет желаемых результатов. Осознав значимость самого факта подписания договора с великой державой Россией, принимая во внимание внутренние и внешние условия Монголии, возможности в будущем, после подписания договора, отправления своего посла в Россию, обращения к другим государствам и поиска поддержки, возможности для новообразованного Монгольского государства вступать в равные партнерские отношения со всеми странами мира – монгольская сторона пошла на определенные уступки. Русский представитель, со своей стороны, пошел на уступку, убрав слово «Внешняя» из названия «Внешняя Монголия», признав целесообразность использования названия «Монголия» в широком смысле слова в русском варианте, и использования термина «Монгол улс» («Государство Монголия») в монгольском варианте, и не стал возражать против использования толкований на монгольском языке перевода французского слова «автономия», имеющего греческое происхождение, как «өөртөө тогтнох», «өөрөө эзэрхэх» «ёс журам» (само существование, самоуправление. – *О. Б.*).

Данным соглашением Российская империя не только официально признала Монголию и ее правительство, но и в дальнейшем это соглашение было принято за правовую основу в закреплении ее государственного суверенитета. Также необходимо отметить, что в существовавших в то время условиях факт подписания данного соглашения являлся, в сущности, весьма прогрессивным шагом. После провозглашения Монголией независимости данное соглашение стало первым правовым документом для определения статуса Монголии на международной арене.

В результате двусторонних уступок 21 октября /3 ноября 1912 г. полномочный представитель Российской империи Иван Коростовец, с одной стороны, и премьер-министр Монголии Сайн-ноён-хан Намнансурэн и пять министров, с другой, заключили в Монгольской столице Нийслэл-Хурэ Соглашение¹ о дружбе, которым определили отношения между новой Монголией и Россией.

В начале Соглашения было отмечено факты изгнания с территории Монголии китайских оккупантов, провозглашения Богдо-гэгэна VIII Джебцундамба-хутухты. Многими Возведенным ханом Монголии, прекращения монголо-китайских отношений, необходимости расширения старинных дружественных русско-монгольских отношений, развития экономических отношений, необходимости принятия особых правил ведения торговли. В пункте 1 Соглашения указано: Правительство Российской империи обязуется сохранить автономию Монголии, окажет помощь для «запрещения ввода китайских войск на ее территорию», а также в том, чтобы «не впускать китайских переселенцев». Фактически, Монголия начала существовать, как суверенное государство. Из нее были выведены китайские войска и эксплуататоры. В дальнейшем Монголия получала право не впускать на свою территорию китайские войска и китайских переселенцев.

В монгольском варианте Соглашения было отмечено, что правительства обеих сторон признали данные условия. Пункт 2: великий хан и Правительство Монголии обязуются на своей территории оказать российским гражданам и торговцам, согласно Протоколу, как приложению к настоящему Соглашению, преференциальный режим ведения торговли, обязуются не давать особые права торговцам чужих стран, кроме России. Пункт 3: в случае необходимости и целесообразности заключения нового договора с Китаем или другим

¹ В русском тексте использовано слово «соглашение», а в монгольском – «гэрээ (договор)». Следовательно, международно-правовой статус документа различается в монгольском и русском вариантах.

государством, Правительство Монголии не имеет права заключать его без предварительного согласия с Правительством России, либо должно внести изменения. Пункт 4: настоящее Соглашение вступает в силу с даты его подписания [5, с. 180].

Соглашением и его приложением были узаконены особые права российских торговцев в Монголии. Например, в любой части Монголии гражданам России разрешалось вести торговлю, свободно передвигаться, заниматься производством, обслуживанием, заключать любые виды контрактов, вывозить и ввозить через границу товары без уплаты таможенной пошлины, свободно развивать частную собственность, открывать свои филиалы финансово-банковских организаций. Это показывает монополию русских на монгольском рынке.

И. Я. Коростовец в своей книге «От Чингисхана до Советской республики» и в дневниковых заметках оставил крайне интересные сведения. Он так описал свои впечатления о первой встрече с монгольскими лидерами: «На первое заседание в консульстве собрались все князья-правители, а именно упомянутый Сайн-нойон-хан, министр иностранных дел Ханда-ван, министр внутренних дел Далама, министр финансов Тушэту-хан, министр юстиции Эрдэни-ван-Намсарай и военный министр Далай-ван. Я уже говорил о Даламе и о Ханда-ване, участниках депутации, посланной в Петербург в 1911 г. Сайн-нойон сделался министром недавно, после умершего Цзасакту-хана. Князья приехали верхом, надев для столь торжественного случая парадные курмы и собольи шапки. Их сопровождали многочисленные конюхи, расположившиеся во дворе и в прихожей. С нашей стороны присутствовали кроме меня, генеральный консул Люба, Попов, Эльтеков и бурят Церемпилов, состоявший переводчиком консульства. Я впоследствии неоднократно прибегал к услугам этого бурята. Он был вхож ко двору Хутухты¹ и пользовался некоторым влиянием в правительственных сферах, ссужая деньгами князей и тайчжи, из коих многие были в кабале у китайских ростовщиков... Я начал с заявления, что Россия и Белый Царь, относившиеся всегда дружелюбно к Монголии, узнав о затруднениях, возникших в связи с отделением от Китая, решили прийти к ней на помощь. Задача эта будет облегчена, если монголы заключат с нами соглашение, которое закрепит связь Монголии с Россией и даст ей возможность заступиться за монгольскую автономию. Меня назначили для переговоров, потому что в бытность посланником в Пекине мне пришлось близко познакомиться с монгольскими делами.

¹ Богдо-хан.

От имени князей выступил Да-лама – бритый монах (остальные князья с космами) аскетического вида с резкими чертами лица. Он заявил, что монголы готовы заключить соглашение с Россией, но желали бы прежде выяснить, как оно отразится на их отношениях с Китаем. Китайцы также предложили соглашение и хотят прислать монгольского князя Наянту для переговоров. Монгольское правительство в ожидании дальнейших шагов России, пока отказалось принять Наянту, оно к тому же стремится к объединению не только Внешней, но и Внутренней Монголии, тесно связанной с первой.

Я объяснил, что мне поручено вести переговоры лишь о Халхе и что вопрос о Внутренней Монголии лучше пока не возбуждать. Что касается Китая, то соглашение с ним монголов, вероятно, будет равносильно отмене их независимости. Мы хотим сближения с монголами ради обоюдной выгоды, ибо считаем, что Монголия, как государство-буфер, могла бы служить оплотом на нашей границе против китайского проникновения. Настоящий шаг вызван образом действия Пекинского правительства и от монголов будет зависеть воспользоваться нашим предложением.

Сайн-нойон, хранивший молчание, ответил, что монголы сознают важность переживаемого их страной момента. Слова мои и проект соглашения будут доложены Богдо (Хутухта) безотлагательно. Так закончилось мое первое свидание с монгольскими министрами» [9, с. 211–212].

Наибольший интерес вызывает запись И. Я. Коростовца в день подписания Соглашения: «Заключение договора состоялось 21 октября. Вот как произошло это знаменательное событие. Князья приехали в консульство поздно вечером, когда я уже не думал их увидеть. Задержка была вызвана гаданием придворного астролога, выбиравшего счастливый день для подписания. День оказался счастливым, о чем князья заявили мне с видимым удовольствием. Мы тотчас же приступили к сличению текстов и к подписанию. Монголы, впервые видевшие такую процедуру, отнеслись к ней с большой серьезностью. Они внимательно прослушали чтение и с тщательностью занялись начертанием тушью своих имен. Затем подали шампанское, и я предложил тост за благоденствие Автономной Монголии и за русско-монгольскую дружбу. Князья расчувствовались, жимали мне руки и твердили “цзаа”. Сайн-нойон даже произнес маленький спич, а министр финансов шутиливо заметил, что со времени монгольского нашествия на Россию, настоящее событие есть первый шаг к восстановлению прямых сношений Монголии с Россией. Теперь монголы могут быть спокойны за судьбу своей страны, ибо

Россия и Цаган-батыр, т. е. Белый царь, не выдадут ее никому... Во время нашей беседы князья сознались, что колебания их продолжались до последней минуты, и что окончательное решение подписать принято было по настоянию самого Богдо. Оказалось, что сомнения возникли под влиянием разговоров с Ларсоном, прибывшим недавно из Пекина. Названный Ларсон, по национальности норвежец (швед. – *О. Б.*) и представитель американского библейского общества, приехал в Ургу якобы по делам общества, в действительности же был командирован Пекинским правительством, чтобы побудить монголов прервать переговоры с Россией. Он имел также поручение от группы капиталистов, желавших получить концессию на сооружение железной дороги между Калганом и Ургой. Монголы однако отвергли все предложения Ларсона, заявив, что готовы вести переговоры с Китаем лишь после заключения Соглашения с Россией и притом как равный с равным» [9, с. 233].

Назавтра после подписания русско-монгольского Договора о дружбе в консульство Российской империи пришел Ханда-ван и передал поздравление от Богдо-хана в связи с подписанием Соглашения. Позже пришла телеграмма на имя Коростовца из Российского МИД, в которой сообщалось о подаче императору Соглашения, подписанного Коростовцом. Царь своей рукой начертил: «Выражаю свою благодарность Коростовцу. Милостью царя».

Период после подписания Соглашения о дружбе 1912 г.

Через три дня после подписания Соглашения о дружбе между Россией и Монголией министр иностранных дел России Сазонов дал указание послу Крупенскому уведомить об этом китайскую сторону. Крупенский сообщил об этом министру иностранных дел Китая в Пекине 26 октября 1912 г., и китайский министр на это сказал: «Россия признала Правительство Монголии», добавив: «но однако еще не признала Китайское правительство» [5, с. 181–183; 12, с. 174–175]. Это свидетельствует о том, что Китай рассматривал подписание Соглашения о дружбе и Торгового протокола как факт признания Россией независимости Монголии – причем раньше, чем Россия признала Китайскую республику.

По истечении нескольких дней после этого события китайский министр иностранных дел посетил с визитом Санкт-Петербург и официально сообщил министру иностранных дел России, что китайская сторона не признает Соглашение между Россией и Монголией. На это Сазонов ответил: «Россия окончательно не признала независимость Монголии, но мы можем включить Китай в трехсторонние

переговоры и таким образом закрепить сюзеренитет Китая» [13, с. 32]. Китайская сторона отрицала возможность заключения с Монголией каких-либо документов, считая ее своей частью, и сообщила, что России необходимо заключить договор с правительством Китая относительно Монголии. Но для этого России сначала необходимо аннулировать Соглашение с Монголией. 19 ноября 1912 г. министр иностранных дел Китая еще раз обратился к Сазонову с просьбой аннулировать Соглашение о дружбе с Хурэ. Но на эту просьбу Сазонов и Крупенский дали ответ, что «предложение китайской стороны слишком запоздало» [15, р. 314].

Четкая позиция Сазонова относительно подписания договора отражает поддержку Россией самостоятельности Монголии. С другой стороны, неоднократные просьбы Китая об аннулировании договора с Монголией свидетельствуют о признании ее независимости и необратимом изменении ситуации в пользу Монголии. И. Коростовец писал в своей телеграмме, посланной в МИД России 27 сентября 1912 г.: «Хотя монгольская сторона и не внесла изменения в проект, данный мной, но они желают включить пункт о своей независимости не только от Китая, но и других государств» и сообщил российской стороне о позиции Монголии [13, с. 5].

Монголия стала независимой после подписания Соглашения от 3 ноября 1912 г., так как двусторонние отношения поддерживались минуя китайскую сторону, стали проводиться прямые контакты [4, с. 42]. Российские печатные органы отмечали, что если бы Монголия не была отдельным государством, то подписания данного документа не произошло бы, и факт подписания данного Соглашения сам по себе отрицает статус сюзеренитета Китая над Монголией. Была даже опубликована статья Петера Тана, доказывающая, что Россия, используя название «Монголия» вместо «Внешняя Монголия» закрепила данное название за этим государством. Вместе с тем он писал, что в данном документе не отражены территориальные вопросы [15, р. 315].

Иностранные эксперты по-разному приняли данный документ. «Россия поддержала образование нового государства», «Монголия, отделившись от Китая и обретя свою независимость, не станет колонией России» и т. д. [13, с. 5].

После подписания Соглашения между Российской империей и Монголией в последней расширилось влияние России. Это внесло большие изменения в равновесие сил между Россией и Китаем. Назрела необходимость переговоров специально по этому вопросу, что следовало из позиции китайской стороны, желавшей монополь-

но владеть Монголией, как и раньше. Это еще раз доказывает, что переговоры с российской стороной были прогрессивным событием для монголов. Признание Россией Монголии как полномочного лица для проведения переговоров давало право Монголии для отстаивания своих национальных интересов, защиты своей независимости. Это было большим достижением, важным результатом мудрой политики Богдо-гэгэна и других лидеров Монголии.

Российская империя была готова приступить к переговорам с Китаем при условии сохранения своих преференций согласно Соглашению 1912 г. После подписания последнего, Сазонов послал официальные сообщения послам Англии, Франции и Японии, где отметил: «Если Китай признает этот договор, то мы не будем против заключения договора с Монголией и сюзеренитета над Монголией» [15, р. 313]. Хотя китайская сторона отрицала и не признавала факт подписания Соглашения о дружбе, а другие документы считала незаконными, российская сторона последовательно придерживалась своей позиции. Поэтому посол России в Пекине встретился с министром иностранных дел Китая, ознакомил его с Соглашением о дружбе, обязанностями России перед правительством Хурэ, и потребовал признания этого факта Правительством Китая. Далее советник посольства России обратился в МИД Китая с фальшивым сообщением о направлении монгольского посла в Санкт-Петербург в ноябре 1912 г. Это было формой давления на китайскую сторону и свидетельствует о нежелании России потерять свои интересы в Монголии.

Таким образом, после обмена несколькими нотами обе стороны пришли к выводу проведения переговоров. Хотя Китай не признавал все документы, подписанные Россией с Монголией, но впоследствии все же признал Торговый протокол, состоявший из 17 пунктов, в преддверии намечавшихся переговоров с Россией. Это отмечено в пункте 4 Русско-китайской Декларации 1913 г., а позже было закреплено пунктом 21 Кяхтинского Соглашения 1915 г. между Россией, Китаем и Монголией. Это доказывает, что Соглашение о дружбе и Торговый Протокол имеют законную силу.

В русском проекте была указана «Внешняя Монголия», но монгольская сторона отрицала этот термин. В результате стали использовать термин «Монголия» [14, с. 411]. Кроме того, что это название имело двоякий смысл (могло означать название как государства, так и просто географической территории), оно могло означать Внешнюю Монголию (Ар Монгол) или же общее название монгольских народов, что видно из русского варианта Соглашения [1, с. 38].

Данное Соглашение дало право русским для расширения своей деятельности в Монголии, предоставив русским капиталистам широкие права на свободное предпринимательство. Е. М. Даревская отметила, что это привело к «полному давлению и власти русских в Монголии» [6, с. 60]. Русские коммерсанты занимались добычей золота и других полезных ископаемых, открывали различные сообщества, товарищества, занимались широкой продажей государственных и частных товаров. Они даже открыли Монгольский национальный банк. Русский рубль стал постепенно вытеснять с монгольского рынка китайский юань [8, с. 62]. Русская торговля расширялась не только в количественном отношении, но в качественном. Поэтому российскую экономическую экспансию в Монголии необходимо рассматривать как реализацию политики России относительно Монголии. На многолетнюю стратегию и политику России влияли общность границы, исторические связи, традиции, взаимные экономические интересы. После 1911 г. Россия находилась в конкуренции с другими государствами, и в стратегическом плане ей было важно расширить, а не потерять свои позиции, закрепленные Русско-японским договором о разделе сфер влияния.

Хотя данное Соглашение часто рассматривают как документ, защищающий интересы российской стороны и давление на монгольскую сторону, для Монголии оно сыграло важную роль, ознаменовав выход Монголии на международную арену как вновь образованного государства.

Заключение

Договор о дружбе, заключенный 3 ноября 1912 г., и проведенные переговоры в дальнейшем имели огромное значение для Монголии. Данным договором Российская империя не только официально признала Монголию и ее правительство, но в дальнейшем Договор был принят за правовую основу при закреплении государственного суверенитета. Факт заключения Соглашения Монголии с Российской империей стал ударом для китайской экспансионистской политики и привел к необходимости ведения переговоров Китайского правительства с Россией по монгольскому вопросу.

Хотя Договор о дружбе и Торговый протокол 1912 г. традиционно причисляют к экономическим документам, они имели огромное политическое значение. Сам факт заключения Договора не только привел к концу прежние отношения между Монголией и Китаем, но и открыл возможность для новообразованного Монгольского государства иметь равные отношения со всеми странами мира. После

провозглашения Монголией своей независимости Договор стал первым официальным правовым документом для определения статуса Монголии на международной арене [1, с. 116]. Данным документом было определено:

1. Монголия – государство, имеющее собственного правителя и собственное правительство.

2. Монголия имеет право формировать собственные войска.

3. Монголия начала существовать по принципу суверенного государства.

4. Из Монголии были выведены китайские войска и эксплуататоры, а в дальнейшем она получила право не допускать на свою территорию китайские войска и китайских переселенцев.

Монголия стала юридически правомочным субъектом, имеющим полное право на заключение любых договоров с иностранными государствами. Это право было признано Правительством России, и Россия обязалась оказывать всемерное содействие для его «неукоснительного соблюдения». Также необходимо отметить, что в существовавших в то время условиях факт подписания данного Соглашения являлся, в сущности, весьма прогрессивным шагом. Хотя в ходе переговоров монголами был поставлен вопрос о включении Внутренней Монголии и Барги в состав Монголии, русские наотрез отказали в данном требовании; также был получен отрицательный ответ на вопрос о пребывании монгольского посла в Петербурге. Судьба Внутренней Монголии к тому времени уже была предрешена секретным договором между Россией и Японией. Вопрос об аккредитации монгольского посла в Российской столице являлся щекотливым моментом в условиях ограничения монгольской независимости формальной автономией.

Российская империя официально признала Правительство Монголии подписанием данного Договора о дружбе, и рассматривала Монголию как правомочный субъект для подписания такого документа. Объявление всему миру о подписании данного документа было фактическим признанием нашего государства и его названия «Монголия». Это, безусловно, не отвечало интересам Китая. Таким образом, подписание Договора о дружбе с одной из сильнейших держав дало монголам новый импульс для продолжения борьбы за свою независимость. Договор о дружбе 1912 г. положил начало дипломатических отношений Монголии и России в будущем.

Источники и литература

1. Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын Хиагтын гэрээ, Адман хэвлэх үйлдвэр. Улаанбаатар, 2002.
2. Белов Е. А. Как возникли тройственные русско-китайско-монгольские переговоры в Кяхте в 1914 г. Китайская традиционная культура и проблемы модернизации Ч. 1. М., 1994.
3. Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969.
4. Волосович М. Россия и Монголия // Вестник Азии. 1914. № 31-32.
5. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1925.
6. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX вв. Иркутск, 1994.
7. Дэндэв Л. Автономит Монгол улсын үеийн онцлог баримт бичгүүд (Түүхийн хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан). Улаанбаатар, 1945.
8. Единархова Н. Е. Русские в Монголии: Основные этапы и направления деятельности в 1861–1919 гг. // Материалы конф. «Россия и Монголия в многополярном мире». Ч. 1. Иркутск, 2000.
9. Коростовец И. Я. От Чингис-хана до Советской Республики. Улаанбаатар, 2004.
10. Майский И. Современная Монголия. Иркутск, 1921.
11. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств (1878–1917). Сер. 2. Т. 20. Ч. 2. М.; Л., 1931.
12. Монголын ард түмний 1911 оны үндэсний эрх чөлөө, тусгаар тогтнолын төлөө тэмцэл Баримт бичгийн эмхтгэл 1900–1914. Улаанбаатар, 1982.
13. Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу. СПб., 1914.
14. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952.
15. Tang P. S. H. Russian and Soviet policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911–1931. Durham, Duke Univ. Press., 1959.

The Russo-Mongol agreement in 1912 is starting point of diplomatic relations between the two nations

O. Batsaikhan

Institute of International Affairs Mongolian Academy of Sciences, Ulan-Bator

Abstract. In this article, the author examines the history of the conclusion of the Treaty between Russia and Mongolia and the Trade Protocol in 1912. He puts forward the position that, contrary to the opinion accepted in historiography, the above documents should be considered the beginning of Russian-Mongolian relations, and not the 1921 Treaty. The author points out that the documents of 1912 were of great political importance, opening the opportunity for the newly formed Mongolian state to have equal relations with all countries of the world.

Keywords: History of Mongolia, Russo–Mongolian Relations: Russo-mongolian agreement and protocol, Uрга, Bogdo khan, Namnansuren, Korostovets.

**Монгольская газета «Монголын унэн» –
первая партийная газета страны:
к 100-летию издания***

Ю. В. Кузьмин

Байкальский государственный университет
г. Иркутск

Аннотация. Представлены материалы о первой партийной газете Монгольской народной партии «Монголын унэн». Газета издавалась в ноябре 1920 г. – апреле 1921 г. в Иркутске монгольскими революционерами и распространялась в Монголии во время революции 1921 г. Дана информация об инициаторах издания газеты, монгольском составе редакции, основном содержании газетного материала. В научный оборот введены новые архивные материалы, которые позволили уточнить некоторые исторические детали издания первой партийной газеты Монголии, роли Коминтерна и органов власти Иркутска и Сибири. Дана характеристика содержания первых номеров газеты, монгольский состав редакции газеты.

Ключевые слова: «Монголын унэн», партийная печать, монгольская революция 1921 г., Иркутск, Коминтерн, история изучения.

В 2020 г. исполнилось 100 лет со дня издания первой партийной газеты «Монголын унэн» («Монгольская правда»), первый номер которой вышел в Иркутске 10 ноября 1920 г. Всего вышло 6 номеров газеты. Последний номер газеты вышел 19 апреля 1921 г., в котором была представлена информация о Первом съезде Народной партии Монголии и создании Временного революционного правительства [6, с. 51]. Это была газета Монгольской народной партии и издавалась монгольскими революционерами с помощью Коминтерна. Издание газеты было связано с приездом в Иркутск монгольских революционеров и нахождением в городе будущих лидеров монгольской революции Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана, изучением ими военного дела и опыта революции и революционных преобразований в России.

Историю монгольской печати и газету «Монголын унэн» специально изучали российский ученый Г. Н. Зятуев в книге «Первые газеты революционной Монголии» (1962 г.) [2], монгольские иссле-

* **Финансирование.** Грант Российского фонда фундаментальных исследований 18-514-94002 МОКН_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии». Грант РФФИ 20-59-44008 Монг_а Мировое на российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии.

дователи: Г. Дэлэг («Монгол тогтомог хэвлэлийн туухэн тэмдэглэл» («Очерки истории монгольской периодической печати») (2014 г.) [1], М. Зулькафиль, Ч. Чойсамба «Журналистика Монголии: от первой газеты до онлайн прессы» (2015 г.) [3].

Газета издавалась на старомонгольской письменности, форматом 38 на 54 см, на четырех полосах литографическим способом. В конце третьего и пятого номеров проставлен тираж газеты «Монголын унэн» – 3000 экз. Длительное время историки печати не могли обнаружить 2 и 4 номера газеты. В настоящее время все шесть номеров газеты найдены, опубликованы и внимательно изучены. В настоящее время номера газеты «Монгольская правда» выявлены в Монголии: в Центральном архиве МНРП (5 номер), Государственном архиве (1, 3, 6 номера), Государственной библиотеке (1 и 3 номера); в России: в партийном архиве ЦК КПСС (1, 3, 4, 5 номера), Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (5 номер). По данным Г. Дэлэга не был найден только второй номер газеты [1, с. 176].

Значительную организационную роль в издании монгольской газеты сыграл Монголо-Тибетский отдел Дальневосточного секретариата Коминтерна (Б. Шумяцкий, Э. Ринчино, С. Борисов). В Иркутске Коминтерном также издавался журнал «Народы Дальнего Востока», в котором публиковались и материалы о монгольских событиях.

Инициаторами издания газеты «Монголын унэн» монгольские исследователи называют Д. Сухэ-Батора, Х. Чойбалсана и Д. Лосола, которые в это время находились в Иркутске [1, с. 207]. Г. Н. Заятуев признает, что издание газеты связано с приездом монгольских делегатов в Иркутск, но отмечает, что «в трудах и выступлениях, речах Сухэ-Батора и Чойбалсана мы не находим прямых подтверждений на этот счет и вообще ссылки на газету “Монголын унэн”» [2, с. 5]. Российский исследователь также пишет, что нет сведений, что ее издавали монголы. Монгольский историк монгольской печати Г. Дэлэг на основе документальных материалов доказывает, что газету в Иркутске издавали монгольские революционеры и представители монгольской интеллигенции.

Отмечается также определенная роль известного чешского писателя и журналиста Ярослава Гашека в создании данной газеты. Профессор Б. С. Санжиев подробно описал интерес Я. Гашека к странам Востока, изучение китайского языка в Иркутском университете, факт знакомства и общения с монгольскими революционерами в Иркутске. Я. Гашек занимался активной политической и журналистской деятельностью при политотделе 5-й Армии, заведует газетой «Наш путь», издает газету «Штурм» (на немецком языке), «Рогам»

(«Наступление») (на венгерском). Издавал также одну из первых газет на бурятском языке «Уур», привлекал для этого бурятских лам. В Иркутске Я. Гашек находился одновременно с Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном, участвовал в политических митингах и собраниях.

Газету «Монголын унэн» печатали в иркутской типографии, монгольский шрифт для которой специально заказывали в Казани. Из протокола совещания Сибирской миссии НКВД РСФСР и Секции восточных народов с делегацией МНРП от 18–20 августа известно, что монгольской стороне «необходима маленькая литография, при помощи которой можно было бы выпускать небольшие листовки, воззвания и пр. затем необходимо здесь в Иркутске организовать издание литературы на монгольском языке» [7, с. 114]. Таким образом, за два месяца с небольшим, (конец августа – начало ноября), была решена данная непростая задача – издание газеты на восточном языке.

После 20 августа 1920 г. в «Принципах деятельности Монголо-Тибетского отдела Секции восточных народов» отмечается направленность тематики будущей газеты на монгольском языке: «в которой статьи, посвященные национальному движению, должны строиться таким образом, чтобы вопрос о национальном освобождении тесно связывался с вопросами внутренней монгольской жизни, и возможность ликвидации чужеземного гнета обуславливалась радикальной ломкой феодально-геократического строя. Острая постановка этого вопроса на первых порах должна из тактических соображений, конечно, избегаться, но существо его непременно должно затрагиваться в каждой статье» [5, с. 39]. Мы видим, что вопросы решались в Иркутске довольно оперативно представителями Коминтерна, и их участие в определении названия, ее содержания и направленности носило решающий характер.

Из протокола совместного заседания Президиума секции восточных народов с Монголо-Тибетским отделом от 16 сентября 1920 г. мы узнаем, что «теперь идет работа по выпуску 1-го номера газеты “Монгольская правда” [5, с. 48]. Уже появилось название газеты, и была определены ее задача и структура: «Газета должна иметь агитационное название в соответствии с целями и заданиями отдела, должен быть также информационный отдел. Агитационно-пропагандный материал должен делиться на рубрики, приблизительно следующие: 1. Монгольское революционно-демократическое движение. 2. Советская Россия. 3. Революционное движение в Азии и Китае. 4. Мировое положение и III Интернационал» [5, с. 48].

Издание монгольской газеты в Иркутске имело свои причины, так ее издание в оккупированной Монголии было невозможно. Кроме того, у монгольских революционеров отсутствовала материальная база для ее издания. Первыми читателями и распространителями этой газеты были монгольские партизаны и ополченцы народной армии. Газета сыграла важную роль в информировании монгольского населения, в деле подготовки национального освобождения Монголии и необходимости вооруженной борьбы с внешними и внутренними врагами. Впервые в монгольской журналистике монгольская газета вышла с лозунгом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»

В архиве РГАСПИ (Москва) сохранились отдельные документы по изданию газеты «Монгольская правда» в Иркутске: документы Монголо-Тибетского отдела о необходимости срочного выделения бумаги для печати газеты, печатного станка, помощи статьями и заметками для данной газеты, вопросы цензуры газеты.

17 сентября 1920 г. начальнику Военно-топографической части направлено следующее обращение: «Просим выдать разрешение на печатание в срочном порядке – вне очереди в фотолитографии Военно-топографического отдела издаваемой Монголо-тибетским отделом Секции восточных народов Сиб. бюро ЦК Р.К.П. монгольской газеты «Монголын унэн» («Монгольская правда»). Необходимость выпуска газеты в срочном порядке вызывается монгольскими событиями (вторжение в Монголию белогвардейских банд – унгерновцев, семеновцев и пр.)»¹.

В Омск Председателю Сибирского областного бюро тов. Смирнову была направлена служебная телеграмма № 168: «Прошу вашего срочного распоряжения Иргубсовнархозу выдать распоряжение секции Востнародов литографского станка для печатанья нами корейских монгольских китайских газет запятая брошюр. Станок никем сейчас не пользуется точка...»².

24 сентября 1920 г. Секция восточных народов обращается в Иркутское губернское отделение Государственного издательства о планах издательства газет на корейском, монгольском, китайском языках. Отмечается, что газета «Монгольская правда» планируется к изданию два раза в месяц, тиражом 2 тыс. экземпляров, половине

¹ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 495. Оп. 154. Д. 34.

² Там же. Д. 29.

газетного листа¹. Указывается, что разрешение на издание газеты уже получено.

22 ноября 1920 г. Монголо-тибетский отдел обращается к тов. Ц. Цэрэнову с просьбой оказать помощь статьями и заметками². Был уже выпущен первый номер газеты, и возникла потребность в новых статьях для последующих номеров «Монголын унэн».

9 декабря 1920 в Иркутское губернское отделение «Центропечати» от имени Монголо-Тибетского отдела поступило сообщение о распространении газеты «Монгольской правды»: 125 экз. в Селенгинский аймак и Джидинский район, 50 экз. – Тункинский аймак. В Ангарский и Эхит-Булагатский аймаки газета не выслана, так как нет читающих по-монгольски³. Здесь выявляются новые регионы распространения газеты – пограничные с Монголией районы, населенные бурятским населением.

15 декабря 1920 г. начальнику окружного отделения военной цензуры Иркутска представлена информация, что «обязанность цензурирования газеты “Монгольская правда” возлагается на отв. сотрудника Секвостнара тов. Цыренжапова»⁴.

История издания первой монгольской газеты в Иркутске до сих пор не является полной и подтвержденной документами. Монгольский состав редакции газеты «Монгольская правда» также нуждается в дополнительном изучении. В исторической литературе называются имена С. Буяннэмэха (1901–1937 гг.) – представителя ЦК Монгольской народной партии в Иркутске, известного в будущем монгольского литератора: поэта, писателя, драматурга. Об этих событиях С. Буяннэмэх опубликовал воспоминания в 1934 и 1937 гг. в монгольской печати. «Меня приняли в ряды партии и направили представителем в комиссариат Секретариата по делам народов Востока в Иркутске. Я был преисполнен желанием внедрять в массы идеи партии, но и неуверенность в себе, своих сил одолевала меня. Смогу ли? Хватит ли у меня силы убеждения» [4, с. 100]. Необходимо отметить, что С. Буяннэмэх был образованным и подготовленным человеком, владевшим монгольским, китайским, маньчжурским и русским языками. В 1920–1930 гг. он выступал редактором монгольских газет и журнала «Путь культуры», книги стихов и рассказов, первые монгольские пьесы.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 34.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Также в составе редакции газеты, по сведениям Г. Дэлэга, работали Ч. Пурэв, 1871 г. р., владевший монгольским, маньчжурским, китайским, русским языками. Еще один член редакции Б. Ишдорж владел русским, французским, немецким языками. Таким образом, в редакции «Монгольской газеты» работали образованные и подготовленные монгольские специалисты [1].

В статье «О пользе возрождения Монголии» (1920, № 1) отмечалось, что за время существования Автономии ничего не было сделано для улучшения жизни народа, критиковался авантюризм барона Унгерна и генерал-губернатор Урги – представитель Китайской республики Чень И. Если ненависть к китайскому правлению была всеобщей, то критика барона Унгерна носила разъяснительный характер [3, с. 88–89]. Роль барона Унгерна в освобождении Монголии от китайских милитаристов была противоречивой. С одной стороны, он был спасителем Урги от китайских оккупантов, с другой стороны, решал собственные задачи борьбы с Советской Россией, используя территорию и экономические возможности Монголии. Поэтому было важно показать истинное лицо Унгерна и вовлечь монгольское население в полное национальное освобождение своей страны.

В передовой статье шестого номера газеты «Япония и монгольская свобода» поясняется, почему для Монголии не приемлема ориентация на Японию, которую проводит барон Унгерн, отмечаются агрессивная политика Японии в Корею и Китае. В третьем номере газеты была опубликована статья «Основные принципы создания народной власти в Монголии», в которой предлагается выборность и коллегиальность народной власти. Отмечалось, что представители власти избирается только на определенное время, акцентируется сменяемость власти и подконтрольность народу. Газета «Монгольская правда» сыграла важную роль в подготовке и проведении национально-демократической революции 1921 г. и установлении народной власти в июле 1921 г.

После освобождения Монголии с августа 1921 г. стала издаваться газета «Уриа» («Призыв») – орган Центрального комитета партии и правительства. В 1923 г. – газета «Ардын эрх» («Народное право»), а в 1925 г. она была переименована в «Унэн» («Правда»), ее тираж достиг 70 тыс. экз.

История деятельности Дальневосточного Секретариата Коминтерна (ДВСК) в Иркутске нуждается в современной исторической оценке в связи с введением в научный оборот значительного числа оригинальных архивных материалов, публикацией мемуаров и исторических исследований. Издание в Иркутске первой партийной мон-

гольской газеты «Монгольская правда» – яркая страница российско-монгольского сотрудничества в период подготовки и проведения монгольской революции 1921 г. Исторические подробности издания газеты в Иркутске нуждаются в дополнительных архивных поисках и научном исследовании.

Источники и литература

1. Дэлэг Г. Монгол тогтмол хэвлэлийн туухэн тэмдэглэл (Хоер дахь хэвлэл) (Исторический очерк монгольских периодических изданий. Второе издание). Улан-Батор, 2014. 390 с.
2. Заятуев Г. Н. Первые газеты революционной Монголии. Улан-Удэ, 1962. 56 с.
3. Зулъяфиль М., Чойсамба Ч. Журналистика Монголии: от первой газеты до онлайн прессы. Иркутск, 2015. 303 с.
4. Книга Монголии. Вып. 24. М. : Книга, 1988. 383 с.
5. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.
6. Очерки истории культуры МНР. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1971. 510 с.
7. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946) : сб. док. Ч. 1. М. : Изд. дом «Граница», 2019. 360 с.

Mongolian newspaper “Mongol UNEN” – the first party newspaper of the country: to the 100th anniversary of the publication

Yu.V. Kuzmin
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. Materials about the first party newspaper of the Mongolian people's party “Mongol UNEN” are presented. The newspaper was published in November 1920 – April 1921 in Irkutsk by Mongolian revolutionaries and distributed in Mongolia during the 1921 revolution. Information is given about the initiators of the newspaper's publication, the Mongolian editorial staff, and the main content of the newspaper material. New archival materials were introduced into scientific circulation, which allowed to clarify some historical details of the publication of the first party newspaper of Mongolia, the role of the Comintern and the authorities of Irkutsk and Siberia. The article describes the content of the first issues of the newspaper, the Mongolian composition of the newspaper's editorial staff.

Keywords: “Mongol UNEN”, party press, the Mongolian revolution of 1921, Irkutsk, Comintern, history of study.

История послереволюционной Монголии в трудах советских монголоведов

И. Н. Семушев

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
г. Улан-Удэ

Аннотация. Основное внимание уделяется трудам монголоведов молодого советского поколения, жизнь и деятельность которых тесным образом связана с Иркутском – городом, сыгравшим важную роль становлении и развитии как российско-советско-монгольских отношений, так и становлении российской научной школы монголоведения. Исследуется деятельность И. М. Майского (Ляховецкого), А. В. Бурдукова, А. Д. Калининкова, которые не только занимались исследованием послереволюционной Монголии, но и сыграли важную роль в становлении отношений между государствами в новых исторических условиях.

Ключевые слова: советское монголоведение, монгольские народы, Монголия, Иркутск.

Революционные события февраля и октября 1917 г. в России, и революция 1921 г. в Монголии оказали огромное влияние на все сферы жизни общества этих государств. Изменения не обошли стороной и научную сферу деятельности, в которой в связи с изменением социально-экономического и политического вектора государства меняется и исследовательская направленность.

В свою очередь монголоведческая наука также подверглась кардинальным изменениям: большой упор делается на практическое применение научного знания, что также связано с изменением в государственном национальном строительстве. Наука должна отвечать требованиям времени и быть актуальной, отсюда задача в изучении современного состояния культуры, состояния языка, традиций и обычаев, изучении истории различных народов. Исследование более ранних исторических периодов в уже советской науке, на которое часто делался акцент в дореволюционное время, уходит на второй план.

Наиболее важными становятся вопросы о причинах революционных событий, анализ происходивших преобразований в Монголии после революции, – особенное внимание уделяется экономическому развитию государства. В 1920-е гг. формируется целое поколение ученых – монголоведов из людей, занимающихся практической работой, политических деятелей, участников общественной жизни не только России, но и Монголии: М. И. Амагаев – представитель Ко-

минтерна при ЦК МНРП, С. Далин работал в Исполкоме КИМа, А. Д. Калинин, В. А. Казакевич, А. Д. Симуков – работники советского посольства в МНР, И. М. Майский – представитель иркутской конторы Центросоюза, Ц. Жамсарано, Э. Ринчино входили в политическое руководство Монголии.

Таким образом, теоретическое и практическое изучение Монголии было тесным образом переплетено с политическими процессами, происходившими в молодых социалистических государствах. Важное место в процессе становления и развития советско-монгольских отношений, и становления советской школы монголоведения занимает г. Иркутск, где в 1918 г. был открыт первый университет. Так, в этом университете было основано восточное отделение, где монголоведение стало ведущим направлением. Во-первых, это связано с тем, что в Иркутске уже была своя база монголоведческих исследований. Изучение монгольского и бурятского языков начинается в Иркутске еще в начале XVIII в., что во многом связано с развитием города как важного экономического центра Восточной Сибири. Во-вторых, до 1921 г. в городе были расположены организации Коммунистического интернационала, участвовавшие в политической жизни Монголии. Во второй половине 20-х гг. Иркутский университет начинает подготовку квалифицированных кадров для организаций Монгольской Народной республики различного уровня. В-третьих, после Революции и событий Гражданской войны многие монголоеды из Москвы и Петрограда оказались в Иркутске [7, с. 39].

Во многих отношениях первопроходцами в области развития монголоведческой науки и зачинателями становления советско-монгольских отношений стали следующие исследователи: И. М. Майский, А. В. Бурдуков, Н. П. Шастина, А. Д. Калинин, основные вехи деятельности которых, мы рассмотрим в данной статье.

Начало советскому монголоведению положил выход в 1921 г. фундаментальной работы дипломата и публициста И. М. Майского «Современная Монголия» [5]. Примечательно, что первое подобное исследование уже советской науки было издано в Иркутске.

Иван Михайлович Майский открывает новую страницу в развитии отечественного монголоведения, его советского этапа. Несмотря на то, что И. М. Майский не имел специального профессионального образования (он был исключен с историко-филологического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета, а уже затем окончил экономический факультет университета в Мюнхене), ему удалось написать обобщающую, комплексную работу по исто-

рии и культуре дореволюционной Монголии, и привлечь внимание исследователей востока. «Современная Монголия» была написана в ходе научной экспедиции Центросоюза по экономическому обследованию Монголии, в ходе которой важную роль сыграют еще не состоявшиеся на тот момент монголоеды Алексей Васильевич Бурдуков, во многом способствовавший написанию этой работы, а также Анатолий Дмитриевич Калинин.

Первоначальная цель экспедиции, исследование экономического потенциала территории Монголии, переросла, в силу большой заинтересованности И. М. Майского, в комплексное исследование экономического, культурного и социального развития монгольского общества.

Первый раздел исследования Майского посвящен описанию природно-климатических условий на территории Монголии. Второй освещает социальные аспекты жизни монгольского общества: дано подробное описание имеющихся социальных групп монгольского общества, демографический анализ, соотношение города и села, описание культурных особенностей, традиций населения и перечисление основных археологических памятников древности и средневековья. В целом, второй раздел очень информативен и разнообразен.

Далее идет анализ экономического развития монгольского общества перед Революцией 1921 г., где, как правило, больший акцент делается на развитии скотоводства. Подробное описание хозяйственных занятий, опирающееся на данные статистики, является ценным источником по истории дореволюционной Монголии. Большое внимание уделяется влиянию на экономику (как и на социальную сферу) соседних государств, в первую очередь Российской империи, а также влиянию Китая.

Автор делает вывод о том, что скотоводство, что очевидно, является преобладающей отраслью экономики, но, тем не менее, оно не достигло пика своего развития. По мнению Майского, опирающегося на собранные статистические данные, число лошадей в общем количестве поголовья скота слишком велико, при этом более полезными для экономического роста являются овцы и крупный рогатый скот [5, с. 201]. Количественные изменения в этой области хозяйствования непременно повлекли бы за собой и изменения качественные в виде дальнейшего развития уже перерабатывающей промышленности.

Начавшийся рост монгольской экономики в конце 1910-х гг., выразившийся в росте поголовья скота, в росте мелких и средних хозяйств, И. М. Майский связывает с двумя факторами: во-первых, с благоприятными для занятия скотоводством климатическими усло-

виями в этот период времени, во-вторых, – с политическими изменениями, и началом революционных событий.

Непосредственный участник экспедиции И. М. Майского, А. Д. Калинин, также сыграл исключительную роль в ходе работы. По свидетельству самого И. М. Майского, молодой исследователь (А. Д. Калинин было на тот момент 19 лет), «способствовал успеху экспедиции» [5, с. 9]. Значимость научных исследований Анатолия Дмитриевича Калинина заключается в том, что ему принадлежат первые в советском монголоведении исследования Монгольской народной революции 1921 г., – «Революционная Монголия» [4] и «Национально-революционное движение в Монголии» [3].

В работах Калинина «Национально-освободительное движение в Монголии» и «Революционная Монголия», автор указывает на то, что в монгольском обществе начала XX в. существовали конкретные предпосылки будущих социальных процессов. Объявление собственной автономии и начало оккупации Монголии Китаем привели к активизации и сплочению народных масс, началу развертывания национально-освободительного движения.

Следующим важным участником монгольской экспедиции был уже упоминавшийся выше А. В. Бурдуков, внесший огромный вклад в написание работы И. М. Майского. А. В. Бурдуков родился в 1883 г. Судьба будущего ученого с раннего возраста была связана с Монголией, – будучи на службе у купца Я. Е. Мокина он начинает посещать эту страну и интересоваться местной культурой и языком. Далее, в 1914 г., перед началом Первой мировой войны, он организовывает торговую фирму «Бурдуков и Ко», не оставляя при этом занятия монгольской культурой.

По собственному желанию А. В. Бурдуков начал переписку с известным ученым монголоведом В. Л. Котвичем, который попросил А. В. Бурдукова о поиске и сборе образцов местного фольклора и рукописей. Через В. Л. Котвича он познакомился с еще одним известнейшим исследователем Монголии Б. Я. Владимирцовым, которому оказывал помощь в полевых работах.

Мы можем сказать, что сбор различных источников, образцов фольклора и литературы оказался крайне успешным, так как собранная коллекция заинтересовала именитых исследователей. Среди них: «История ханов Индии, Тибета и Монголии», летопись «Болар Толи», «Джангар», былины Дайни Кюрюль и Сиднд-кур, «Хан Харангуй», монгольский лечебник, биография Зая-Пандита, ведомости подсчетов различных повинностей аратов по хошуну, письма Джалхандахутухты, карты земель байтов, дербетов, почтовых станций и

множество других материалов [1, с. 203]. Также огромное значение собранной коллекции придавал и И. М. Майский, по его словам «Алексей Васильевич собрал большую библиотеку (свыше тысячи томов), особенно богатую книгами по вопросам монголоведения, помогал различным ученым и исследователям, от времени до времени посещавшим Внешнюю Монголию...» [5, с. 9].

В ходе событий Гражданской войны Бурдуков был вынужден покинуть Монголию и уже в Советской России продолжить монголоведческие исследования. В последующем А. В. Бурдуков будет преподавать монгольский и калмыцкий языки в учебных заведениях Ленинграда, занимался исследованиями проблематики языков и фольклора.

Так как Бурдуков много лет провел в Монголии, большое значение имели контакты с местным населением, в ходе взаимодействия с которым также был добыто большое количество этнографического материала, что вылилось в написание нескольких научных работ. Одной из них стала статья «Роды у байтов», в которой автор рассказывает о знахарстве при родах и уходе за новорожденными у байтского населения Монголии. Работа была написана на основе сведений, добытых в ходе расспросов местного ламы, 8 лет занимавшегося акушерством. Написание данной работы, а также помощь и всестороннее сотрудничество с русскими исследователями Монголии привело к тому, что в 1916 г., по предложению того же Б. Я. Владимирцова и других ученых, А. В. Бурдуков был избран членом Русского географического общества.

После Монгольской революции 1921 г. А. В. Бурдуков некоторое время работает в органах Центросоюза, Сибкрайсоюза и Сибгосторга, в связи с чем выпускает ряд работ, посвященных итогам развития торговых отношений между Россией и Монголией.

В 1928 г. А. В. Бурдуков опубликовал статью, в которой подводил итоги 68-летней торговли бывшей царской России и СССР (преимущественно Сибири) с Монголией (1860–1927), имеющей большое значение для обоих государств. Наибольший интерес представляют разделы о торговле в период автономии Внешней Монголии и после Октябрьской революции. На основе документов и личных наблюдений автор сообщал сведения о деятельности в дореволюционной Монголии русских хошунных торговцев, Русского Экспортного Товарищества, Монгольской экспедиции по закупке скота для нужд действующих армий (1915–1918), о работе в Народной Монголии Центросоюза и Сибгосторга. Эта статья является в известной степени продолжением и полезным дополнением капитального ис-

следования о русско-монгольской торговле до 1910 г. М. И. Боголепова и М. Н. Соболева.

В 1936 г. А. В. Бурдуков опубликовал очерк «Монгольская Народная Республика», в котором описал период автономии, возникновение Народно-революционной партии, вооруженную борьбу с белогвардейцами, создание МНР, ее территорию, население, хозяйство и революционные преобразования.

Большое внимание развитию Монголии в послереволюционный период уделяется в работах еще одного замечательного советского монголоведа Н. П. Шастиной. Окончив Иркутский университет, она уезжает в Монголию, к своему отцу, работавшему врачом. Приехав в Ургу и прожив некоторое время в Монголии, она меняет сферу интересов с изучения Древнего Египта на монгольскую культуру и религию.

Несмотря на то что главным предметом изучения Шастиной была средневековая Монголия (она ввела в научный оборот большое количество источников), нужно отметить значительный вклад в развитие историографии монгольской истории XX в. Она является автором таких работ как «История изучения МНР» (1952) [8, с. 15–55], статьи «Изучение истории Монголии после Октября» (1967) [9, с. 6–74]. Также выступала соавтором в авторитетном издании: «История Монгольской Народной Республики» [2], в «Очерках по истории русского востоковедения» – как редактор [6].

Таким образом, революционные события в Монголии, последствия которых отразились на всех сферах жизни общества, нуждались в тщательном и всестороннем научном анализе, что и было сделано впоследствии советскими монголоведами. Огромный вклад в изучение истории и культуры монгольского народа внесли ученые уроженцы г. Иркутска. На основе широкой источниковой базы и практической деятельности советские монголоведы изучили социально-экономическое, политическое и культурное состояние монгольского общества. Будучи очевидцами и современниками революционных событий они смогли отразить в своих работах различные аспекты монгольской истории, в особенности по вопросам причин начала Монгольской народной революции и последствий событий революции для монгольского общества. В статье приведены лишь некоторые аспекты изучения истории Монголии советскими монголоведами. На примере отдельных биографий и общем анализе монголоведческих трудов был показан значительный вклад иркутских ученых в развитие отечественного монголоведения. Тем не менее, необходимо отметить, что данная тема требует дальнейшего и более глубокого изучения.

Источники и литература

1. Даревская Е. М. Алексей Васильевич Бурдуков (о роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. 232 с.
2. История Монгольской Народной Республики. А. П. Окладников [и др.]. М. : Наука, 1983. 661 с.
3. Калинин А. Д. Национально-революционное движение в Монголии, М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. 118 с.
4. Калинин А. Д. Революционная Монголия. М. : Гос. изд-во, 1925. 96 с.
5. Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во. Иркутск. отд., 1921. 472 с.
6. Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956.
7. Полянская О. Н. Научное монголоведение в России: этапы становления и развития // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. № 1. С. 33–44.
8. Шастина Н. П. Изучение истории Монголии после Октября // Народы Азии и Африки. М. : б. м., 1967. № 4. 248 с.
9. Шастина Н. П. История изучения Монгольской Народной Республики (Краткий очерк) // Монгольская Народная Республика : сб. ст. М. : Академия наук СССР, 1952. 399 с.

The history of post-revolutionary Mongolia in the works of Soviet Mongolian scholars

I. N. Semushev

Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. The research focuses on the works of Mongolian scholars of the young Soviet generation, whose life and activities are closely connected with Irkutsk – a city that played an important role in the formation and development of both Russian-Soviet-Mongolian relations and the formation of the Russian scientific school of Mongolian studies. The article examines the activities of I.M. Maysky (Lyakhovetsky), A.V. Burdukov, A.D. Kalinnikov, who were not only engaged in the study of post-revolutionary Mongolia, but also played an important role in the formation of relations between states in new historical conditions.

Keywords: Soviet Mongolian studies, Mongolian people, Mongolia, Irkutsk.

Борис Шумяцкий и Монголия

С. И. Кузнецов, А. А. Иванов

Иркутский государственный университет
г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена дипломатической деятельности Б. З. Шумяцкого, который будучи членом Реввоенсовета 5-й армии и руководителем Дальневосточного секретариата Коминтерна, уполномоченным Наркомата иностранных дел по Сибири и Монголии принял активное участие в революционных событиях в Монголии, установлению дружественных отношений между РСФСР и Монголией.

Ключевые слова: история советско-монгольских отношений, Дальневосточный секретариат Коминтерна, советско-монгольское соглашение 1921 г., Борис Шумяцкий, дипломатия.

В отечественной историографии немало внимания уделено Б. З. Шумяцкому – первому председателю Центрального Исполнительного комитета Советов Сибири, человеку обладавшему властью ничуть не меньшей, чем у любого генерал-губернатора. Довольно трудно сделать окончательный вывод, кем же был Шумяцкий на самом деле – коммунистическим фанатиком или романтиком революции, политическим авантюристом, воспользовавшимся революционной ситуацией в России для того чтобы сделать карьеру или же «профессиональным революционером», страдающим «за счастье народное»? Источники о его жизни и деятельности довольно ограничены, – он не оставил воспоминаний. А его соратники, такие воспоминания написавшие, упоминают Шумяцкого лишь вскользь. Одна из сфер его деятельности – дипломатия, а особое место в ней, наряду с Ираном, занимает Монголия. Как писал известный исследователь этого периода сибирской истории В. Т. Агалаков, «Полоса дипломатической деятельности Б. З. Шумяцкого продолжалась несколько лет. В 1921 г. он являлся уполномоченным Наркомата иностранных дел по Сибири и Монголии и руководителем Дальневосточного секретариата Коминтерна. Особенно много он сделал в организации помощи революционной Монголии, в установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией» [1, с. 20].

Его политическая судьба типична для поколения «профессиональных революционеров». Он родился в 1886 г. в Верхнеудинске в семье высланного за черту оседлости рабочего-переплетчика. С 12 лет самостоятельно стал зарабатывать на жизнь. Он не получил

никакого систематического образования, тем не менее, в биографиях его называют и государственным и партийным деятелем, и журналистом, и дипломатом. Его первыми политическими наставниками были не большевики и даже не социал-демократы: с одной стороны народник И. С. Кривоносенко, с другой – старший брат Марк, довольно известный эсер-максималист. Впрочем, Шумяцкий не стал ни анархистом, ни народником. С 1903 г. и до конца дней (расстрелян в 1938 г.) его судьба связана с партией большевиков.

Очень быстро Б. З. Шумяцкий становится таким организатором-профессионалом. С конца 1904 г. он живет в Красноярске, работает в железнодорожных мастерских и уже в феврале 1905 г. избирается в состав Красноярского комитета РСДРП, становится партийным профессионалом.

Уже в конце октября 1905 г. Шумяцкий становится одним из руководителей Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Красноярска, считает себя профессиональным большевиком, то есть, организатором прежде всего радикальной нелегальной деятельности рабочих и торгово-промышленных служащих. Его университетами стали тюрьмы, общения с соратниками, многочисленные поездки по стране и за рубежом. В 1907 г. он в Харбине, позже работал во Владивостоке, Омске, Томске, Челябинске. В 1912–1913 гг. живет в Аргентине. Хоть и малограмотный, но преданный делу молодой партийный профессионал попадает в обиход руководящих работников. С августа 1917 г. – член редколлегии центральной большевистской газеты «Рабочий и Солдат» в Петрограде. В сентябре 1917 г. – ответственный редактор центрального органа – газеты «Рабочий путь». В октябре 1917 г. Шумяцкий, как хорошо знающий местные условия, был направлен уполномоченным ЦК РСДРП по Сибири и Монголии. Избран председателем Сибирского районного бюро ЦК РСДРП(б). А на I Общесибирском съезде Советов в Иркутске в октябре 1917 г. он избирается председателем Центрального исполкома Советов Сибири (Центросибирь), сосредоточив в своих огромную власть в крае.

К этому времени Борису Захаровичу Шумяцкому было чуть больше 30 лет. Он достиг вершины своей политической карьеры, в одночасье став высшим советским руководителем фактически половины страны: Центросибирь распространяла свое влияние от Владивостока до Тобольска.

В 1921 г. судьба делает очередной поворот, Шумяцкий назначается представителем Исполкома Коминтерна (ИККИ) на Дальнем Востоке. Еще в июле 1920 г. при Сибирском бюро ЦК РКП(б) в Ир-

кутске была создана Секция восточных народов, а 15 января 1921 г. она перешла в ведение ИККИ. Уполномоченным ИККИ на Дальнем Востоке был назначен Б. З. Шумяцкий. В его приказе № 1 от 12 февраля 1921 г. говорилось: «...Во исполнение постановления ИККИ от 15 января с. г. и постановления ЦК РКП от 5 января с. г. в Иркутске утверждается Представительство Коминтерна на Дальнем Востоке в форме секретариата» [6, с. 224]. Фактически секретариат стал штабом по руководству всей коммунистической и революционной работой в странах Восточной и Центральной Азии. Его задачей была подготовка и организация коммунистических групп и партий в странах Дальнего Востока – Китае, Монголии, Корее и Японии. Заместителем Шумяцкого по оргвопросам стал Я. Г. Минскер. Идея мировой революции широко использовалась лидерами большевизма, позволяя русским революционерам с одной стороны рассчитывать на поддержку европейских марксистов, а с другой стороны активно вмешиваться в дела других государств, помогая местным коммунистам готовить антиправительственные выступления. Для этих целей была создана специальная международная организация – Коминтерн.

В структуре Дальневосточного секретариата были национальные секции. Особое место принадлежало Монголо-Тибетскому бюро во главе с Э.-Д. Ринчино. Последний писал о Шумяцком: «С того момента, как за работу на Дальнем Востоке вплотную принялся Б. З. Шумяцкий, дело стало быстро продвигаться вперед» [17, с. 249]. Ему удалось привлечь немалые средства. Известна телеграмма Шумяцкого, отправленная в начале февраля 1921 г. в секретариат Коминтерна Кобецкому, в которой он требует отпустить в его [секретариата] распоряжение из местных запасов Внешторга и Лензолота гамбургского серебра и золота в слитках на сумму не менее 500 тыс. руб., иначе, как пишет он, «работа будет пребывать в кустарном состоянии» [17, с. 249]. Эти средства, писал Шумяцкий, позволят «в течение 6 месяцев финансировать все китайские, корейские, японские и монголо-тибетские коммунистические и революционные организации... в противном случае все туземные организации замрут без средств» [2, с. 200].

В Иркутске с 1921 г. еженедельно стал выходить «Бюллетень Дальневосточного секретариата Коминтерна». На его страницах помещались разнообразные материалы о состоянии революционного движения на Востоке, в том числе и в Монголии.

Другим периодическим изданием Дальневосточного секретариата Коминтерна стал журнал «Народы Дальнего Востока», который также выходил в Иркутске в течение 1921 г. Как орган Дальнево-

сточного секретариата, журнал «призван был содействовать коммунистическому интернационалу в его стремлении руководить национально-революционным движением угнетенных народностей колониальных стран Дальнего Востока, подчиняя их общим задачам мировой борьбы за коммунизм, освободив эти движения от мелкобуржуазных национал-шовинистических и социал-соглашательских наслоений в программах и тактике их» [11, стлб. 5]. Ответственным секретарем и автором журнала стал сам Б. З. Шумяцкий.

Особое внимание и беспокойство Дальневосточного секретариата вызывала ситуация в Монголии. В феврале 1921 г., когда Унгерн был уже в Урге, Шумяцкий телеграфировал в центр о «крайней необходимости срочного разрешения вопроса о выдаче Монгольской народно-революционной партии оружия» [2, с. 200]. Борьба с Унгерном выдвигается на первый план. 10 февраля 1921 г. состоялось заседание Дальневосточного представительства Коминтерна, где детально обсуждался вопрос «о положении Монголии и ближайших практических задачах секции востнародов по работе в Монголии». Был сделан вывод, что «дальнейшее промедление с активной помощью монгольским революционерам грозит серьезными осложнениями, одинаково опасными для данного района революции, Совроссии и Монголии» [10, с. 61]. Ранее Б. З. Шумяцкий писал в ИККИ по поводу задач Коминтерна в отношении Монголии: «Работа эта имеет два первоочередных задания: организационное усиление Монгольской нарревпартии, которая на днях должна захватить власть, провозгласить действительную независимость Монголии и начать партизанскую борьбу против нашествия иноземных белобандитов – унгернцев и реакционных монголоknязей, – и организацией ее боевых партизанских сил. С этой целью монголо-тибетским отделом мобилизованы все наши наличные полит- и военмонголработники и брошены к месту событий» [14, с. 53].

Следует отметить важную роль Б. З. Шумяцкого в информировании советского руководства о событиях, происходящих в Монголии. В пространных телеграммах в НКВД и ИККИ, письмах наркому иностранных дел Г. В. Чичерину он сообщает о тактике боевых действий против Унгерна (15 июня 1921 г.), о проекте организации Монгольской армии (24 июля 1921 г.), о захвате документов Унгерна (29 июля 1921 г.) [15, с. 167–168, 190–191]. Не имея практически никакого образования, благодаря исключительно своей энергии, природному интеллекту и любознательности Шумяцкий профессионально разбирается в особенностях внутри- и внешнеполитической ситуации в Монголии, монгольского менталитета. Об этом свиде-

тельству его переписка по монгольским вопросам с наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным. 12 августа 1921 г. Шумяцкий направляет Чичерину обширное письмо «О некоторых итогах и задачах военно-политической работы в Монголии» [10, с. 64–66], в котором детально характеризуется военное, внутри- и внешнеполитическое положение этой страны. Подводя итоги, Шумяцкий предлагает развивать военную операцию в Западной Монголии, усилить дипломатическую работу в Китае, оказать финансовую, техническую, консультационную помощь Монголии [10, с. 64–66]. Шумяцкий беспокоится о создании представительства НКВД по Монголии и присылке инструкторов для налаживания военной и административно-хозяйственной работы в Монголии. В Докладной записке Г. В. Чичерину он пишет: «Убедительно прошу..., чтобы ЦК направил мне для монголработы двух работников финансово-экономической специальности, способных вести ответственную работу организации в Монголии финансового и экономического аппарата, человек 5–10 военработников, столько же политработников в качестве инструкторов административной работы... Я ставлю солиднее наш информационный аппарат по линии Урга – Калган, Урга – Керулен – Кош – Агач – Кобдо – Улясутай – Цеце – Хан – Керулен – Борга, конечно не узкоразведывательный (как у РАЗведупра) а наш, политико-дипломатический» [15, с. 198]. Особое внимание Б. З. Шумяцкий уделял созданию монгольской народной армии. В августе 1921 г. он пишет главкому вооруженных сил Республики С. С. Каменеву подробную записку с проектом положения об организации МНРА. Согласно проекту, комплектование монгольской лу Шумармии «производится посредством вербовки населения в аймаках и хошунах. Вербовке в армию подлежало все мужское население Монголии призывного возраста. Состав армии Шумяцкий видел в виде «одной действующей кавалерийской дивизии с конно-артиллерийским дивизионом. В состав постоянной армии, по замыслю водят также местные войсковые части, в каждом аймаке отдельный кавдивизион и хошунах – по каввзводу» [15, с. 203–204]. Хотя Шумяцкий и отметил, что «подработал положение только политически», а составляли его военные специалисты, на записке наложена довольно скептическая резолюция профессионального военного, начальника штаба РККА П. П. Лебедева: «Положение составлено не только необычно, да и не везде ясно, что... не берусь судить о его целесообразности» [15, с. 203].

В связи с приездом в Москву в октябре 1921 г. монгольской делегации Шумяцкий в письме к наркому иностранных дел дает крат-

кие, но емкие характеристики членам делегации [10, с. 66]. В связи с предстоящей встречей монгольской делегации с В. И. Лениным, Шумяцкий принимает непосредственное участие в ее организации, составляет для последнего записки с характеристикой политического положения в Монголии, информацией о составе монгольской делегации и характеристикой ее членов [10, с. 73–74]. В докладной записке В. И. Ленину от 2 ноября 1921 г. Шумяцкий, в частности пишет: «...Общее настроение в Монголии сейчас в пользу радикальных преобразований и с определенной ориентацией на Советскую Россию» [16, с. 506].

Подпись Б. З. Шумяцкого стоит под двумя дополнительными протоколами к Соглашению между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений: Протокол об отказе правительства РСФСР от концессий и экономических привилегий царского правительства [16, с. 62] и Протокол о сотрудничестве в области судопроизводства [16, с. 63].

Осенью 1921 г. Шумяцкий занимался важнейшим мероприятием – организацией съезда народов Дальнего Востока. 26 августа 1921 г. на заседании малого бюро ИККИ было решено поручить созыв этого съезда (конференции) Трилиссеру и Шумяцкому и назначить его в Иркутске 11 ноября 1921 г. [4, с. 164–165]. Съезд предполагался как ответ и противовес Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам, созванной по инициативе США с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. «Исполком Коминтерна посчитал необходимым пригласить представителей рабочих, крестьян, интеллигенции Японии, Кореи, Китая, Монголии и противопоставить Вашингтонской конференции Съезд народов Дальнего Востока, – писал известный деятель Коминтерна С. А. Далин. – Первоначально решено было созвать этот съезд в Иркутске и открыть его 11 ноября. Уже в октябре 1921 г. в Иркутск стали прибывать делегаты. Пробирались они с большими трудностями» [5, с. 63].

Вскоре съезд решено было перенести в Москву, «что должно было придать ему еще большее политическое значение» [7, с. 53]. На совещании Президиума ИККИ 26 декабря 1921 г. было решено «возложить на тов. Шумяцкого ответственность за подготовку конференции и доставку делегатов в Москву» [7, с. 53]. В конце декабря 1921 г. специальный поезд со всеми делегатами, членами Дальневосточного секретариата и несколькими его сотрудниками направился в Москву.

До 6 ноября 1922 г. Б. З. Шумяцкий оставался членом РВС Пятой армии (осенью того же года армия была расформирована).

С марта 1923 г. Б. З. Шумяцкий – Полномочный представитель СССР в Персии. В литературе встречаются утверждения, что это назначение – следствие конфликта Шумяцкого с наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным. Но документально это не подтверждено.

Это далеко не полный послужной формуляр Б. З. Шумяцкого. Недостаток специальных знаний везде компенсировался «преданностью линии партии». Отсюда понятно и логично и его последнее назначение: с ноября 1930 г. по январь 1938 г. – председатель Всесоюзного кинофотообъединения «Союзкино», затем – председатель Управления кинофотопромышленности (ГУК) при СНК СССР. В 1934 г. на одном из кинопросмотров у Сталина Шумяцкий, уже будучи председателем Всесоюзного кинофотообъединения «Союзкино» неожиданно услышал от Сталина оценку своей деятельности в Сибири и на Дальнем Востоке в начале 20-х гг. Сталин: «Я знаю, что вы всегда были крепким на хватку. Хорошо помню ваши Д[альне]-Восточные дела и интересно проведенную монгольскую операцию». Ворошилов: «Он ведь брал в плен Унгерна». Сталин: «Еще больше, он, имея против себя Реввоенсовет, руководимый Троцким, создавал независимое монгольское народно-революционное государство. А вот сейчас что-то медлит» [3]. К 15-летию монгольской революции в «Правде» появилась статья Б. З. Шумяцкого, в которой он повествует о встрече В. И. Ленина с монгольскими революционерами летом 1920 г. Согласно Шумяцкому, на этой встрече присутствовал Сталин, который в разговоре с монголами «продолжил мысль Ленина и рекомендовал энергию организованных трудящихся масс Монголии обратить в сторону тех, кто ведет к гибели великий китайский и монгольский народы» [12]. Подробная хронология деятельности В. И. Ленина летом 1920 г. такую встречу не подтверждает [8]. Да и Сталин летом 1920 г. находился на Юго-Западном фронте. В полном собрании сочинений Ленина содержится единственная запись его беседы с монгольской делегацией во главе с Данзаном накануне подписания двустороннего соглашения 5 ноября 1921 г. [9, с. 232–233]. Впрочем, обязательное пятикратное упоминание Сталина в упомянутой выше статье не помогло Шумяцкому. 9 января 1938 г. все в той же «Правде» появилась статья «Что тормозит развитие советского кино», прямо направленная против Шумяцкого. В ней говорилось, что «Б. Шумяцкий, возглавлявший ГУК оказался в плену у вредителей, пробравшихся к руководству кинематографией» [13].

Участь его была решена. В ночь с 17 на 18 января 1938 г. Шумяцкий был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации и шпионаже, 29 июля 1938 г. он расстрелян и похоронен на полигоне «Коммунарка». Имя его исчезает с полос газет, книги изымаются из библиотек. Реабилитирован 22 февраля 1956 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР.

Период жизни и деятельности Б. З. Шумяцкого, связанный с Монголией не столько продолжителен, но насыщен многими событиями как в истории Монголии, так и в истории двусторонних отношений, важнейшее из которых – подписание Соглашения об установлении дружественных отношений между двумя странами. Его участие в революционных событиях в Монголии, равно как и после-революционной модернизации достаточно велик. Когда в 1926 г. был учрежден орден Красного Знамени Монгольской Республики, Шумяцкий (по неподтвержденным данным) стал первым его кавалером.

Источники и литература

1. Агалаков В. Т. Б. З. Шумяцкий и его книги // Б. З. Шумяцкий. Сибирь на пути к Октябрю. 2-е изд. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 7–224.
2. Базаров Б. В., Жабаева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2008. 376 с.
3. В зрительном зале Сталин, или «Записки Шумяцкого» Документ № 5. Запись беседы И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова с Б. Шумяцким во время просмотра фильма «Веселые ребята» 21 июля 1934 г. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/54736>
4. ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 гг. М. : РОСПЭН, 2007. 816 с.
5. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920–1925 гг. М. : АО Буклет, 1994. 768 с.
6. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М. : РОСПЭН, 2001. 791 с.
7. Далин С. А. Китайские мемуары. М. : Наука, 1982. 384 с.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М. : Политиздат.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М. : Политиздат.
10. Монголия в документах Коминтерна (1919–1929) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.
11. Народы Дальнего Востока. 1921. № 1.
12. Правда. 1936. 12 июля.
13. Правда. 1938. 9 января.
14. Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. М. : Политиздат, 1978. 263 с.
15. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946) : сб. док. В 2 ч. Ч. 1. М. : Изд. дом «Граница», 2019. 360 с.
16. Советско-монгольские отношения 1921–1974. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1921–1940. М. : Международные отношения, 1975. 590 с.
17. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды. Улан-Удэ, 1998. 260 с.

Boris Shumyatsky and Mongolia

A. A. Ivanov, S. I. Kuznetsov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the diplomatic activities of B.Z. Shumyatsky, who, being a member of the Revolutionary Military Council of the 5th Army and the head of the Far Eastern Secretariat of the Comintern, authorized by the People's Commissariat of Foreign Affairs for Siberia and Mongolia, took an active part in the revolutionary events in Mongolia, the establishment of friendly relations between the RSFSR and Mongolia.

Keywords: History of Soviet-Mongolian relations, Far Eastern Secretariat of the Comintern, Soviet-Mongolian agreement of 1921, Boris Shumyatsky, diplomacy.

УДК 93/94

Научное сотрудничество СССР и Монголии в 1930-е гг.*

С. Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
г. Улан-Удэ

Аннотация. Рассматривается работа советских ученых в 1930-е гг. в МНР, а также одна из узких тем советско-монгольского научного сотрудничества – изучение советскими учеными специфики монгольского экстенсивного кочевого скотоводства и кочевого образа жизни в 1930-е гг.

Ключевые слова: Россия, Монголия, научное сотрудничество, номадизм, технология.

Тема советско-монгольского сотрудничества в 1930-е гг. остается актуальной в XXI в. и продолжает привлекать внимание гуманитариев, рассматривающих ее уже с новых позиций на выявленных ими ранее малоизвестных фактах. С. Г. Лузянин изучает историю российско-монголо-китайских отношений. В его монографии, базирующейся на неопубликованных ранее архивных документах, исследуются монгольский вопрос в русско(советско)-китайских отношениях, политика Коминтерна в МНР и монгольских областях Китая, проблемы международно-правового оформления Монголии, ялтинский процесс и некоторые другие вопросы внешнеполитической истории Монголии в 1911–1946 гг. [8]. В. Н. Прямыцын рас-

* *Статья подготовлена в рамках государственного задания – проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)».* (Номер госрегистрации: 121031000243-5)

смотрел сотрудничество СССР и МНР в сфере гидрометеорологии: создание в 1930-е гг. монгольской национальной гидрометеорологической службы и гидрометеорологического обеспечения боевых действий Красной Армии в конфликте на р. Халхин-Гол [11]. Л. Б. Жабаева на данных сборников документов и материалах Российского государственного архива социально-политической истории исследовала российско-монгольское сотрудничество в военной сфере в 1930-е гг., включая активные совместные военные действия против Японии в 1939 г. на Халхин-Голе [4]. Даваажав Баяртогтох изучила советско-монгольское сотрудничество в становлении и развитии сельского хозяйства и в подготовке сельскохозяйственных кадров МНР в 1924–1991 гг. [3].

Наряду с проблемами, политического, военного, экономического сотрудничества немалый интерес в постсоветское время представляет изучение научного сотрудничества СССР и МНР. Т. И. Юсупова на многочисленных архивных материалах исследовала историю создания и деятельности Монгольской комиссии СНК СССР (1923–1927) и Монгольской комиссии АН СССР (1927–1953 гг.). Важным представляется то, что в монографии прослежена линия использования научного сообщества для решения внутри- и внешнеполитических задач [15]. В. В. Митин опубликовал ряд статей, посвященных различным аспектам работы советских ученых в Монголии в 1920–1930-е гг. [9; 10]. С. Г. Жамбалова написала статью о советско-монгольском сотрудничестве [5]. Этот далеко неполный список научных работ, посвященных советско-монгольскому сотрудничеству в 1930-е гг., в том числе научному, свидетельствует о том, что тема актуальна в настоящее время.

В представленной здесь статье с новых позиций рассматривается одна из узких тем советско-монгольского научного сотрудничества – изучение советскими учеными специфики монгольского экстенсивного кочевого скотоводства и кочевого образа жизни в 1930-е гг. Результаты работы, выполненные в составе советских монгольских экспедиций согласно договорам о международном научном сотрудничестве в период политического и социально-экономического переустройства Монголии в 1930-е гг. для обоснования путей развития экономики молодого государства, оперативно публиковались в малотиражном журнале 1930-х гг. «Современная Монголия», издававшемся на русском языке. В настоящее время в интернете имеется информация о выставленных на аукцион номерах журнала, номер Лота 309. В сопроводительном тексте написано: «Современная Монголия: Политико-экономический журнал. Улан-Батор: Русская типо-

графия. 11 номеров за 1934–1936, 1938–1940-е гг. Редкий специальный журнал, практически не поступал в СССР. Издавался для советских специалистов, работающих в братской Монголии, чтобы они могли познакомиться с ее историей, культурой, традициями и современной жизнью. Материалы, размещенные в журнале, создавались лучшими советскими востоковедами и не устарели до сих пор» [7]. С этой характеристикой журнала трудно не согласиться. Обращает на себя внимание достаточно полное описание содержания номеров журнала.

Настоящая статья базируется на имеющихся в библиотеке Бурятского научного центра СО РАН 13 номерах из 18 журнала с 1933 по 1936 г. Одно из главных мест в нем занимали проблемы кочевого хозяйства, его экономическая емкость, перспективы, возможности модернизации. Объективно отмечалось: «МНР – страна кочевого скотоводческого хозяйства. Знать систему этого хозяйства – первое и необходимое условие для людей, желающих быть полезными новой, современной Монголии <...> Нынешний этап строительства Монголии заключается <...> в первую очередь, в укреплении аратского скотоводческого хозяйства и поднятии материального уровня населения» [6, с. 3]. Например, в каждом номере «Современной Монголии» за 1933, 1934 гг. представлены одна или две статьи советских специалистов о кочевом скотоводстве. Они написаны на полевых материалах с привлечением солидных статистических данных, в них охарактеризована Монголия в целом, а также ее отдельные районы, кроме того, представлена технология скотоводческого хозяйства. Это свидетельствует о том, что в журнале большое место отводилось проблемам кочевого хозяйства, его экономической емкости, перспективам, возможности модернизации отрасли. Объективно отмечалось: «МНР – страна кочевого скотоводческого хозяйства. Знать систему этого хозяйства – первое и необходимое условие для людей, желающих быть полезными новой, современной Монголии <...> Нынешний этап строительства Монголии заключается <...> в первую очередь, в укреплении аратского скотоводческого хозяйства и поднятии материального уровня населения» [6, с. 3].

Российская империя имела серьезный опыт изучения Монголии: во второй половине XIX и в начале XX в. на ее территории работали известные крупные экспедиции РГО. Однако в советское время исследование Монголии приобретает характер более глубокого сотрудничества с монгольскими учеными, направленного на решение практических задач по дальнейшему развитию страны. Важным являлся вопрос о перспективности сохранения нomaдизма в стране.

Устанавливаются тесные связи между научными центрами двух стран, Монгольским Ученым комитетом и РАН. Это имело и политическое значение: Монголия в тот период стремилась сохранять свои отношения с разными странами, в том числе с США. В этих условиях Советская Россия прилагает усилия для укрепления своего влияния в стране, в том числе и через научное сотрудничество, направленное на решение практических задач. С 1922 г. советские ученые начинают работы в Монголии. При отсутствии собственных специалистов Монгольский ученый комитет пополнялся советскими кадрами [9, с. 35].

Работы по исследованию Монголии в исследуемый период проводили исследователи разных специальностей из нескольких научных учреждений СССР, в том числе Института животноводства ВАСХНИЛ, МГУ, Азиатского музея и др. Судя по публикациям результатов работы в журнале «Современная Монголия» это были С. Г. Азаров, А. Жебрак, Я. Колосов, С. Лебединский, Я. Я. Лус, А. Д. Симуков, Т. Т. Трофимов, М. И. Тубянский, М. Шихин. Приводится переведенная на русский язык статья монгольского автора Цэбэля. Проведенная ранее работа по изучению биографических данных исследователей свидетельствует о том, что для исследования экстенсивного монгольского кочевого скотоводства СССР направлял квалифицированных специалистов. Работа в Монголии была одной из важных вех их научной деятельности [5, с. 128–130].

В результате обширных экспедиционных исследований и тщательной обработки и анализа собранных достоверных полевых материалов создано наиболее полное описание кочевого скотоводства монголов на русском языке. Советские специалисты пришли к обоснованному выводу, что номадизм в Монголии является наиболее рациональной формой хозяйства, обеспечивающей полную хозяйственную эксплуатацию всей территории страны. К сожалению, эти материалы не были обобщены в фундаментальной монографической работе, а изданные в виде отдельных статей в журнале сегодня мало известны и труднодоступны.

В первую очередь были выявлены три локальные природно-климатические зоны Монголии: лесостепная, локализованная в северной части страны, центральная зона, переходная от северной лесостепной к третьей зоне – южно-гобийской. Они имеют достаточно серьезные природно-климатические различия, детерминирующие специфику номадизма, которая на севере носит полукочевой характер, а южно-гобийская характеризуется более частыми и дальними перекочевками, чем в центральной, где также практикуется кругло-

годовое кочевание. В каждой зоне преобладает тот или иной вид домашнего скота из классических пяти домашних животных [14, с. 7].

Исследователи выявили принципы коллективного кочевания монголов, основанные на родственных или дружеских отношениях, сотрудничестве опытных скотоводов с начинающими, богатых с бедными. Сообщества из нескольких семей осуществляли поочередный выпас скота в общих стадах по видам животных [13, с. 28–29]. Т. Трофимов считает, что кочевники временно объединялись только на летний и осенний сезоны, в годы с хорошим травостоем, в удобный период. Наиболее устойчиво было объединение для совместно выпаса мелкого скота [12, с. 43].

С. Г. Азаров выявил шесть объективных причин практики круглогодичного содержания скота под открытым небом на подножном корму. Он обосновывает нецелесообразность развития монголами сенокосения и строительства закрытых загонов для скота. Содержание скота в закрытом загоне истощает скот, в то время как его выносливость имеет важное значение. Он выявил, что большинство скота гибнет не от недостатка корма, а от снежных буранов, а подкормка сеном требует поения скота водой, которую зимой трудно добыть. А на подножном корму скот обходится снегом [1, с. 28–29]. Действительно, все приведенные обоснования экстенсивного кочевого скотоводства в сухих степях Монголии объективны и составляют самую суть нomaдизма.

Советские ученые выявили, что араты знают свойства пастбищ и порядок их использования по сезонам года для определенных видов скота. КРС выпасают на сырых лугах, овец и коз на сухих. Высокогорные пастбища с мелкокустовыми злаками дают более вкусное мясо и жир. Есть пастбища, на которых скот нагуливают перед зимовкой, чтобы он легче пережил холода. Ценятся солонцовые пастбища, в их отсутствие ставят животным соль-лизунец. Правила посезонного использования пастбищ определяют маршрут кочевков. Свободно пасущийся скот пьет воду по мере надобности. Зимой снег заменяет воду.

Особое внимание учеными было уделено исследованию технологии выживания во время стихийных бедствий. Основную угрозу кочевому хозяйству представляют природные стихийные бедствия, они наносят больший урон, чем эпизоотии. К ним обычно относят засуху (*ган*) и обильные снегопады (*цзуд*). Однако этот список шире. С. Г. Азаров выявил, что наибольший падеж вызывают многодневные сухие и мокрые снежные бураны (*шурганы*). Наиболее опасны они в конце зимы и весной, когда скот уже истощен и малосилен [1,

с. 26–27]. Если в Центральной зоне наиболее опасны весенние бураны, то в Гоби, опасен период с конца ноября до половины января, потому что с конца января здесь становится достаточно тепло. Зато весной здесь во время сильных песчаных буранов животных сечет песок и мелкие камни, но массового падежа от этого не бывает, только пропадает немного слабого скота [2, с. 59–60].

Араты предпринимают меры борьбы со стихийными бедствиями. Во время буранов скот удерживают возле юрты и защищают от ветра с помощью слег, досок, телег, кошм и пр. Недалеко от стойбища делают снежные валы, задерживающие летящий снег. Укрывают скот под скалой. Есть методы пастбы скота в это время. Опытный пастух, предвидя буран, пасет с таким расчетом, чтобы стадо ветром пригнало прямо к юрте [1, с. 27–28]. Во время *цзуда* ищут малоснежное место, как бы далеко оно ни было. Идут прямым путем на 200–300 и более километров [13, с. 29].

Советско-монгольское научное сотрудничество в 1930-е гг. в области изучения экстенсивного кочевого скотоводства носило в истории науки наиболее масштабный характер, что было обусловлено практическими задачами политического и социально-экономического переустройства Монголии. Квалифицированные специалисты провели обширные полевые исследования во многих регионах страны, что позволило им создать общую картину хозяйства, выявить его локальные проявления, рассмотреть отдельные хозяйства, собрать статистические данные, определить динамику развития скотоводческого хозяйства, сделать прогнозы. Они создали достоверную картину принципиальных основ номадизма, охарактеризовали феномен во всей его широте. Уникальность материалов обусловлена тем, что в 1930-е гг. в Монголии кочевой образ жизни, еще не подвергшийся активной социалистической модернизации, сохранялся в его классическом воплощении. Основные результаты исследований сосредоточены в русскоязычном журнале «Современная Монголия», сохранившем уникальные материалы в качестве достоверных источников для дальнейшего исследования номадизма. В данной статье рассматривается только часть изученных специалистами вопросов – это локальные зоны кочевого скотоводства в Монголии, принципы коллективного кочевания, специфика сезонных кочевков, некоторые приемы ведения экстенсивного кочевого скотоводства, технология выживания во время стихийных бедствий. Введение материалов в широкий научный оборот выявляет многие новые нюансы, обосновывающие целесообразность экстенсивного кочевого скотоводства в экологической нише Монголии, которая сохраняется в современном модернизирующемся мире.

Источники и литература

1. Азаров С. Г. Животноводческая техника кочевого хозяйства // Современная Монголия. 1933. № 2. С. 23–41.
2. Азаров С. Г. Кочевое животноводство гобийских аймаков // Современная Монголия. 1934. № 2 (5). С. 54–69.
3. Даваажав Баяртогтох. Советско-монгольское сотрудничество в становлении и развитии сельского хозяйства и в подготовке сельскохозяйственных кадров МНР (1924–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2019. 20 с.
4. Жабаява Л. Б. Российско-монгольское сотрудничество в военной сфере (1930-е гг.) // Монголоведение. 2020. Т. 12, № 2. С. 223–231.
5. Жамбалова С. Г. Советско-монгольское сотрудничество в области изучения нomaдизма (по материалам журнала «Современная Монголия») // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 2 (32). С. 127–136.
6. Задачи и программа журнала «Современная Монголия» // Современная Монголия. Улан-Батор, 1933. № 1. С. 3–4.
7. Лот 309. Современная Монголия. URL: <https://ru.bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/4260/lot/116515/Редкий-журнал-служебного?lang=ru> (Lfnt j_hfotybz^ 18/03/2021)/ (дата обращения: 15.03.2021).
8. Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2000. 319 с.
9. Митин В. В. Наука и политика: советские ученые в Монголии в 1920–1930-е гг. // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 5. С. 34–40.
10. Митин В. В. Научные связи СССР и МНР в 1920–1950-е гг. Академия наук СССР и Монгольский ученый комитет // Метаморфозы истории. 2014. № 5. С. 111–133.
11. Прямыцын В. Н. Советско-монгольское сотрудничество в сфере военной гидрометеорологии в 1930-е гг. (малоизвестная страница истории дружбы российского и монгольского народов) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 4 (36). С. 68–78.
12. Трофимов Т. Хангайские кочевья // Современная Монголия. 1934. № 1 (4). С. 36–53.
13. Цэбэл. Кочевки // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 27–31.
14. Шихин М., Колосов Я. Скотоводство МНР // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 5–26.
15. Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1923–1953 гг.). СПб.: Нестор-История, 2006. 280 с.

Scientific cooperation between the USSR and Mongolia in the 1930s

S. G. Zhambalova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article examines the work of Soviet scientists in the 1930s in the Mongolian People's Republic. In the framework of scientific cooperation, they researched Mongolian nomadism to substantiate the ways of developing the country's economy. On the basis of field and statistical materials, they created a general picture of the economy, identified its local manifestations, determined the dynamics of its development, and made forecasts.

Keywords: Russia, Mongolia, scientific collaboration, learning, nomadism, technology.

**«Как-то странно звучит слово
“дипломатия” в устах коммуниста...»:
о дипломатической деятельности уполномоченного
НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека***

Б. Д. Цыбенов, Л. В. Курас

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
г. Улан-Удэ

Аннотация. Статья посвящена изучению дипломатической деятельности уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека в сентябре 1920 – марте 1921 гг. Раскрываются подробности его взаимодействия с китайскими чиновниками Маймачена и Урги. Особое внимание уделено вопросам снабжения оружием, выдачи виз и ввода советских войск в Монголию.

Ключевые слова: О. И. Макстенека, дипломатическая деятельность, Троицкосавск, китайские власти, белогвардейцы.

Российско-китайские дипломатические отношения и взаимодействие сторон в 1920–1921 гг. в районе Маймачена и Троицкосавска / Кяхты продолжает оставаться одной из малоизученных тем востоковедения. В своей работе мы попытались раскрыть роль уполномоченного Наркоминдела РСФСР в Монголии О. И. Макстенека в налаживании контактов с китайскими властями Маймачена. Заметим, что нами уже начато изучение активной и разносторонней деятельности О. И. Макстенека, его неоценимая помощь монгольским патриотам в деле осуществления Монгольской революции 1921 г. [3; 6; 13]. Основой настоящего исследования послужил уникальный документ «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенека за время с 1 июня 1920 г. по март 1921 г.», копия которого хранится в архиве Министерства иностранных дел Монголии. Один из разделов этого отчета носит название «Дипломатическая работа», анализ которого послужил основой нашего исследования.

Отличие указанного раздела от других (в отчете также представлены информационная, организационная, политическая, эконо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (МинОКН) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004.

мическая виды деятельности О. И. Макстенека. – *Авт.*) состоит в том, что в нем практически не упоминаются контакты с монгольскими революционерами, а речь идет только о взаимоотношениях с приграничными китайскими чиновниками. Позицию дипломата можно понять исходя уже из первых предложений в разделе о дипломатической работе: «Как-то странно звучит слово “дипломатия” в устах коммуниста... вопреки своим внутренним убеждениям приходится обращаться к этой старой плутовской работе в своих сношениях со своими буржуазными соседями...» [13, с. 312]. Известно, что, О. И. Макстенок был членом ВКП(б) с 1904 г. [6, с. 84], т. е. был большевиком с дореволюционным стажем. Несмотря на низшее образование, он, очевидно, прекрасно знал и понимал суть марксизма и был осведомлен о событиях в России и в мире. Надо полагать, что многие члены ВКП(б) в то время считали дипломатию и ее представителей неотъемлемой частью буржуазии. Так, в статье «Задачи революции» В. И. Ленин прямо указывал, что Советское правительство выступает против тайной дипломатии и тайных договоров [7, с. 229–238]. Возможно, поэтому в глазах Макстенека, дипломатия казалась «плутовской работой», чьи представители без зазрения совести могли прибегать к различным ухищрениям и уловкам в попытках достижения своих целей.

Воспрепятствование правительства Китайской Республики в попытке О. И. Макстенека проехать к месту своего назначения, в Ургу было явным свидетельством непризнания китайских властей новой Советской России [3, с. 175]. В результате вынужденной остановки в ДВР, в г. Троицкосавске он открыл консульский отдел Советской России [4, с. 870]. Как отмечал Макстенок, надежды на изменение отношения Пекина были весьма плохие, но не прошло и восьми месяцев, как китайские власти в лице наместника Чэн-И и других чиновников целым рядом своих обращений фактически признали Советскую Россию [13, с. 312]. Сентябрь 1920 г. можно считать началом непосредственного делового взаимодействия уполномоченного Наркоминдела с китайскими властями в Монголии. Как отмечал Макстенок, он послал четыре протеста против насилия, грабежей и убийств китайскими солдатами служащих Центросоюза. Также были направлены протесты против покровительства китайских властей, оказываемого белогвардейским отрядам и контрреволюционерам в Монголии. По данным японского исследователя М. Тачибана, к тому времени китайский генерал-милитарист Сюй Шучжэн был вызван в Пекин и возникший в Монголии вакуум власти был заполнен Унгерном [10, с. 132]. В этой ситуации китайские по-

граничные чиновники не только не отреагировали на протесты Макстенека, но и первоначально пытались осуществлять взаимодействие с белогвардейцами. Однако уже тогда начались первые столкновения китайцев с отрядами Унгерна, и они стали осознавать шаткость своего положения в Монголии. Со временем обстановка только накалялась и китайцы стали планировать наступление против Унгерна [15, с. 120].

Небезынтересно заметить, что китайские приграничные власти сами вышли на контакт с Макстенеком. 3 декабря 1920 г. впервые к нему прибыл чиновник Ню Винбин, выразивший, по замечанию уполномоченного Наркоминдела, притворное удивление по поводу его нахождения в Троицкосавске. Поводом для визита к советскому дипломату послужил ввод войск Советской России в Джидинский район, в связи с чем китайский чиновник Лу Пантао, как можно понять из текста отчета Макстенека, выразил устный протест. 13 декабря 1920 г. Ню Винбин вновь посетил Макстенека, на этот раз с письменным протестом [13, с. 312]. На наш взгляд, эти шаги китайских властей были связаны с общей активизацией белогвардейских отрядов в Монголии, усиленной появлением войск Унгерна. Можно предположить, что китайцы рассчитывали на уход Унгерна из Монголии, после первой неудачной попытки захвата Урги в ноябре 1920 г. И один из наиболее вероятных путей белогвардейцев в Россию лежал через Джидинский район. В то время этот район входил в состав РСФСР, а граница ДВР с Советской Россией проходила по р. Селенге [1, с. 164]. Населенный казаками и имеющий удобное положение, этот район представлял собой важный плацдарм как для продвижения белогвардейских отрядов в северо-западном направлении, так и для наступления советских войск на территорию Монголии. Что касается Ню Винбина, то по сведениям сотрудника Дальневосточного секретариата ИККИ Цэдэн-Иш (Гочитского), он работал в должности переводчика-секретаря при Маймаченском сановнике, состоял в дружеских отношениях с бывшим пограничным комиссаром Хитрово, помог ему спрятаться в Монголии, на р. Иро, на заимке Швецова «Карнаковке» [9, с. 134].

Таким образом, в декабре 1920 г. китайские приграничные власти, ввиду меняющейся обстановки в Монголии, были вынуждены сами обратиться к уполномоченному Наркоминдела. 15 декабря 1920 г. от них поступило официальное сообщение о том, что «чех Вебс является самозванцем и не уполномочен Китайским Правительством как его представитель» [13, с. 312]. Известно лишь, что

некий О. Вебс, по данным на начало апреля 1920 г., являлся сотрудником Сибмиссии по иностранным делам [2, с. 36].

Макстенек ясно осознавал, что с момента его появления в Троцкосавске китайские власти опасались вступать в контакт с ним как с представителем Советской России, непризнанной Антантой. В то же время он объективно оценивал нелегальное положение Монгольской народной партии, представителям которой оказал большую помощь летом 1920 г. Так, при встрече с монгольскими делегатами Макстенек отметил, что прямые контакты с ними могут вызвать нежелательную реакцию со стороны Китая, США и Японии [5, с. 201].

В начале 1921 г. китайские власти Маймачена были вынуждены напрямую обратиться с помощью к уполномоченному Наркоминдела, тем самым, по мнению Макстенека, признавая легальность существования РСФСР. Поводом для обращения послужил захват Урги войсками Унгерна в феврале 1921 г. и бегство китайцев (солдат, чиновников и купцов) из Урги в Маймачен. Большинство китайцев, за исключением солдат, стали обращаться к уполномоченному Наркоминдела за транзитными визами. Как отмечал О. И. Макстенек, за сравнительно короткий период он завизировал несколько тысяч китайских паспортов. Кроме того, поступило около 40 обращений от китайских фирм и государственных учреждений к уполномоченному Наркоминдела как представителю Советской России с просьбой взять их под свое покровительство. В самом Маймачене (Южной Кяхте) по данным 1918 г. насчитывалось около 4 тыс. китайцев [14, с. 90], в феврале 1921 г., как мы видим, к ним прибавились беженцы из Урги. Для передвижения китайцев в Верхнеудинск существовала только одна водная дорога, по р. Селенге. Все другие сухопутные пути по территории ДВР для них были закрыты.

Среди заявлений китайских властей уполномоченному Наркоминдела следует выделить два обращения китайского наместника в Урге, Улясутае, Кобдо и Урянхае с официальной просьбой снабдить их оружием, патронами и снарядами. А в одном из обращений содержалась просьба о выдаче китайцам шести пушек [13, с. 313]. Из текста отчета О. И. Макстенека следует, что эти заявления поступили позже многочисленных обращений китайцев по вопросам получения виз. Очевидно, уполномоченный Наркоминдела не мог или не захотел выполнить просьбы китайских властей. В это время он активно занимался вопросами вооружения и военного обучения монгольских революционеров [6, с. 88].

15 февраля 1921 г. уполномоченному Наркоминдела поступило официальное заявление от заместителя Чэнь И о выдаче ему визы для проезда в Пекин. Чэнь И был известен своей нейтральной политикой в китайско-монгольских взаимоотношениях [8, с. 133], поэтому китайские генералы Чжан Циньхуй, Го Сунлин и Ма, находившиеся в Монголии, не воспринимали его. Макстенок решил воспользоваться удобным случаем и предложил Чэнь И выяснить некоторые вопросы, связанные с грабежами населения как китайскими, так и белогвардейскими отрядами. По результатам встречи Чэнь И и Макстенека, китайские власти выразили желание «предоставить Советской России [возможность] ввести свои войска в 25-верстную зону для ликвидации разбойничьих банд» [13, с. 313]. Позже это согласие было получено и в письменной форме. 22 февраля 1920 г. Чэнь И передал свои полномочия новому заместителю Ли Юаню, который 3 марта того же года обратился с официальным заявлением к Советской России в лице уполномоченного Наркоминдела РСФСР в Монголии О. И. Макстенека. В заявлении Ли Юаня Советской России предоставлялось право ввода вооруженных сил на всю Внешнюю Монголию для ликвидации войск Унгерна. Таким образом, предыдущий лимит на ввод в 25-верстную приграничную зону, имевший место в документе Чэнь И, был аннулирован. В то же время в заявлении Ли Юаня был пункт, по которому Россия, будучи дружественной к Китаю страной, должна была вывести свои войска по окончании военных действий. Тем не менее, эти заявления китайских властей были продиктованы сложившимися обстоятельствами, но в то же время, безусловно, свидетельствуют об особой роли уполномоченного Наркоминдела, в руках которого был единственный безопасный выход китайских чиновников из Маймачена. Макстенок согласовывал свои действия с Б.З. Шумяцким, находясь в постоянной связи с ним и своевременно информируя его о положении дел [11, с. 17]. В целом, вопрос о вводе советских войск на территорию Монголии рассматривался еще в октябре 1920 г. на заседании президиума Секции восточных народов Сиббюро РКП(б) и Монголо-тибетского отдела [8, с. 49–52], 10 и 27 ноября 1920 г. Тогда Г. В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев [12, с. 204].

В феврале-марте 1920 г. в Маймачене сложилась непростая ситуация, связанная с прибытием китайских гражданских беженцев и солдат. Поспешный зимний переход из Урги в Маймачен для китайских солдат выдался тяжелым: им пришлось испытать голод и холод. По данным Макстенека, они косвенно выражали желание спра-

виться с властелинами Монголии (здесь имеются в виду китайские чиновники – *авт.*) как главными виновниками Ургинской катастрофы. Видя витающие в солдатской массе настроения, китайские чиновники стали опасаться собственной армии, усилилось их стремление к скорейшему отъезду в Китай. В этой ситуации уполномоченный Наркоминдела занял выжидающую позицию, намеренно затягивая вопрос с получением китайцами виз. Основным вопросом, который подлежал выяснению, был вопрос о предстоящей борьбе с белогвардейскими отрядами на территории Монголии. Если китайские власти не в состоянии править с ними, то кто займется их ликвидацией? Ответ, конечно же, был на поверхности, но для юридического оформления этой дилеммы необходимо было согласие китайских приграничных властей, которые в свою очередь, они получали инструкции от правительства Китайской Республики.

Таким образом, Китайская Республика через своих наместников в Монголии, в силу сложившихся обстоятельств была вынуждена вступить в неофициальные и официальные взаимоотношения с Советской Россией. И в этом мы видим несомненную заслугу первого Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека.

Источники и литература

1. Батуева И. Б. Борьба бурят-селенгинцев за создание административных автономий ДВР и РСФСР (1919–1922 гг.) // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции). Улан-Удэ : ВСГУТУ, 2017. С. 162–166.
2. Дацышен В. Г. Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири // Японские исследования. 2017. № 2. С. 29–45.
3. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Город Троицкосавск – «колыбель» монгольской революции 1921 года // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. : сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. СПб. : Медианапир, 2020. С. 171–184.
4. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дальневосточная республика как «колыбель» Монгольской революции (К 100-летию ДВР и Монгольской революции 1921 г.) // Oriental studies. 2020. Т. 13, № 4. С. 866–875.
5. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194–208.
6. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенеков: год из жизни советского дипломата // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2020. Т. 32. С. 83–90.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34. М. : Госполитиздат, 1962. 584 с.

8. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1. (1919–1929) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.

9. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946) : сб. док. / отв. ред. В. П. Козлов, С. Чулуун. М. : Изд. Дом «Граница», 2019. Ч. 1. 360 с.

10. Тачибана М. Правительство автономной Внешней Монголии в истории: оценки в прошлом и настоящем // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 25. С. 121–142.

11. Хишигт Н. Великая российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой российской революции : матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ : ВСГУТУ, 2017. С. 14–23.

12. Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенов Б. Д. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 1. С. 196–208.

13. Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенов Б. Д. Отто Иванович Макстенек: у истоков монгольской революции 1921 года // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 2. С. 305–317.

14. Хэрээд Ж. У. Деятельность монгольского министра Кяхты (1911–1921 гг.) // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева : матер. Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2018. С. 87–92.

15. Цветков В. Ж. Р. Ф. Унгерн и попытки организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) // Новый исторический вестник. 2015. № 4 (46). С. 102–128.

**“The word ‘diplomacy’ sounds strange in the mouth of a communist...”:
Diplomatic activities of the authorized representative of the People's
Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR O. I. Makstenek**

B. D. Tsybenov, L. V. Kuras

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article is devoted to the study of the diplomatic activities of the authorized People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek in September 1920 – March 1921. The authors analyzed the relationship of the Soviet diplomat with Chinese officials of Maymachen and Urga. The article also examined the issues of supplying weapons, issuing visas and the introduction of Soviet troops into Mongolia.

Keywords: O. I. Makstenek, diplomatic activity, Troitskosavsk, Chinese authorities, White Guards.

Политика «третьего соседа» Монголии: специфика реализации

К. А. Шагдурова

Иркутский государственный университет
г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена концепции «третьего соседа», которая легла в основу стратегии внешнеполитической деятельности современной Монголии. Внешнеполитический курс представляет собой отражение экономического и политического развития государства. Рассматривается проблема интерпретации политики «третьего соседа» в силу неясности ее трактовок в официальных документах, в том числе в Концепции внешней политики. Дан краткий анализ сотрудничества Монголии с развитыми странами, исходя из основных пунктов концепции «третьего соседа».

Ключевые слова: Монголия, «третий сосед», сотрудничество, концепция, развитые страны.

В 2020 г. исполняется тридцать лет доктрине, сформировавшей теоретическую основу всей внешнеполитической деятельности Монголии. Так называемая концепция «третьего соседа», основы которой были заложены еще в начале 1990-х гг., символизирует кардинальный геополитический разворот со времен распада СССР и обретения Монголией независимости.

Особенности географического положения современной Монголии вынуждают политическую элиту подходить к вопросу разработки внешнеполитической стратегии с серьезной долей ответственности. Если взглянуть на политическую карту мира, можно заметить, что Монголия является внутренним государством, полностью лишенным выхода к каким-либо морям. В то же время уникальность политико-географического положения азиатской страны заключается в «зажатости» между двумя влиятельными и сильными державами в лице России и Китая. Таким образом, Монголия является одной из немногих стран, обреченной на существование в условиях политического и экономического доминирования своих соседей. Отсюда вытекает то, что значение этих государств в развитии Монголии крайне велико, что делает Москву и Пекин основными ее партнерами [10, с. 125].

Печальный исторический опыт времен, когда Монголия долгие годы исполняла роль буферного государства, к тому же находившегося в орбите мощного влияния СССР, побудил политическую элиту

страны преодолеть «вынужденное положение» путем выработки внешнеполитической стратегии, в основу которой и была заложена концепция «третьего соседа». Суть ее заключается в поиске, установлении и развитии отношений с государствами, у которых нет общих границ с Монголией. Все эти страны играют роль «третьего соседа» [1, с. 5]. Однако рамки доктрины не ограничиваются этим определением. Дело в том, что во внешнеполитической концепции Монголии 2011 г. присутствует формулировка «третий сосед», приведены страны или группы государств, с которыми Монголия выстраивает отношения в рамках одноименной концепции, тем не менее, в документе отсутствует какое-либо определение ее сущности [7, с. 2]. В связи с этим, мнения отечественных и зарубежных специалистов по этому вопросу расходятся. Ниже приведены основные точки зрения на этот счет.

По мнению монгольского эксперта Д. Уламбаяра концепция «третьего соседа» выступает как дополнительный балансирующий противовес, т. е. согласно этой точке зрения Монголия стремится развивать отношения со странами Запада и их союзниками, как потенциальными конкурентами России и Китая за влияние в Северо-Восточной Азии [9, с. 48]. Монгольское правительство выстраивает многоуровневый баланс: равновесие в вышеназванном регионе достигается за счет лавирования между Пекином и Москвой, а в мировом масштабе выстраивается система, функционирующая на основе конкурентной борьбы между Россией и Китаем с одной стороны и западными странами и их союзниками с другой [4, с. 258].

Существуют и теории, согласно которым концепция «третьего соседа» является прямым отражением современного политического развития монгольского государства, а именно, монгольский народ, совершив прорыв в деле становления в своей стране демократических ценностей, тем самым сделал выбор в пользу сотрудничества с развитыми государствами. Ставка на страны Запада не столько выступает в качестве практического воплощения идей построения демократии и рыночной экономики, сколько преследует вполне себе прагматические цели: «общность демократических ценностей» Монголии и стран Запада должна, по мысли монгольских политиков, во-первых, способствовать признанию суверенитета Монголии и ее внешнеполитических акций в Северо-Восточной Азии; во-вторых, обеспечивать экономическое и политическое содействие со стороны развитых стран; в-третьих, гарантировать устойчивое развитие Монголии в условиях сильного давления России и Китая [9, с. 125].

Точкой отсчета концепции «третьего соседа» принято считать выступление государственного секретаря США Д. А. Бейкера во время рабочего визита в Монголию в августе 1990 г., который в своей речи в качестве третьего соседа Монголии помимо ее традиционных партнеров назвал США. Емкое выражение было подхвачено многими монгольскими государственными и политическими деятелями, желавшими полностью пересмотреть устаревшую, на их взгляд, внешнеполитическую концепцию. Со временем идея «третьего соседа» претерпела определенную метаморфозу: Монголия стала воспринимать концепт не как одно конкретное государство, а целую группу государств. Обновление нормативно-правовой базы внешнеполитической деятельности должно было продемонстрировать всему миру новые принципы, которыми с тех пор стала придерживаться Монголия, среди них многовекторность и комплексность дипломатии. Таким образом, концепция «третьего соседа» – это инструмент осуществления монгольским правительством самостоятельной политики на международной арене, имеющий целью достижение максимальной независимости от России и Китая во всех сферах жизни общества [3, с. 74].

Если резюмировать все вышеизложенное, можно прийти к выводу, что концепт «третьего соседа» в представлении Монголии – это комплекс развитых стран, имеющих экономические и политические интересы как в монгольском государстве, так и во всем регионе Восточной Азии и способных обеспечить поддержку в случае дисбаланса влияния традиционных партнеров Монголии. В первую очередь, стоит выделить Японию, которая на протяжении периода с 1991 по начало 2000 гг. оказывала серьезную материальную поддержку. Помимо этого она сумела привлечь к финансированию молодой монгольской демократии целый ряд стран. Благодаря этой помощи Монголия сумела преодолеть экономический кризис 1991–1993 гг., вызванный распадом СССР и последующей за этим потерей источника поступления денежных средств, без существенного ущерба. Всего за 1991–2003 гг. на счетах монгольского правительства оказалось порядка 2,4 млрд долл. США, причем больше половины суммы оно получило безвозмездно, 48 % – в качестве льготных кредитов. Стоит оговориться, что 50 % материальной помощи обеспечила сама Япония, а Токио на этот промежуток времени стал центром донорского движения помощи Улан-Батора. Япония оказывала техническую и экономическую поддержку за рамками организованного ею центра обеспечения, которая к 2010 г. оценивалась в 3,6 млрд долл. США Японские деньги реанимировали монгольскую

экономику, не дали ей уйти в состояние коллапса. Наиболее красноречиво значение материальной поддержки Японии описал президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж: «японский народ протянул нам руку помощи в труднейшие времена, когда из-за остановки теплоэлектростанций Монголия оказалась под угрозой замерзания, когда остановился общественный транспорт, когда из эксплуатации вышли транспортные средства пожарных служб и служб скорой помощи, когда нашим детям не стало хватать школ и детсадов...». Эти слова были озвучены во время проведения бизнес-форума в Токио в 2014 г., в тот самый год, когда Монголия сумела полностью погасить задолженность перед Японией, а Япония завершила спонсорскую поддержку. Отношения двух стран вышли на новый уровень взаимовыгоды и равноправия [5].

Как было отмечено, первоначально роль «третьего соседа» отводилась США. В 1990 г., проведя ряд встреч на высшем уровне, страны договорились о предоставлении займа Монголии в размере 2 млн долл. США. Помощь Соединенных Штатов, как и в случае с Японией, носила комплексный характер. Американская поддержка не ограничивалась сугубо материальным обеспечением. Так, при содействии американских партнеров Монголия стала членом таких влиятельных международных организаций как МВФ и Всемирный банк. В марте 1991 г. президенты подписали торговый договор с обеспечением льготных условий. Этот момент журналисты охарактеризовали как начало стратегического сотрудничества. Помимо всего прочего Монголия стала объектом целого ряда американских фондов поддержки: «Вызовы тысячелетия» (основной фонд помощи Монголии), «Солидарность» (противодействие терроризму и экстремизму), Американского агентства международного развития (USAID) (развитие частного сектора экономики) и т. д. Министерство сельского хозяйства США внесло Монголию в свои многочисленные продовольственные программы. Сотрудничество США и Монголии проходило и по военной линии: монгольские вооруженные силы участвовали в контртеррористических операциях в Ираке и Афганистане в 2003 г., в совместных акциях по линии миротворцев ООН и НАТО. США полностью поддерживали военную реформу в Монголии, направленную на увеличение численности вооруженных сил [4, с. 258].

После США роль еще одного «третьего соседа» Монголии отводится Европейскому союзу. До 1991 г. контакты между ними были незначительными. Однако с распадом СССР монгольское правительство постаралось сделать все возможное, чтобы добиться стату-

са наибольшего благоприятствования со стороны европейских стран. Так, только за 1991 г. Монголия подписала ряд экономических соглашений с Францией, Великобританией и Германией. Точкой отсчета в активизации контактов между странами стали официальные визиты монгольского премьер-министра в столицы ключевых членов ЕС. Нормативно-правовую базу монгольско-европейских отношений составляют три основополагающих документа: Соглашение о торговле и сотрудничестве (1992), Соглашение о торговле в сфере текстильной промышленности (1995) и Основы партнерства Монголии с Европейским Инвестиционным банком (1997). В 1994 г. Монголия была внесена в перечень стран-получателей помощи по программе Технической помощи странам СНГ (ТАСИС). В 2004 г. на эту страну была распространена Всеобщая система преференций ЕС. Стоит отметить, что ЕС является для Монголии идеальным «третьим соседом», так как вызывает малую озабоченность России и Китая. Товарооборот между Европейским союзом и Монголией достигает уровня, сопоставимого с объемом монгольско-японской или монгольско-корейской торговли. По статистике каждый 21-й гражданин Монголии проживает в ЕС [2].

Еще одним важным азиатским партнером Монголии, помимо Японии и Южной Кореи, является Индия. Нью-Дели рассматривает эту страну как один из главных форпостов для продвижения своих интересов у границ Северного Китая. Выходит, что Монголия для Индии играет роль «заднего двора», это особенно актуально на фоне роста китайско-индийских противоречий. Для Монголии Нью-Дели, в первую очередь, «третий сосед». Монгольско-индийское сотрудничество происходит в экономической сфере: южноазиатское государство прибегает к предоставлению крупных кредитов Монголии, взамен получая доступ к ее ценным полезным ископаемым. Активизируются контакты по военной линии: индийские инструкторы обучают своих монгольских коллег, обе страны устраивают совместные учения [8].

Итак, концепция «третьего соседа» для Монголии представляет собой инструмент достижения максимальной независимости во внешней политике. В то же время она являет собой отражение цивилизационной особенности монгольского народа. Скажем, китаец, воспитанный на идеологии конфуцианства, воспринимает окружающий мир как некую устойчивую иерархическую систему, помещая при этом свою страну в его центр. Монголы же, как последователи кочевых традиций, не признают строгих иерархических рамок. Постоянный поиск «третьего соседа» – нормальное состояние для их психологии. Поэтому понятно, почему установление контактов с

другими странами является важным элементом внешней политики степной страны. Перечисленных выше партнеров Монголии для удобства можно классифицировать по общественным сферам, в которых они наиболее преуспели, контактируя с азиатским государством. Так, США и ЕС расцениваются как «сосед» в стратегическом плане, Япония и Южная Корея – в экономическом, а Индия – в культурном и цивилизационном. Более того в 2015 г. во время визита в Улан-Батор индийская сторона выразила заинтересованность в развитии экономических связей с Монголией [6].

Источники и литература

1. Базаров В. Б. Монголо-американские отношения в конце XX – начале XXI в. // Власть. 2018. № 7. С. 258–263.
2. Гольман М. И. Монголия и Япония: переход к экономическому партнерству // Новое Восточное Обозрение. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/09/08/mongoliya-i-yaponiya-perehod-kekonomicheskomu-partnerstvu/> (дата обращения: 19.02.2021).
3. Грайворонский В. В. Концепция внешней политики Монголии // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 56–69.
4. Гулевич В. Индия и Монголия идут друг другу навстречу // Международная жизнь. 2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18087>. (дата обращения: 19.02.2021).
5. Родионов В. А., Аюшиева И. Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 420. С. 125–130.
6. Индия является не просто третьим, а духовным соседом монголов // ARD. URL: <http://asiarussia.ru/articles/8448/> (дата обращения: 19.02.2021).
7. Batbayar T. The Third Neighbour Policy and Australia Mongolian relations // Journal of International Affairs. 2014. Vol. 19. P. 5.
8. Important Dates for EU and Mongolia Relations // European External Action Service. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/mongolia/eu_mongolia_political_relations/important_dates/index_en.htm (дата обращения: 19.02.2021).
9. Ulambayar D. Mongolia's "Third Neighbor" Policy: Nature and Purpose // World Affairs (Ulaanbaatar). 2015. № 2 (31). P. 47–55.
10. Vaishali K. Mongolian Foreign Policy Implications for Russia and China // Mongolian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 19. P. 74.

Mongolia's "third neighbor" policy: Implementation specifics

K.A. Shagdurova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the concept of the "third neighbor", which formed the basis of the foreign policy strategy of modern Mongolia. Foreign policy is a reflection of the economic and political development of the state. The article considers the problem of interpreting the policy of the "third neighbor" due to the ambiguity of its interpretations in official documents, including the Foreign Policy Concept. A brief analysis of Mongolia's cooperation with developed countries is given, proceeding from the main points of the "third neighbor" concept.

Keywords: Mongolia, "third neighbor", cooperation, concept, developed countries.

Монголо-российские отношения: роль Сибири и Дальнего Востока

К. Дэмбэрэл

Институт международных отношений Академии наук Монголии
г. Улан-Батор

Аннотация. Обозначено, что в рамках внешней политики, нацеленной на Азию, Россия стремится сотрудничать с Монголией, поэтому включила это направление как самостоятельный пункт в две последние Концепции внешней политики. Сделан вывод, что Россия придает особое значение развитию отношений Сибирского и Дальневосточного федерального округа с Монголией в рамках данной концепции.

Ключевые слова: Монголия, субъекты РФ, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ, монголо-российские отношения.

Оптимизация роли Сибирского федерального округа и Дальневосточного федерального округа в монголо-российских отношениях и направления их сотрудничества является реальным шагом в расширении двусторонних отношений. А для этого нам надо разобраться в абстрактном понятии регионального и приграничного сотрудничества, о котором мы писали и говорили до сих пор.

Выступая в 2000 г. перед парламентом Монголии В. В. Путин отметил: «У регионального сотрудничества большое будущее» [5, с. 60]. Здесь он имел в виду субъекты РФ – Сибирь и Дальний Восток – в определении этого региона.

Что такое Сибирский и Дальневосточный федеральные округа?

Давайте определимся с тем, что значит для монголов Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Хотя мировое сообщество считает Сибирь и Дальний Восток «источником богатства» сырьевых ресурсов, нам важно выбрать определенно новую форму отношений и сотрудничества и развивать их, так как Монголия не является такого рода крупным потребителем на этом рынке.

Для Монголии важно рассматривать Сибирский и Дальневосточный федеральные округа в качестве географически близких рынков с населением около 25 млн человек для реализации монгольских традиционных и определенных наименований товаров и продукции и направить сферу сотрудничества в этом русле. Помимо схожести природных, климатических и географических условий для

нас последние 70 лет сотрудничества создали общность характера и стиль предпринимательства. Что касается населения, то тот факт, что в двух федеральных округах проживают представители той же этнической группы, что и монголы, имеет реальный потенциал для расширения культурного сотрудничества между ними. Данные федеральные округа имеют сравнительно развитую инфраструктуру в научно-техническом отношении и являются субъектами с традиционно устоявшимися отношениями и сотрудничеством с Монголией.

Как и в Монголии, так и в этих российских федеральных округах преобладает экспорт сырьевых товаров. Оба они характеризуются сравнительно слабым развитием инфраструктуры, суровыми климатическими условиями, наличием достаточно больших вопросов в отношении трудовой занятости и социальных проблем, низким ВВП на душу населения и небольшим рынком.

Монголия не использует древесину, нефть и природный газ из Сибири и Дальнего Востока в достаточной мере. Поэтому и той, и другой стороне необходимо подумать над тем, в какой форме развивать отношения. Здесь возможно использование промышленного производства, транзитных грузоперевозок и логистики. Таким образом, переход и диверсификация в ближайшем будущем графика работы, по которому какой субъект будет поступать на монгольский рынок с какой продукцией и какую монгольскую продукцию поставлять на рынки Сибири и Дальнего Востока, является возможностью расширения отношений.

На Россию приходится 33 % доказанных мировых запасов природного газа и 28 % – на его добычу [4, с. 457]. Одна треть общей энергоемкости России находится в Сибири. Общие запасы доказанного природного газа в России оцениваются в 44,8 трлн кубометров, из которых 14,5 трлн кубометров находятся в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Это говорит о реальной возможности для реализации крупных международных проектов и программ, например «Сила Сибири – 1, 2».

О взаимоотношениях и сотрудничестве с субъектами Сибирского и Дальневосточного федеральных округов

Согласно вышесказанному, внешняя политика России, направленная на Азию, основана лишь на развитии Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, большая часть монголо-российских отношений в процентном соотношении связана с Сибирью и Дальним Востоком. Более реалистично согласовывать наши отношения с Россией в политике развития этого региона. Присутствие здесь таких мон-

голоязычных народов, как Алтайский край, Республики Бурятия и Тыва, является еще одним фактором в рассмотрении взаимоотношений с этой точки зрения. Такие субъекты России, как Омск, Красноярск, Алтайский край, Новосибирск, Иркутск и Чита, имеющие большую экономическую мощь, можно соединить это с вышеперечисленными монголоязычными народами и считать ключевым направлением двусторонних отношений. Другими словами, взаимодействие с данными субъектами вкпе значит, во-первых, для нас это большой рынок, а во-вторых, это возможность расширить двусторонние отношения. Со стороны данных субъектов перспективнее будет направить свое внимание на то, чтобы Монголию сделать основными воротами для выхода в Азию, в особенности на китайский рынок, и проявить инициативу в этом плане с обеих сторон. Это и в их интересах.

Если в 1990-х гг. доля Иркутской, Бурятской и Читинской областей в монголо-российском внешнеторговом обороте составляла 60–70 % [1], то превышающий 70 % [2, с. 42.] в 2015 г. этот же показатель, приходящийся на Республику Бурятия, Республику Тыва, Алтайский край, Иркутскую, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую области и Забайкальский край, остался неизменным и сохраняется на этом же уровне. (Иркутская область – 55 %, Республика Бурятия – 10,0 %, Читинская область – 1,1 %, Алтайский край – 3,0 %.) Большая часть экспорта мяса Монголии поставляется на мясоперерабатывающие предприятия Иркутска, Республики Бурятия и Читы, которые производят наибольший процент мясной продукции для военнослужащих и Российской армии. Это позволяет снизить транспортные расходы и положительно сказывается на цену реализации продукции, что важно для Сибирского и Дальневосточного регионов [3]. Продолжается поставка в Монголию большого количества наименований импортной продукции и товаров из этих регионов, в том числе 95 % потребности электроэнергии, бензина и топлива, продуктов питания и легкой промышленности, строительных материалов, машин и оборудования.

Внешнеторговый оборот Иркутской области с Монголией достиг 412,8 млн долл. США, из чего экспорт составил 401,5 млн долл. США, а импорт – 11,3 млн американских долларов соответственно. Монголия импортирует из Иркутской области 40–45 % топлива, 30 % электроэнергии, 8 % горнодобывающего оборудования, 3,6 % продукции из дерева, 2,7 % металлургической продукции и 2 % продуктов химической промышленности. Импорт некоторых наименований продуктов питания и сельскохозяйственного сырья из Республики

Бурятия составляет около 60 %, машин и оборудования – 16,5 %, химической продукции – 6,7 %, других товаров – около 16 %.

В Приморском крае Монголия может использовать порты г. Владивостока для экспорта продукции горнодобывающей промышленности в страны Восточной Азии, и этот регион может быть использован Монголией для экспорта шерстяных и кашемировых изделий, мяса и мясопродуктов. В 2012 г. в товарообороте между Монголией и Хабаровским краем Монголия импортировала горнодобывающее оборудование (40,1 %) и продукты питания (29,9 %), и экспортировала 100 % плавикового шпата. В настоящее время имеется большой потенциал для развития торговли с этим регионом [7].

Алтайский край развивает отношения и сотрудничество в основном с западными аймаками Монголии и на долю внешнеторгового оборота с данным краем приходится 46,0 %. Что касается Республики Тыва, то Монголия является основным ее внешнеторговым партнером, и на Монголию приходится 99 % оборота ее внешней торговли.

Вдоль монголо-российской границы функционируют два пункта погранпропуска («Хандгайт» и «Цагаан Толгой»), но их несоответствие международным стандартам затрудняет транспортировку товаров и продукции [6]. Поэтому монгольская сторона начала реконструкцию пограничный пропускной пункт «Боршоо» в соответствии с международными стандартами за счет средств кредитования Азиатского банка развития и эта работа завершится в 2022 г.

Список литературы

1. Атанов Н. И. Социально-экономические проблемы приграничья. Российско-монгольские приграничные взаимодействия в контексте с глобальной конкуренцией в Восточно-Азиатском регионе.
2. Аюуш Д. Торгово-экономическое сотрудничество между Монголией и Россией : сб. науч. ст. и докладов на рус. яз. УБ, ИМО АН, 2016.
3. Винокуров М. Монгол Улстай хамтран ажиллах нь ОХУ-ын аюулгүй байдлыг хангах чухал чиглэл мөн : сайт. URL: www.argumenti.ru/society/n451/359962 (дата обращения: 21.08.2014).
4. Геологийн нэвтэрхий толь. М., 2000.
5. Жамбалдорж Д., Ганзориг Р. Монгол-Оросын харилцаа, хамтын ажиллагааны он жилүүд, хэгийн төлөв. УБ : Адмонпринт, 2007. 110 с.
6. Мещанинов М. Б. Торгово-экономические отношения России и Монголии на приграничных территориях: проблемы и перспективы (1992–2006 гг.) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14. М., 2008.
7. Монгол-Оросын Засгийн газар хоорондын комиссын хуралдаан боллоо : сайт. URL: www.consul.mn/index.php (дата обращения: 25.09.2015).

Mongolian-Russian relations: The role of Siberia and the Far East

K. Demberel

Institute of International Relations of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan-Bator

Abstract. Within the framework of the foreign policy aimed at Asia, Russia seeks to cooperate with Mongolia and has included this as an independent point in the last two concepts. In other words, this means that Russia attaches special importance to the development of relations between the subjects of the Siberian and Far Eastern Federal Districts with Mongolia within the framework of the Concept of Russia's Foreign Policy.

Keywords: Mongolia, subjects of the Russian Federation, Siberian Federal District, Far Eastern Federal District, Mongolian-Russian relations.

УДК 327

Основные направления военного сотрудничества России и Монголии на современном этапе

И. В. Журов

Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е. М. Примакова РАН, г. Москва

Аннотация. Исследуется военное сотрудничество России и Монголии на современном этапе. Выделяются основные направления и цели данного сотрудничества – совместные военные учения, военно-техническое партнерство, подготовка кадрового состава монгольской армии в российских военных вузах, приверженность общему курсу на противодействие международному терроризму и поддержание системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Россия, Монголия, военное сотрудничество, «Селенга», военное образование, российско-монгольские отношения, международный терроризм, военно-техническая помощь.

Сотрудничество между Россией и Монголией в военно-технической и оборонной сферах имеет давнюю историю. Подписание в сентябре 2019 г. нового Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве можно назвать новой страницей в истории российско-монгольских отношений [1]. Основные положения данного документа, который будет носить бессрочный характер, затрагивают широкий спектр отношений между Москвой и Улан-Батором, в том числе военное сотрудничество между двумя странами. На сегодняшний день российско-монгольские отношения в военной области вышли на новый этап развития. Интенсификация двусторонних отношений в данной сфере затрагивает сотрудничество в военно-технической отрасли, организацию сов-

местных военных учений, подготовку монгольских военных кадров на базе российских высших военных учебных заведений, а также общие усилия по борьбе и противодействию террористической угрозе.

Одним из ключевых направлений российско-монгольских отношений выступает сотрудничество в военно-технической отрасли. В начале 2000-х гг. между двумя странами было возобновлено военно-техническое сотрудничество, которое уже на протяжении двадцати лет остается неотъемлемой частью российско-монгольских отношений. Важной составляющей Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве стал протокол о возобновлении действия соглашения об оказании Монголии военно-технической помощи на безвозмездной основе [2]. Подписание данного протокола можно рассматривать в качестве серьезного шага Москвы по направлению углубления военно-технического сотрудничества с Улан-Батором.

В рамках военного сотрудничества между Россией и Монголией на регулярной основе проводятся совместные военные учения. Ежегодные военные учения «Селенга», в которых принимает участие около 1 тыс. военнослужащих российской и монгольской армии, служат цели отработки совместных действий против террористических угроз и незаконных вооруженных формирований. Несмотря на неблагоприятную текущую эпидемиологическую ситуацию в мире, связанную с распространением COVID-19, Россия и Монголия не отказываются от проведения запланированных учений «Селенга». В 2020 г. состоялись очередные совместные российско-монгольские учения, где обе стороны, задействовав современные информационно-коммуникационные технологии, смогли успешно провести военные учения. В марте 2021 г. состоялось очередное совещание представителей военных ведомств России и Монголии, где были определены основные задачи и сроки проведения «Селенга-2021». Согласно итогам российско-монгольской конференции, новые учения пройдут в начале октября текущего года на территории Монголии [3].

Качественная и современная подготовка высшего офицерского и командного состава армии всегда оставалась приоритетным направлением модернизации вооруженных сил Монголии. В советские годы высшие военные учебные заведения СССР сыграли важную роль в подготовке и укреплении кадрового состава монгольской армии. В вооруженных силах Монгольской народной армии служили известные советские военные специалисты, чей вклад в развитие вооруженных сил соседней дружественной страны трудно переоценить. К началу 1980-х гг. в высших военных учебных заведениях

СССР обучались 1031 монгольских военнослужащих [4]. Высокое качество советского военного образования, полученного монгольскими выпускниками, положительным образом сказалось на дальнейшем развитии и модернизации вооруженных сил Монголии. На современном этапе между Москвой и Улан-Батором прослеживаются тенденции к наращиванию сотрудничества в сфере военного образования. В 2010-е гг. заметно выросла доля военнослужащих Монголии обучающихся за рубежом, в том числе в военных вузах России. В 2016 г. министр обороны РФ С. К. Шойгу выступил с предложением возродить подготовку монгольских офицеров в довузовских учебных заведениях России [5]. В Улан-Баторе в свою очередь подчеркнули важность дальнейшего развития сотрудничества в сфере военного образования и высоко оценили уровень подготовки монгольских военнослужащих.

Несмотря на то, что специалисты отмечают в Монголии незначительный уровень террористической угрозы, власти этой страны уделяют повышенное внимание разработке программ контртеррористических мер и отрабатывают основные антитеррористические мероприятия на совместных с Россией военных учениях «Селенга». Деятельность международных террористических организаций вызывает небезосновательные тревоги Улан-Батора. В целях противодействия угрозе международного терроризма Россия и Монголия продолжают взаимодействовать на уровне взаимных консультаций и обмена информацией по линии специальных служб. Монгольские военнослужащие активно участвуют в международных миротворческих миссиях под эгидой ООН, что является составной частью анти-террористических мероприятий Улан-Батора на мировой арене.

Российская и монгольская стороны придают военному сотрудничеству между двумя странами особое значение в целях обеспечения мира и безопасности в азиатском регионе. За последние годы наблюдаются тенденции к углублению российско-монгольских отношений в военной сфере. В 2018 г. между Россией и Монголией была подписана долгосрочная программа военного сотрудничества, ставшая основой дальнейшего расширения военно-стратегического партнерства между двумя странами в азиатском регионе. Используя исторический опыт военного сотрудничества между Москвой и Улан-Батором, обе стороны стремятся следовать наработанным программам партнерства и расширять отношения в военной сфере в XXI в. Проведение совместных военных учений и оказание Россией военно-технической помощи Монголии являются этому прямым подтверждением. В Улан-Баторе высоко оценивают российско-

монгольское сотрудничество в военной сфере и выражают заинтересованность на высшем уровне продолжать перенимать богатый военный опыт России на благо общей безопасности и стабильности в регионе. Для Москвы военное сотрудничество с Монголией всегда было и остается одним из важных факторов сохранения мира и безопасности в азиатском регионе.

Источники и литература

1. Путин заключил с Монголией бессрочный Договор о дружбе. URL: <https://tass.ru/politika/6835355> (дата обращения: 25.04.2021).

2. Россия продолжит оказывать безвозмездную военно-техническую помощь Монголии. URL: <http://asiarussia.ru/news/16701/> (дата обращения: 25.04.2021).

3. Россия и Монголия готовятся к совместным военным учениям «Селенга-2021». URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/03/11/rossiya-i-mongoliya-gotoviyatsya-k-sovmestnym-voennym-ucheniyam-selenga-2021> (дата обращения: 25.04.2021).

4. Улзийхуяг Баасанжав. Развитие системы военно-профессионального образования офицерских кадров вооруженных сил Монголии : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / Военный университет Министерства обороны РФ. М., 2015. С. 2.

5. Шойгу предложил готовить офицеров Монголии в учебных заведениях России. URL: <https://ria.ru/20160427/1421690958.html> (дата обращения: 25.04.2021).

The main directions of military cooperation between Russia and Mongolia at the present stage

I. V. Zhurov

Institute of World Economy and International Relations, Moscow

Abstract. At the present stage, military cooperation between Russia and Mongolia demonstrates high dynamics of development in various areas of interaction between the two countries. Moscow and Ulaanbaatar show mutual interest in deepening bilateral relations in the military-defense sphere, which is reflected in joint military exercises, military-technical partnership, training of personnel of the Mongolian army in Russian military universities, commitment to a common course on countering international terrorism and maintaining the security system in the Asia-Pacific region.

Keywords: Russia, Mongolia, military cooperation, “Selenga”, military education, Russian-Mongolian relations, international terrorism, military-technical assistance.

Mongolian-Russian economic relations

T. Munkh-Orgil

Defense Research Institute, Ulan-Bator

D. Enkhchimeg, G. Nandintsetseg

National Defense University, Ulan-Bator

Abstract. Economic cooperation between Mongolia and Russia has a long tradition. History has shown that in the twentieth century, Russia supported Mongolia's independence and provided valuable support for the country's development in a difficult situation, not only in regional but also in international relations. Within the framework of international relations, official state documents such as Mongolia's Security Concept and Foreign Policy Concept emphasize good neighborly relations and all-round cooperation with neighboring countries. It will be expanded in all sectors in accordance with the Government of Mongolia. Also Russian President Vladimir Putin expressed interest in reviving Mongolia-Russia good-neighborly relations on the basis of a long tradition of mutual assistance and cooperation, emphasizing that "your country occupies a special place in the priorities of Russia's foreign policy." This shows that the two countries are interested in cooperating in all areas of development at the highest levels of government, which is an opportunity to expand economic cooperation. In the case of Mongolia, the warm welcome of Russia as a brotherhood builds not only an economic but also a politically favorable environment and strengthens mutual trust.

Keywords: Russia, Mongolia, economy, cooperation.

Mongolia-Russia economic relations have a long history and a rich history of construction and development. Mongolia, which had been oppressed by the Manchus for more than 200 years, had a stagnant nomadic lifestyle in the late nineteenth and early twentieth centuries, with stagnant population growth, poverty, and disease. They made their living by selling non-industrial, non-industrial livestock raw materials and live animals, and exchanging goods. The proclamation of Mongolia by the Bogd Khanate on December 29, 1911 marked the beginning of a new era in the country's socio-economic life. In 1915, the Russian government established the Mongolian National Bank, owned by the Russian Empire, to influence trade and finance in Mongolia, but this was not achieved due to the lack of favorable political and socio-economic conditions at the time.

At that time, the average share of Russian traders in Mongolian imports did not exceed 5 percent, and the remaining 95 percent was Chinese traders. After the National Democratic Revolution of 1921, the Mongolian economy underwent major reforms that began to streamline the various means of payment used in the transactions of the time, such as taxes

and trade. In connection with this, in 1922, within the framework of the Basic Economic Policy, the Soviet Union provided assistance to eliminate the cash shortage by establishing a National Bank and issuing banknotes, and to establish a financial, budgetary and accounting system.

In 1923, the Central Committee of the All-Union Communist Party decided to establish a Russian-Mongolian bank and set the Russian share at no more than 100,000 gold rubles, which laid the foundation for the establishment of a joint-stock bank. The establishment of the Mongolian Trade and Industry Bank in 1924 began to strengthen economic relations between the USSR and Mongolia. The establishment of the bank in Altanbulag with a fund of 2,500,000 gold rubles with 18 Soviet specialists and 4 Mongolian specialists marked the beginning of the strengthening of the Mongolian monetary system, the introduction of the national currency, and the financing of the country's economic and social development.

The Mongolian-Soviet Trade and Economic Agreement was signed in 1923, and the Mongolian-Soviet trade centers Sibgostorg and Dalgostorg began operating. Mongolia joined the Soviet wool cooperative Sherst for 750,000 rubles. By 1930, the establishment of exclusive trade rights strengthened the Soviet Union's influence in the market, the country developed commodity-money relations, certain socio-economic development took place, and the foundations of many industries were advanced.

In addition, the Soviet-funded Mongol Neft Trust was established to conduct petroleum geological exploration in Mongolia and to build an oil refinery in Zuunbayan, Dornogovi province, which provided 20 percent of the profits to Mongolia. Focusing on the development of the fuel and energy industry, coal mines were opened in Ulaanbaatar and other aimags in 1924-1941, and low-capacity power plants were built. Mongolian-Soviet joint ventures and trusts, such as Sov-Mongol Metal and Mongol Neft, played an important role in the successful conduct of geological, mining, and exploration work and in strengthening the industrial mineral resource base.

Economic ties between the two countries were deepened by the expansion of factories, such as the Soviet-backed garment and small goods industry, the shoe department, and the production of building materials from local raw materials. In 1929, the Mongolian-Russian joint venture Mongol Trans was established, which began the reconstruction of the country's main roads and railways. A great example of this is the construction of the Naushka-Ulaanbaatar-Zamyn-Uud railway with the help of the Soviet Union, which made an invaluable contribution to the development of industry and made an invaluable contribution to the country's

economic and social development. As a result of such development, the trade turnover between Mongolia and Russia increased, and in 1931 the share of Mongolia in exports increased to 99.2 percent and in imports to 90.7 percent.

In 1925–1933, the Soviet Union loaned out 11.3 million rubles to build a brick factory, a sawmill, an industrial complex, the Khatgal wool washing factory, a narrow-gauge railway, and the Ulaanbaatar and Altanbulg pavements. By 1934, the Soviet government had written off 29.4 million rubles in debt. The global oil crisis of the 1970s and 1980s led to a stagnant economic growth in the Soviet Union and a socio-political impact.

However, the Soviet Union did not stop lending to Mongolia's socio-economic development. For example, in 1971–1975, about 450 million rubles, in 1976–1980, 1.4 billion rubles, in 1981–1985, 3.2 billion rubles, and in 1986–1990, 3.5 billion rubles were rented and used. Between 2003 and 2009, about 98 percent of this debt was written off and 2 percent, or \$ 254 million, was repaid.

Some of the significant economic support provided by Mongolia to Russia is estimated at 1.9 billion rubles in agricultural exports to the Soviet Union during the 15-year period of 1975–1990. The difference was 5.0 billion rubles, which was a net profit for the Soviet budget. In addition, since the establishment of the MongolRostsvetmet cooperative, all fluorspar ore and concentrate have been exported raw to the Soviet Union. In terms of loans to balance the foreign trade balance, the prices of imported goods from the USSR rose sharply in 1975–1990, but the prices of Mongolian exports to the USSR increased slightly, which supported the Soviet economy. In the case of Soviet-backed factories, Mongolia was able to supply raw materials and develop Soviet value-added industries, which strengthened the Soviet industrial sector.

The social system changes that took place in the USSR and the People's Republic of Mongolia in 1989–1990 also affected the economic systems of the two countries, shifting from a centrally planned economy to a market economy.

The process of restructuring the Russian socio-economic system in the 1990s affected the country's internal and external situation, especially the instability of the domestic economy, which had a negative impact on the Mongolian economy. For example, Mongolia's exports to Russia fell from \$ 517.5 million in 1990 to \$ 68.5 million in 1995, while imports from Russia to Mongolia fell from \$ 951.6 million to \$ 208 million in the same period. The decline in Russian trade, which accounted for up to 80 percent of Mongolia's foreign trade turnover, reduced Mongolia's GDP from MNT 208.6 billion to MNT 170 billion, and production fell by 22

percent, causing significant economic hardship. In addition, political and social security instability, such as the collapse of the Soviet Union and the outbreak of war in Chechnya due to changes in the economic and social system, have worsened the economic situation between the two countries.

Along with the two countries' domestic economic crisis, the fall in world copper prices since 1996 has led to a decline in the value of Mongolia's main export products, including relatively high prices for oil and electricity, Russia's main imports to Mongolia. was caused. Russian President Vladimir Putin visited Mongolia in November 2000 at the invitation of Mongolian President N. Bagabandi. Although the Ulaanbaatar Declaration, which covers state issues, has been signed, no concrete work has been done in this area.

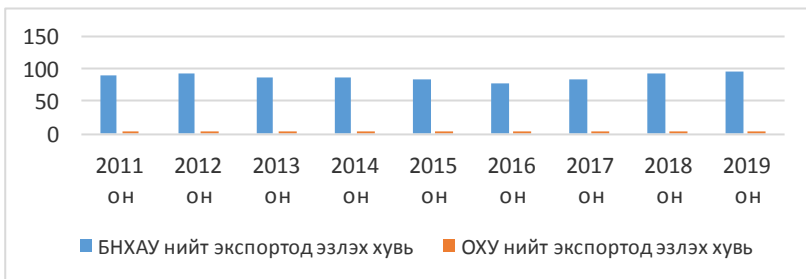
According to a study of the current economic situation in Mongolia and Russia, trade turnover will increase by 40 percent in 2018 to \$ 1.8 billion, accounting for 14 percent of Mongolia's total foreign trade. Mongolia exported about \$ 86 million worth of goods to Russia, which is 20 times less than imports, or a trade deficit of \$ 1.6 billion.

At the “Mongolia-Russia Initiative” economic forum in 2018, President Kh. Battulga said, “First of all, it is important for our two countries to increase trade turnover and eliminate the imbalance between exports and imports. is required.”

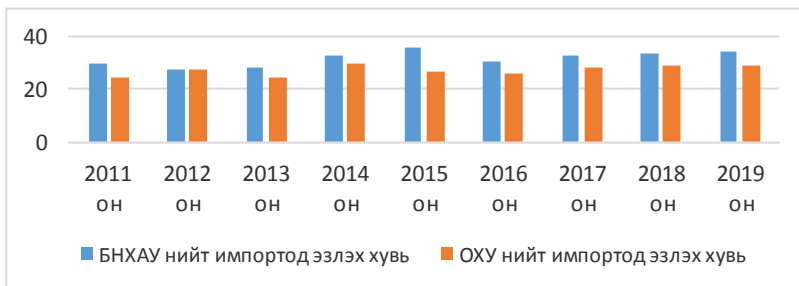
Mongolia's economy is inextricably linked to the economies of its two neighbors. For example, it can be seen in the trade turnover with two neighbors in 2011–2019.

The share of Mongolia's exports to Russia is very low compared to China, which is directly related to the market demand of the two neighbors. The study examined the structure of exports, mainly coal to the southern neighbor and horse meat, fluorspar and leucite to the northern neighbor.

Export ratio to Russia and China

Percentage and ratio of imports from Russia and China

It shows the structure of foreign trade between the two countries, Mongolia imports \$ 1 billion worth of oil products from Russia and imports construction, food and equipment from China.

In 2019, the two countries advanced their strategic partnership and reached a friendly and comprehensive strategic partnership, which was a political decision to cooperate in all fields. In this context, the signing of a memorandum of understanding between Erdenes Mongol LLC and Rosseti JSC marks the first step in Mongolia's cooperation with its northern neighbor, which has initiated the creation of an integrated electricity system covering Northeast Asian countries. It is important to urgently address some of the challenges in expanding and strengthening economic cooperation between the two countries. For example, some of the economic cooperation plans on paper are as follows. Including;

- The Mongolian government revoked the license of Khan Resources of Canada in 2009 and established a Mongolian-Russian joint venture, Dornod Uranium, but Canada filed a lawsuit with the International Court of Arbitration, which shut down Dornod Uranium.

- In the case of the Asgat silver deposit, the license was signed by an agreement between the governments of Mongolia and Russia, but the Mongolian side has not achieved any results due to issues related to increasing its share.

- In 2000, an agreement was signed to build a nuclear power plant in Mongolia and to train specialists in the field of nuclear energy, but there has been no implementation.

- At the summits of Mongolia, Russia and China, Mongolia's proposal to merge the Initiative for Regions and Roads, the Eurasian Economic Union, and the Steppe Road into an "economic corridor" between the three countries came to a standstill.

- We have not resolved the non-tariff issues facing regional and cross-border trade, which accounts for about 80 percent of the total trade turnover between Mongolia and Russia.

- Large-scale gas pipelines, railways, mining, energy and oil refining projects in Mongolia have not been implemented. All this suggests that, in reality, Russia's strategic economic interests in Mongolia are not very strong.

In addition, 10 agreements were signed between the two governments in 2018, most of which are aimed at expanding economic relations, reviving traditions and cooperating in the field of exploration in the mining sector. These include the Agreement between the Ministry of Food, Agriculture and Light Industry of Mongolia and the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, and the Memorandum of Understanding between the Ministry of Energy of Mongolia and the Ministry of Energy of the Russian Federation on cooperation in the electricity sector. Memorandum of Understanding between the Ministry of Energy of Mongolia and Ruselprom of Russia on cooperation in the development of the Mongolian energy market, Memorandum of Understanding between the Fourth Thermal Power Plant of Mongolia and Ural Turbine Plant of Russia the parties signed cross-sectoral documents such as

The crisis in political and economic relations between the United States and China, the main players in the world economy, the crisis in some regions, and economic stagnation have created uncertainty in world production and consumption, and in trade and economic relations between countries such as production, trade, and prices are destabilized. Therefore, the two countries can express the following opportunities and ways to ensure the implementation of strategically important cooperation agreements. Including;

- Establish a joint economic institution to develop the economies of the two countries

- Russia's economic cooperation within the framework of the Far East, Baikal and Siberian Regional Development Program

- Mutual support for industrialization and creation of joint industrial complex

- Mongolia needs to study this market and create its own space in it, as 80 percent of Russia's exports are fuels and minerals, 75 percent of imports are industrial products and 40 percent are food products.

- Policy support for mutual investment

- Capital flow and financial market development

- Cooperation in agriculture and agriculture

- Development of renewable energy
- Contribute to the economic development of the region by emphasizing the development of a knowledge-based economy and working together for sustainable development, which is important for the economic security of both countries.

References

1. Ариунаа Л. Монгол төрийн эдийн засгийн бодлого, сорилт, сургамж, асуудал. Мөнхийн үсэг групп, ХХК, 2019.
2. Ган-Очир Д. Монголын хөгжлийн зам. Сургамж, сорилт, боломж. “Адмон принт” ХХК, 2020.
3. Отгонтуяа Л. Төсвийн зарлагын бодлого; Ц. Бат, Их өрийг шийдвэрлэсэн нь 2005 он; Л. Ариунаа. Монгол төрийн эдийн засгийн бодлого, сорилт, сургамж, асуудал. Мөнхийн үсэг групп, ХХК, 2019.
4. Лувсандорж нар Л. Монголын эдийн засаг. Шилжилтийн эдийн засгийн гарын авлага. УБ, Манчестар, 1999 он, 165–166-р тал.
5. URL: <https://president.mn/4042/>
6. “Үнэн” сонин 2000.09.08. № 166
7. “Зууны мэдээ”. 2000.11.15

УДК 339.92

Вопросы совершенствования торговых отношений между Монголией и Россией

Б. Батхишиг

Институт философии Академии наук Монголии
г. Улан-Батор

Аннотация. Рассматривается нынешнее состояние торговли между Монголией и Российской Федерацией и отмечается, что монгольский экспорт в Россию занимает ничтожную часть всего объема экспорта Монголии. Показывается экспортный потенциал Монголии на конкретных примерах животноводства и легкой промышленности и предлагает пути увеличения торговли между двумя странами. Утверждается, что расширение экономического сотрудничества и реализация намеченных крупных проектов будут содействовать росту объема торговли.

Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, импорт, дефицит, таможня, пошлина.

Экономические отношения между Монголией и Россией имеют богатую историю и громадный опыт. Особенно торговля между ними всегда была оживленной и Советский Союз занимал основную

часть монгольской внешней торговли. Так, в 1989 г. монгольский экспорт в Советский Союз составлял 73 % и импорт достигал 82 % всей внешней торговли Монголии [1].

Но с переходом двух стран к рыночным отношениям их экономическое сотрудничество стало слабеть, в том числе двусторонняя торговля начала уменьшаться. Другие партнеры стали проникать на монгольский рынок и некоторые из них заняли значительную позицию на нем.

Так, данные табл. 1 показывают, что за прошедшие 29 лет объем монгольского экспорта в Россию уменьшился 7,6 раз, в то время как этот показатель относительно КНР увеличился в 600,8 раз. По состоянию на 2019 г. доля России в общем экспорте Монголии занимает всего лишь 0,9 %. Хотя импорт из России увеличился в 2,4 раза, дефицит торговли с ней рос внушительно и держится в течение последних лет на высоком уровне (рис.).

Таблица 1

Экспорт и импорт Монголии, по странам, в млн \$ [2, с. 739]

Страны	1990	2000	2010	2019
<i>Экспорт Монголии</i>				
Всего	660,7	535,8	2908,5	7619,6
КНР	11,3	274,4	2466,4	6789,7
Великобритания	3,0	17,5	67,4	291,1
Россия	519,6	45,1	82,7	68,1
Сингапур	0,0	0,1	2,5	154,5
<i>Импорт Монголии</i>				
Всего	924,0	614,5	3200,1	6127,5
США	0,0	28,4	158,9	289,6
Республика Корея	0,9	55,6	181,8	267,0
КНР	25,0	125,8	976,2	2060,8
Россия	720,0	206,2	1046,7	1729,9
Япония	9,8	73,3	196,5	585,5

Отсюда видно, что следует снизить дефицит торгового баланса и увеличить экспорт Монголии в Россию. Монголии есть, что предложить России. После 1990 г. животноводство Монголии развивается ускоренными темпами. Так, за истекший период поголовье скота 5 видов возросло в 2,7 раза и достигло 70,1 млн в 2019 г. Все поголовье скота находится в частной собственности 170 тыс. скотоводческих семей [2, с. 713].

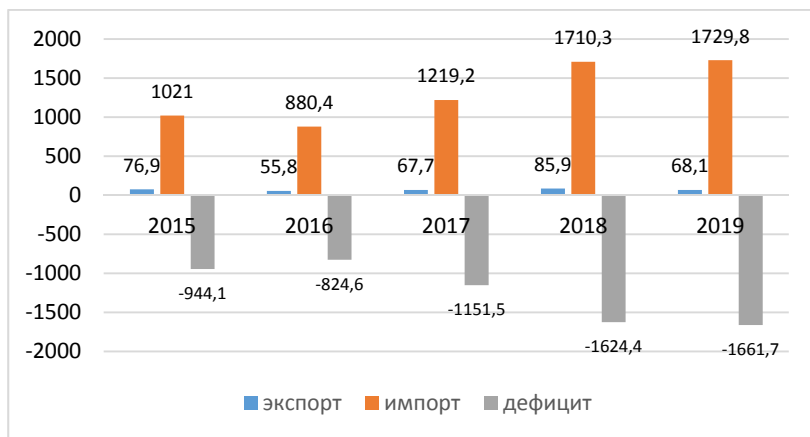

Рис. Торговля между Монголией и Россией, в млн \$ (2015–2019 гг.) [3]

Ныне на душу населения Монголии приходится 21 животное. Наши расчеты показывают, что Монголия в состоянии экспортировать ежегодно до 120–150 тыс. т мяса, т. е. 15–20 млн поголовья скота. Но в 2015–2019 гг. 24,6 тыс. т мяса было экспортировано в среднем за год [4]. Кроме этого, большое количество такой продукции и сырья, как шерсть, пух, кожа, производится ежегодно в переработанном и сырьевом виде. К примеру, в 2019 г. получено 19,6 млн кож и шкур крупного и мелкого скота, 33,7 тыс. т шерсти и 10,9 тыс. т козьего пуха. Монгольская легкая промышленность перерабатывает около 10 % шерсти, 25 % кож крупнорогатого скота и 24 % козких шкур [5].

Причем поголовье скота и его сырьевое богатство каждый год воспроизводится в расширенном масштабе. Внутренний рынок, конечно, не может поглощать и переваривать все это богатство. Поэтому чтобы максимально эффективно использовать это богатство нужно расширить рынок сбыта за счет экспорта. К сожалению, экспорт животноводческой продукции занимает всего 8 % в структуре экспорта Монголии.

Как видно из данных табл. 2, доля продукции животноводства и связанных с ним отраслей занимает всего 8 % в структуре экспорта Монголии.

Таблица 2

Структура Монгольского экспорта, в % [2, с. 618]

Товарные группы	2010 г.	2015 г.	2019 г.
Скот и продукты скотоводства	2,4	0,6	1,3
Переработанные кожи и шкуры скота и изделия из них	1,1	0,7	0,2
Продовольственные товары	0,2	0,3	0,8
Минеральные ресурсы	81,0	78,8	83,7
Трикотажные изделия	7,4	6,5	5,7
Драгоценные металлы	6,1	9,0	5,5

Мы считаем что главным направлением и потенциальным рынком монгольского экспорта животноводческой продукции являются наши соседние страны. Так как шерстяные, пуховые, овчинные и кожаные изделия преимущественно пользуются спросом в странах и местах с холодным и прохладным климатом. Поэтому Монголия прежде всего заинтересована в торговле с этими странами, прежде всего с Россией, в частности с такими близкими нам субъектами РФ, как Иркутская, Читинская области, Республика Брятия и Алтайский край.

К сожалению, несколько факторов препятствует расширению монгольского экспорта в Россию. Прежде всего это высокие размеры импортных тарифов и налога на добавленную стоимость делают наши продукты нерентабельными. Так, импортная пошлина РФ на импортируемое мясо из Монголии достигает 15 %, налог на добавленную стоимость 20 % и вместе они составляют 35 % [6; 7].

Также существуют разного рода нетарифные барьеры, которые мешают нашему экспорту. К примеру, для экспорта мяса требуется получить разрешение из Федерального агентства по ветеринарному и фитосанитарному надзору, для чего необходимо пригласить его специалистов в свои предприятия и ознакомить их с процессом подготовки мяса, хранения и транспортировки и т. д. Кроме этого российская сторона требует обработать мясо термическим методом.

Российская сторона также устанавливает определенную квоту для экспорта мяса и ограничивает его поставки только приграничными зонами, где нет достаточного спроса. В случае возникновения болезни скота в какой-нибудь части Монголии налагают запрет на ввоз мяса на длительный срок, причем зону риска расширяют по своему усмотрению.

Что касается других продуктов животноводческого происхождения, то они вообще отсутствуют в торговле с Россией. Посмотрим структуру торговли Монголии с Россией (табл. 3).

Таблица 3
Структура торговли между Монголией и Россией, 2020 г. [8]

Экспорт		Импорт	
Наименования продукции	Объем в тыс. \$	Наименования продукции	Объем в тыс. \$
Плавленый шпат	44 273	Нефтяные продукты	724 652
Концентрат драгоценного металла	6084	Продовольственные продукты	91 685
Одежда	3100	Локомотивы	50 730
Электроэнергия	580	Изделия из металла для железной дороги	47 991
Всего	57 273	Азотное удобрение	36 078
		Стальные изделия	34 550
		Пшеница	27 840
		Электроэнергия	21 083
		Сигареты	17 143
		Битум	14 166
		Сжиженный газ	12 613
		Стеклоизделия	10 366
		Паровые турбины	10 327
		Бульдозеры, экскаваторы	9 680
		Всего	1 399 962,3

Из данных табл. 3 видно, что наименования экспортной продукции Монголии слишком скудные. 77,3 % нашего экспорта занимает плавленый шпат. А наименования продукции импорта из России не только разнообразные, но и их объем и стоимость много раз превышают монгольский экспорт. Это прежде всего связано с благоприятными условиями Монголии относительно внешней торговли. Так, импортная таможенная пошлина в Монголии в среднем составляет 5 % и налог на добавленную стоимость 10 % и всего они составляют 15 % [8].

51,8 % импорта занимают нефтяные продукты, что показывает зависимость Монголии от нефтяных продуктов России. Всего 11,7 % импорта составляют различные промышленные изделия.

Ныне в Монголии строится нефтеперерабатывающее предприятие, которое будет работать на собственном сырье и обеспечивать почти полностью внутреннюю потребность в нефтяных продуктах. Думается, что после его введения в эксплуатацию торговый баланс между двумя странами несколько изменится.

Надо сказать, что животноводческое сырье и продукты Монголии отличаются высокими качествами. Так, например, мясо является натуральным и экологически чистым продуктом, потому что почти весь скот круглый год пасется на натуральных пастбищах и увеличивает вес подножным кормом и пьет кристально чистую воду. Ученые обнаружили, что монгольская баранина содержит в себе около 200 различных витаминов и других полезных веществ, необходимых человеческому организму.

Монгольский пух отличается наименьшей тонкостью и изделия из него считаются самыми качественными и теплыми. В Монголии работают несколько фабрик по производству кашемировой одежды, которая уже приобрела мировую известность и пользуется большим спросом.

Овчинные изделия, такие как дубленка, тужурка, шапка, перчатки являются самыми подходящими и теплыми для жителей Сибири и Дальнего Востока. Из обработанных в Монголии козых шкур делают ныне фирменные кожаные изделия такие известные компании, как Prada и другие.

На наш взгляд, замедление торгового оборота между нашими странами связано также с ослаблением экономического сотрудничества и уменьшением взаимных инвестиций. Мы считаем, что интенсификация экономического сотрудничества будет содействовать росту торгового оборота между нашими странами. Прежде всего надо ускорить планируемое строительство газопровода из России в Китай через монгольскую территорию. Этот крупный проект обеспечит природным газом не только Китай, но и Монголию, что несомненно укрепит энергетическую и экологическую безопасность монгольской столицы и других городов.

Также следует начать строительство северного коридора в рамках проекта «Один пояс, один путь», о котором договорились руководители КНР, Монголии и Российской Федерации в 2016 г. в г. Ташкенте. Данный проект предполагает строительство скоростной железной дороги и автомагистрали из Пекина до Москвы через Улан-Батор. В случае успешной реализации данного проекта намного увеличится товароборот не только между нашими двумя великими соседями, но и между Азией и Европой, что благоприятно скажется на экономическом развитии Монголии.

Поскольку Российская Федерация является членом Евразийского экономического союза, (ЕАЭС) постольку мы должны обсудить вопрос об улучшении условий внешней торговли с руководством и странами – членами данного союза. Монголия

впервые поставила вопрос о заключении договора о свободной торговле с ЕАЭС в 2016 г. Надо отметить, что есть некоторые сдвиги в этом направлении. Так, в сентябре 2020 г. Совет ЕАЭС принял решение о создании совместной группы по изучению эффективности заключения договора о свободной торговле. Но все-таки этот процесс идет слишком медленно. Мы надеемся, что заключение данного договора откроет путь на рынки стран – членов ЕАЭС для монгольского экспорта. Но с другой стороны, надо быть готовыми для наплыва товаров в Монголию из этих же стран.

Наряду с этим необходимо работать со странами – членами ЕАЭС на счет устранения различных нетарифных барьеров путем создания совместных предприятий по обработке и переработке сырых материалов животноводческого происхождения. У нас есть такой опыт. Так, некоторые монгольские предприятия работают совместно с турецкими компаниями по переработке козьих шкур и кож крупнорогатого скота с тем, чтобы экспортировать готовую продукцию и полуфабрикаты в Турцию и другие страны.

Создание зон свободной торговли на границе двух стран является одним из путей облегчения внешней торговли. Россияне могут приезжать в приграничный город Алтанбулаг, где действует зона свободной торговли. Было бы хорошо, если российская сторона открыла такую же зону близ своей границы.

Особо хотелось бы отметить, что г. Иркутск имел и имеет очень важное значение для развития и укрепления дружественных отношений между Монголией и Россией. В 1920 г. в Иркутске монгольские революционеры выпустили первый номер газеты «Унен» и отсюда они руководили борьбой за независимость. Много тысяч монгольских студентов получили высшее и среднее специальное образование в вузах Иркутска. Поэтому Монголия и Иркутск должны совместно работать для укрепления экономического сотрудничества и увеличения взаимовыгодной торговли.

Источники и литература

1. Намжим Т. Монгол Улсын эдийн засаг // Экономика Монголии, боть 2. УБ, 2004. 760 дахь тал
2. Статистический сборник Монголии (на монгольском и английском языках). 2019.
3. Монгол Улсын Гаалийн ерөнхий газрын албан ёсны веб хуудас. URL: www.customs.gov.mn
4. Батхишиг Б., Бакей А. Проблемы повышения эффективности животноводства Монголии // Аграрная наука – сельскому хозяйству : материалы науч.-практ. конф. Барнаул : Алт. гос. аграр. ун-т 2021. С. 4.

5. Бакей А., Нямаа Н., Баттулга Ж. Монгол Улсын хөдөө аж ахуйн хөгжил ба БНХАУ-ын хамтын ажиллагааны боломж, Хамтарсан судалгааны ажлын тайлан // Развитие сельского хозяйства Монголии и возможности сотрудничества с КНР : отчет совместной научной работе. УБ, 2020. С. 13–14 дэх тал

6. Таможенные пошлины в России. URL: VisaSam.ru

7. Ставки НДС в России. URL: Ru.wikipedia.org

8. Монгол Улсын Гаалийн ерөнхий газрын албан ёсны веб хуудас. URL: www.customs.gov.mn

Issues of improving trade relations between Mongolia and Russia

B. Batkhishig

Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan-Bator

Abstract. The article examines the current state of trade between Mongolia and the Russian Federation and notes that Mongolian exports to Russia account for an insignificant part of Mongolia's total exports. The author shows Mongolia's export potential using specific examples of animal husbandry and light industry and suggests ways to increase trade between the two countries. It is argued that the expansion of economic cooperation and the implementation of the planned large projects will contribute to the growth of trade.

Keywords: foreign trade, exports, imports, the deficit, customs, duties.

УДК 339.9

Россия и Монголия: пути развития стратегического партнерства

А. В. Макаров

Байкальский институт природопользования СО РАН
г. Улан-Удэ

Аннотация. Проводится анализ современных российско-монгольских экономических отношений и перспектив их интенсификации в рамках Программы создания экономического коридора «Китай – Монголия – Россия».¹

Ключевые слова: Россия, Монголия, внешнеэкономическая политика, трансграничная инфраструктура, международный экономический коридор.

5 ноября 1921 г. было заключено Соглашение между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений, с которого принято вести отчет истории российско-монгольского сотрудничества. Наиболее яркий и продолжительный период этой истории, связанный с союзническими отношениями двух первых в мире социа-

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания БИП СО РАН (проект АААА-А21-121011590039-6) и при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-014-00002).

листических стран, проанализирован в целом ряде публикаций. Поэтому в 100-летний юбилей установления дипломатических отношений важно сосредоточиться на современных проблемах экономического сотрудничества и перспективах его развития.

В целом переход России и Монголии на экономические отношения рыночного типа привел к почти полному прекращению взаимодействия в начале 1990-х гг. В ходе вынужденной переориентации Монголии на развитые страны мира и КНР сотрудничество с Россией стало определяться только сохраняющейся потребностью в импорте российских нефтепродуктов и электроэнергии. При этом постоянный рост цен на энергоресурсы стал одним из основных раздражающих факторов в двухсторонних отношениях.

Однако наиболее разрушительное воздействие на весь комплекс взаимных отношений оказал вопрос «большого долга» Монголии перед СССР, который Россия как его правопреемница пыталась вернуть от своего бывшего союзника. Переговоры по решению этой проблемы начались еще между СССР и МНР в 1988 г. В то же время была лишь достигнута договоренность о консолидации задолженности по всем предоставленным кредитам.

Российско-монгольские переговоры по решению проблемы «большого долга» продолжались с 1992 по 2004 г. В ходе первых двух раундов переговоров российская сторона пыталась добиться признания и погашения максимальной суммы долга в свободно конвертируемой валюте. В качестве механизмов урегулирования задолженности предлагались также оплата акциями предприятий, товарами и услугами, предоставлением в концессию месторождений полезных ископаемых и иные конверсионные операции.

Монгольская сторона придерживалась жесткой позиции в части согласования общей суммы задолженности и принципов ее урегулирования. Согласно монгольской позиции основная часть инвестиционных кредитов была предоставлена на создание совместных предприятий, ориентированных на поставку сырья и продукции в СССР.

Задолженность по кредитам на сбалансирование взаимной торговли, по мнению монгольской стороны, вообще возникла в результате применения невыгодных для Монголии цен на товары экспорта и импорта. Цены на поставляемые из Монголии сырье и продукцию были как минимум в два раза ниже внутренних оптовых цен в СССР. При этом закупочные цены на нефтепродукты, машины и оборудование, а также товары широкого потребления устанавливались гораздо выше чем в СССР.

Исходя из специфики «большого долга» и подходов к урегулированию задолженности беднейших стран мира, применяемых Парижским клубом кредиторов, руководство Монголии настаивало на списании основной его части и предоставлении отсрочки и льгот по оплате оставшейся части.

Только в ходе третьего раунда переговоров, проведенного в 2002–2003 гг., стороны пришли к обоюдному пониманию того, что проблему «большого долга» можно решить лишь путем списания основной его части. В конце 2003 г. правительство России объявило о решении списать основную часть долга Монголии перед СССР (11,1 из 11,4 млрд долл.) при условии незамедлительной единовременной выплаты оставшейся части. Было ли увязано решение об урегулировании задолженности с другими вопросами из области взаимных отношений так и осталось неизвестным. Поскольку правительства двух стран договорились об этом не распространяться.

В то же время представляется очевидным, что после списания «большого долга» правительство России рассматривало на предоставление в концессию крупнейших месторождений Монголии. В программе российско-монгольского сотрудничества на 2006–2010 гг. это нашло отражение в стремлении к активизации сотрудничества, прежде всего, в горной добыче.

В полном виде новая стратегия сотрудничества была предложена ОАО «РЖД» в рамках Концепции развития железнодорожной инфраструктуры Монголии. В 2008 г. ОАО «РЖД», представляющее интересы России в АО «УБЖД», направило этот документ правительству Монголии.

В концепции предлагалось построить две ветки от Трансмонгольской магистрали в Южный и Восточный регионы Монголии для освоения новых месторождений и экспорта сырья. Строительство новых железных дорог намеревалось профинансировать ОАО «РЖД» в качестве своего вклада в уставной капитал нового СП «Развитие инфраструктуры». Предполагалось также, что новые дороги будут переданы в управление АО «УБЖД».

По замыслу ОАО «РЖД» основным вкладом Монголии, обеспечивающим возврат инвестиций в строительство новых дорог, должны были стать лицензии на освоение месторождений меди Ою-Толгой и угля Таван-Толгой. К их освоению планировалось привлечь консорциум российских компаний «Базовый элемент», «Ренова» и «Северсталь».

Однако понимание того, что передача крупнейших месторождений и связанной с ними инфраструктуры под контроль российских

компаний вновь приведет к утрате экономической и политической самостоятельности, привело к тому, что руководство Монголии от реализации предложенной концепции сотрудничества категорически отказалось.

В результате российские компании в борьбе за доступ к разработке монгольских месторождений оказались аутсайдерами. Более того, в связи с утратой контроля над управлением ГК «Ростех» в 2016 г. продала российские доли в ведущих горнодобывающих предприятиях Монголии – компаниях «Эрдэнэт» и «МонголРосцветмет».

Поэтому основой экономического сотрудничества в последние годы оставался только российский экспорт в Монголию нефтепродуктов. При этом ввод в эксплуатацию в 2025 г. первого нефтеперерабатывающего завода в Монголии приведет к полному прекращению взаимной торговли [1].

Отдельные примеры успешного сотрудничества можно привести только в области электроэнергетики. В 2014 г. решить острую проблему растущего дефицита электроэнергии в Монголии удалось за счет проекта увеличения мощности Улан-Баторской ТЭЦ-4 на 120 МВт, реализованного при финансовой и технической поддержке России (ВЭБ и Ренова). В 2019 г. на Улан-Баторской ТЭЦ-4 была запущена еще одна новая турбина мощностью 120 МВт. Предполагается, что она станет первой из четырех старых турбин Улан-Баторской ТЭЦ-4, модернизируемых компанией Ренова.

В числе перспективных проектов сотрудничества в области электроэнергетики рассматривались также проекты увеличения мощности Улан-Баторской ТЭЦ-3 на 250 МВт (фактически новое строительство). Однако переговоры по модернизации других ТЭЦ, построенных еще при поддержке СССР, в плоскость практической реализации до сих пор не перешли.

В целях сближения позиций сторон и с учетом инициативы КНР «Пояс и путь» в последние годы продвигается новый формат трехстороннего сотрудничества. В его основе лежит интерес всех трех стран к использованию преимуществ Монголии в предоставлении наиболее коротких маршрутов для транзита грузов, углеводородов и электроэнергии. В согласованной в 2016 г. «Программе создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия» планы развития трансграничной инфраструктуры рассматриваются в качестве основы трехстороннего сотрудничества. Однако за пять лет с момента согласования программы не было реализовано ни одного проекта. В этой связи необходимо рассмотреть ее более подробно.

1. План строительства газопровода из России в КНР через Монголию восходит еще к российско-китайскому меморандуму 1997 г. о взаимопонимании в части разработки и транспортировки природного газа Ковыктинского месторождения. Следует напомнить, что этот маршрут был отклонен в силу транзитных рисков для России и КНР.

Однако еще до запуска газопровода «Сила Сибири» в 2019 г. стало обсуждаться строительство его второй очереди. При этом в качестве наиболее короткой и удобной трассы от месторождений газа в Сибири до столичного региона КНР вновь стал рассматриваться маршрут через Монголию.

В 2020 г. Президент России В. В. Путин дал поручение АО «Газпром» рассмотреть вариант строительства газопровода «Сила Сибири – 2» через Монголию. В то же время необходимо учитывать, что согласование и строительство газопровода «Сила Сибири» заняло более 20 лет. Поэтому считать вопрос о строительстве второй очереди газопровода через Монголию решенным, на наш взгляд, преждевременно.

2. Перспективы реализации совместных проектов в рамках планов экспорта электроэнергии из России и Монголии в КНР и интеграции национальных энергосистем представляются еще менее ясными. Первоначально инициатива экспорта электроэнергии из России в КНР через Монголию также была предложена в конце 1990-х гг. в рамках плана строительства линии электропередач 500 кВ «Братск – Пекин». В конце 2000-х гг. эта инициатива была реанимирована в рамках плана создания Азиатской энергетической суперсети, предполагающего экспорт электроэнергии сибирских ГЭС и будущих объектов угольной и возобновляемой энергетики Монголии в столичный регион КНР.

Однако перспективы этой инициативы также не ясны. Во-первых, в связи с ростом внутреннего потребления необходимые объемы в Сибири для экспорта в КНР отсутствуют. Во-вторых, эта инициатива уже не отвечает официальным планам экспорта электроэнергии из России на базе Дальневосточного региона. В-третьих, перспективы развития возобновляемой энергетики в Монголии также не представляются очевидными [2].

3. В связи с этим ключевым направлением развития стратегического партнерства остается только сотрудничество в области железнодорожного транспорта. С целью создания условий для дальнейшего освоения крупнейших месторождений и экспорта минерального сырья в КНР и на рынки третьих стран правительство Монголии

придает приоритетное значение строительству новых железнодорожных коридоров.

В России участвовать в их строительстве без участия в освоении месторождений считается нецелесообразным. В то же время Россия в лице ОАО «РЖД» остается полноправным партнером в АО «УБЖД», владеющей и управляющей единственной железнодорожной магистралью Монголии.

Повышенное внимание к Трансмонгольской магистрали в последние годы связано с многократным ростом грузоперевозок, связанных с увеличением объемов экспорта минерального сырья. Помимо этого, взрывной рост продемонстрировал транзитный контейнерный поток через Монголию.

Однако впечатляющие темпы роста грузовых и контейнерных транзитных грузоперевозок уже столкнулись с ограниченной пропускной способностью этой дороги. В то же время провозная способность Трансмонгольской магистрали может быть быстро увеличена с 25 до 35 млн т в год за счет проектов частичной модернизации (строительство новых разъездов и промежуточных станций, а также вторых путей на отдельных участках). Более того, строительство обходной линии вокруг Улан-Батора и модернизация пункта пропуска на китайско-монгольской границе позволит в полной мере обеспечить самый короткий и быстрый маршрут для транзита и стать Монголии ключевым сухопутным мостом между КНР и Европой.

Наконец, полная модернизация (строительство второго пути и электрификация) Трансмонгольской магистрали позволит увеличить ее провозную способность более чем в два раза и поддержать долгосрочный рост объемов экспорта природных ресурсов из Монголии и России в КНР, а также транзита грузов между КНР и Европой [3].

В этом отношении участие на паритетной основе в развитии Трансмонгольской магистрали является наиболее стратегически важным подходом к укреплению российско-монгольского сотрудничества в долгосрочной перспективе. Последовательная реализация этих проектов модернизации магистрали будет в наибольшей мере способствовать раскрытию транзитного потенциала и освоению ресурсной базы Монголии, а также в целом отвечать современным интересам всех сторон в треугольнике взаимных отношений России, Монголии и КНР.

Источники и литература

1. Макаров А. В., Макарова Е. В., Михеева А. С. Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития // ЭКО. 2019. № 6. С. 62–82.
2. Макаров А. В. Сотрудничество России и Монголии в охране экосистемы озера Байкал // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 3. С. 68–75.
3. Макаров А. В., Макарова Е. В., Андреев А. Б. Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии // ЭКО. 2020. № 10. С. 34–49.

Russia and Mongolia: Ways of developing strategic partnership

A.V. Makarov

Baikal institute of nature using management SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The paper examines the modern history of the Russian-Mongolian economic cooperation. The features of the settlement of Mongolia's «big debt» to Russia as the legal successor of the USSR are revealed. The analysis of the Russian-Mongolian economic relations is carried out. As a priority direction for the development of bilateral economic cooperation, the participation of Russia in the modernization of key facilities of the infrastructure jointly created during the Soviet period (first of all, the Trans-Mongolian Railway) is justified.

Keywords: Russia, Mongolia, China, economic cooperation, «big debt», foreign economic policy, cross-border infrastructure, economic corridor.

УДК 332.1

Методические подходы к определению стратегических направлений развития экономического потенциала модельных территорий России и Монголии

Н. Б. Лубсанова

Байкальский институт природопользования СО РАН
г. Улан-Удэ

Аннотация. В статье предложен методический подход к обоснованию стратегических направлений развития экономического потенциала модельных территорий России и Монголии. В качестве модельных территорий были выделены территории России и Монголии в зоне влияния экономического коридора Китай – Монголия – Россия. На первом этапе проведена оценка экономического потенциала территорий как совокупной способности осуществления производственно-экономической деятельности, удовлетворения запросов населения. Экономический потенциал оценивался на основе интегрального показателя, включающего в себя пять индексов субпотенциалов: производственного, трудового, продовольственного, инновационного и финансового. Для расчета индексов использованы частные показатели экономического развития (объем валового регионального продукта на душу населения, объем валовой добавленной

стоимости по разделу «Обрабатывающие производства» на душу населения, плотность населения, численность экономически активного населения на 1000 чел. населения, среднемесячная заработная плата, объем валовой добавленной стоимости по разделу «Сельское хозяйство» на душу населения, численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел. на 1000 чел. населения, объем валовой добавленной стоимости по разделу «Финансовая деятельность» на душу населения) и их веса, определенные на основе вероятностного подхода с использованием матрицы попарных предпочтений. На втором этапе проведена оценка рисков развития экономического потенциала модельных территорий на основе анализа изменения составляющих индекса экономического потенциала за период 2010–2017 гг. На третьем этапе на основе многокритериальной кластеризации модельных территорий по результатам оценки рисков в соответствии с характеристиками каждого кластера определены стратегические направления развития экономического потенциала.¹

Ключевые слова: экономический коридор Китай – Монголия – Россия, экономический потенциал, стратегические направления, кластеризация, риски.

Эффективность использования экономического потенциала во многом определяет успешность и устойчивость развития территории. Концепция экономического потенциала получила широкое распространение [1–4]. В данной работе данная категория используется для обоснования стратегических направлений развития модельных территорий (рис.1). В качестве модельных территорий были рассмотрены территории России и Монголии в зоне влияния экономического коридора Китай – Монголия – Россия.

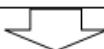
Результаты расчетов экономического потенциала модельных территорий по данным 2010–2017 гг. свидетельствуют о наибольшем экономическом потенциале территорий, входящих в зону влияния центрального варианта коридора Китай – Монголия – Россия (рис. 2).

Наибольшие риски развития по результатам анализа изменения составляющих индекса экономического потенциала за период 2010–2017 гг. выявлены в сфере формирования продовольственного и производственного потенциалов.

Методом k-средних была проведена кластеризация регионов. Результаты определения значимости различия между полученными 5 кластерами с помощью F-критерия свидетельствуют о значимом различии. Наибольшая часть модельных территорий была отнесена к кластеру 5, характеризующемуся средними и высокими рисками всех субпотенциалов. В соответствии с характеристиками кластеров были определены стратегические направления развития экономического потенциала территорий.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания БИП СО РАН № АААА-А21-121011590039-6. (мнемо-код 0273-2021-0003)

1. Оценка уровня экономического потенциала территорий				
1.1. Расчет индексов субпотенциалов территорий				
Производственный потенциал	Продовольственный потенциал	Инновационный потенциал	Трудовой потенциал	Финансовый потенциал
$I_{ind}^i = \sum_{j=1}^{m_{ind}^i} a_{ind j} x_{ind j}^i \quad (1)$ <p>где $a_{ind j}$ - вес j-го частного показателя производственного потенциала, $x_{ind j}^i$ - нормированное значение j-го частного показателя производственного потенциала i-й территории, m_{ind} - количество частных показателей производственного потенциала</p>	$I_{food}^i = \sum_{j=1}^{m_{food}^i} a_{food j} x_{food j}^i \quad (2)$ <p>где $a_{food j}$ - вес j-го частного показателя продовольственного потенциала, $x_{food j}^i$ - нормированное значение j-го частного показателя продовольственного потенциала i-й территории, m_{food} - количество частных показателей продовольственного потенциала</p>	$I_{innov}^i = \sum_{j=1}^{m_{innov}^i} a_{innov j} x_{innov j}^i \quad (3)$ <p>где $a_{innov j}$ - вес j-го частного показателя инновационного потенциала, $x_{innov j}^i$ - нормированное значение j-го частного показателя инновационного потенциала i-й территории, m_{innov} - количество частных показателей инновационного потенциала</p>	$I_{labor}^i = \sum_{j=1}^{m_{labor}^i} a_{labor j} x_{labor j}^i \quad (4)$ <p>где $a_{labor j}$ - вес j-го частного показателя трудового потенциала, $x_{labor j}^i$ - нормированное значение j-го частного показателя трудового потенциала i-й территории, m_{labor} - количество частных показателей трудового потенциала</p>	$I_{fin}^i = \sum_{j=1}^{m_{fin}^i} a_{fin j} x_{fin j}^i \quad (5)$ <p>где $a_{fin j}$ - вес j-го частного показателя финансового потенциала, $x_{fin j}^i$ - нормированное значение j-го частного показателя финансового потенциала i-й территории, m_{fin} - количество частных показателей финансового потенциала</p>
1.2. Расчет индексов экономического потенциала территорий				
$I_{ep}^i = I_{ind}^i + I_{food}^i + I_{innov}^i + I_{labor}^i + I_{fin}^i \quad (6)$ <p>где I_{ep}^i - индекс экономического потенциала i-й территории</p>				

2. Оценка рисков развития экономического потенциала территорий				
2.1. Оценка динамики индексов субпотенциалов территорий				
Производственный потенциал	Продовольственный потенциал	Инновационный потенциал	Трудовой потенциал	Финансовый потенциал
$GRI_{ind}^i = \frac{\Delta I_{ind}^i}{I_{ind}^i} \quad (7)$ <p>где GRI_{ind}^i - темп прироста индекса производственного потенциала i-й территории, ΔI_{ind}^i - абсолютный базисный прирост индекса производственного потенциала i-й территории, I_{ind}^i - базисный уровень индекса производственного потенциала i-й территории</p>	$GRI_{food}^i = \frac{\Delta I_{food}^i}{I_{food}^i} \quad (8)$ <p>где GRI_{food}^i - темп прироста индекса продовольственного потенциала i-й территории, ΔI_{food}^i - абсолютный базисный прирост индекса продовольственного потенциала i-й территории, I_{food}^i - базисный уровень индекса продовольственного потенциала i-й территории</p>	$GRI_{innov}^i = \frac{\Delta I_{innov}^i}{I_{innov}^i} \quad (9)$ <p>где GRI_{innov}^i - темп прироста индекса инновационного потенциала i-й территории, ΔI_{innov}^i - абсолютный базисный прирост индекса инновационного потенциала i-й территории, I_{innov}^i - базисный уровень индекса инновационного потенциала i-й территории</p>	$GRI_{labor}^i = \frac{\Delta I_{labor}^i}{I_{labor}^i} \quad (10)$ <p>где GRI_{labor}^i - темп прироста индекса трудового потенциала i-й территории, ΔI_{labor}^i - абсолютный базисный прирост индекса трудового потенциала i-й территории, I_{labor}^i - базисный уровень индекса трудового потенциала i-й территории</p>	$GRI_{fin}^i = \frac{\Delta I_{fin}^i}{I_{fin}^i} \quad (11)$ <p>где GRI_{fin}^i - темп прироста индекса финансового потенциала i-й территории, ΔI_{fin}^i - абсолютный базисный прирост индекса финансового потенциала i-й территории, I_{fin}^i - базисный уровень индекса финансового потенциала i-й территории</p>
2.2. Оценка динамики индексов экономического потенциала территорий				
$GRI_{ep}^i = \frac{\Delta I_{ep}^i}{I_{ep}^i} \quad (12)$ <p>где GRI_{ep}^i - темп прироста индекса экономического потенциала i-й территории, ΔI_{ep}^i - абсолютный базисный прирост индекса экономического потенциала i-й территории, I_{ep}^i - базисный уровень индекса экономического потенциала i-й территории</p>				

3. Определение стратегических направлений развития экономического потенциала территорий
3.1. Многокритериальная кластеризация территорий по темпам прироста индексов субпотенциалов
3.2. Оценка рисков развития экономического потенциала территорий по кластерам
3.3. Определение приоритетов развития экономического потенциала территорий по кластерам

Рис. 1. Алгоритм обоснования стратегических направлений развития экономического потенциала территорий

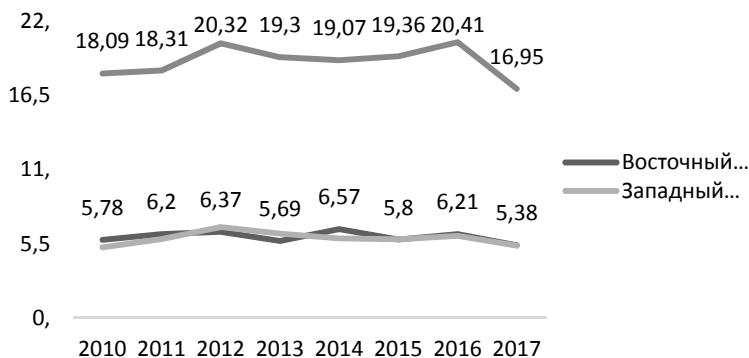

Рис. 2. Динамика индекса экономического потенциала модельных территорий

Так, для регионов, входящих в кластер 5, высокий приоритет имеет развитие продовольственного и трудового потенциалов, средний приоритет – производственный, инновационный и финансовый потенциал.

Разработанная методика кластеризации регионов на основе изменения индексов субпотенциалов экономического потенциала позволяет выделить проблемные территории в рамках каждого из вариантов и сформировать направления роста экономического потенциала.

Источники и литература

1. Новая география регионального развития: оценка экономического потенциала российских регионов и возможностей его эффективного использования. URL: <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/483301521139382232/pdf/124327-REVISED-PUBLIC-Re-mapping-opportunity-Russian.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).

2. Некоторые подходы к построению интегральных индексов экономического развития России / А. А. Френкель [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11 (ч. 1). С. 86–91.

3. Roberts M. Identifying the Economic Potential of Indian Districts. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/862931468185344797/pdf/WPS7623.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

4. Stewart J. Q. Empirical mathematical rules concerning the distribution and equilibrium of population // *Geogr. Rev.* 1947. Vol. 37. P. 461–485.

Methodological approaches to determining the strategic directions for the development of the economic potential of the model territories of Russia and Mongolia

N.B. Lubsanova

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article proposes a methodological approach to substantiating the strategic directions of development of the economic potential of the model territories of Russia and Mon-

golia. The territories of Russia and Mongolia in the zone of influence of the China-Mongolia-Russia economic corridor were identified as model territories.

At the first stage, an assessment of the economic potential of the territories was carried out as the aggregate ability to carry out production and economic activities, to meet the needs of the population. The economic potential was assessed on the basis of an integral indicator that includes five indices of subpotentials: production, labor, food, innovation and financial. To calculate the indices, particular indicators of economic development were used (the volume of gross regional product per capita, the volume of gross value added in the section "Manufacturing industries" per capita, population density, the number of economically active population per 1000 people, average monthly wages, volume gross value added in the section "Agriculture" per capita, the number of personnel engaged in research and development, people per 1000 population, the volume of gross value added in the section "Financial activities" per capita) and their weights determined on the basis of probabilistic approach using a pairwise preference matrix.

At the second stage, an assessment was made of the risks of developing the economic potential of the model territories based on the analysis of changes in the components of the economic potential index for the period 2010-2017. At the third stage, on the basis of multicriteria clustering of model territories based on the results of risk assessment in accordance with the characteristics of each cluster, strategic directions for the development of economic potential were determined.

Keywords: China – Mongolia – Russia economic corridor, economic potential, strategic directions, clustering, risks.

УДК 338.49

О решении проблем социального развития территорий: российская и зарубежная практика

С. Н. Иванова

Байкальский институт природопользования СО РАН
г. Улан-Удэ

Аннотация. Исследование посвящено российской и зарубежной практике регулирования социального развития территорий. Дан сравнительный анализ социального развития территорий регионального уровня России и Монголии на основе методики оценки доступности услуг социальной инфраструктуры. Проведен сравнительный анализ развития национальных систем здравоохранения и определены основные проблемы доступности услуг здравоохранения для населения. Для оценки доступности услуг социальной инфраструктуры разработана методика, которая использует открытые статистические показатели. Разработанный методический инструментарий позволяет провести типологию территорий регионального и локального уровней по доступности услуг социальной сферы. Данная методика оценки позволяет оценить инфраструктурное обустройство территории для его учета при разработке стратегий пространственного развития территорий. Методика оценки основана на расчете суммарных индексов доступности услуг социальной сферы. В качестве максимальных параметров при расчете социальной емкости территорий использованы показатели социального развития эталонной территории с максимальными значениями. Выявлена дифференциация показателей социального развития эталонных тер-

риторий по странам, обусловленная различиями нормативов обеспечения социальными услугами. В исследовании применялись методы сравнительного анализа, экономико-статистические методы¹.

Ключевые слова: Социальное развитие территорий, Россия, Монголия, социальная инфраструктура, здравоохранение, образование.

Современные процессы активизации интеграционных процессов как на российском, так и международном уровнях обусловили необходимость исследования проблем социального развития трансграничных территорий. Одним из известных международных проектов последних лет является проект ЭП ВШП и ВЧП. Проекты данного направления были в большинстве направлены на анализ основных рисков и угроз реализации данного проекта. В БИП СО РАН проводились исследования природных и социально-экономических процессов в зоне влияния Великого Шелкового и Чайного пути в условиях глобализации и изменения климата (координатор акад. РАН А. К. Тулохонов) [4].

В данной статье будут представлены результаты исследований проблем социального развития трансграничных территорий. Проблемы социального развития территорий являются одним из главных объектов регулирования любого государства. Это, прежде всего, развитие социальной инфраструктуры как основа формирования человеческого капитала [2]. Социальная политика государства включает системы стандартизации, нормативы, контроля предоставления социальных услуг населению на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Эффективность функционирования социальной инфраструктуры в полной мере отражается на сбалансированности территориального размещения населения, рабочих мест, соблюдении принципов социальной справедливости и равном доступе к социальным благам населения, проживающего на территориях. Имеющиеся проблемы территориальных диспропорций и межрегиональных противоречий в развитии социальной инфраструктуры должны непременно решаться, прежде всего, на национальном уровне [3].

Разработана методика сравнительного анализа социального развития трансграничных территорий стран (табл.). Методика предполагает использование индексного метода для ранжирования территорий национального, субнационального, регионального и локаль-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания БИП СО РАН. Проект АААА-А21-121011590039-6 (0273-2021-0003)

ного уровней по показателям развития систем здравоохранения, образования и жилищной сферы территорий:

$$R_i = \sum_{j=1}^n R_{ij}$$

где R_{ij} – ранг оценки i – территории по j -му показателю; n – количество показателей, по которым осуществляется ранжирование

Таблица

Методика сравнительного анализа социального развития трансграничных территорий стран

Цель исследования	Показатели, j	Территории, i	Результаты исследования
Оценка социального развития территорий на национальном уровне	Здравоохранения ($n = 3$), образования ($n = 4$), обеспечения жильем ($n = 3$)	$i = 1, \dots, 4$ (Россия, Казахстан, Китай, Монголия)	Ранжирование территорий по доступности услуг здравоохранения, образования, жилищной обеспеченности
Оценка социального развития территорий на субнациональном уровне	Здравоохранения ($n = 3$), образования ($n = 4$), обеспечения жильем ($n = 3$)	Россия ($i = 1, \dots, 8$), Казахстан ($i = 1, \dots, 5$), Китай ($i = 1, \dots, 3$), Монголия ($i = 1, \dots, 4$)	Сравнительный анализ динамики изменения показателей социального развития с учетом дифференциации государственного регулирования
Оценка социального развития территорий на региональном уровне	здравоохранения ($n = 3$), образования ($n = 4$), обеспечения жильем ($n = 3$)	(Россия ($i = 1, \dots, 85$), Казахстан ($i = 1, \dots, 17$), Китай ($i = 1, \dots, 31$), Монголия ($i = 1, \dots, 22$))	Классификация территории территорий по доступности услуг здравоохранения, образования, жилищной обеспеченности
Оценка социального развития территорий на локальном уровне	Безработицы, миграции, обеспеченности инфраструктурой (финансовой, торговли и общественного питания), межэтнического взаимодействия	($i = 1, \dots, 12$) Россия (4 территории), Казахстан (2 территории), Китай (3 территории), Монголия (3 территории)	Выявление проблем, связанных с безработицей, миграцией, экспертный анализ проблем, связанных с криминализацией предпринимательской деятельности, межэтнического взаимодействия и других социальных рисков

Для оценки доступности услуг социальной инфраструктуры разработана методика, которая использует открытые статистические показатели [1; 5; 8].

Для сравнительного анализа социального развития определены территории национального уровня (Россия, Казахстан, Китай, Монголия), субнационального уровня (Россия (8 федеральных округов), Казахстан (5 экономических районов), Китай (3 экономических района), Монголия (4 экономических района), регионального уровня (Россия (85 субъектов Российской Федерации), Казахстан (14 областей и 3 города центрального подчинения), Китай (22 провинции, 5 автономных районов и 4 города центрального подчинения), Монголия (21 аймак и город Улан-Батор).

Для сравнительного анализа территорий локального уровня выделены 12 территорий, имеющие пункты пропуска через государственные границы: Россия (Забайкальский район Забайкальского края, Кяхтинский район Республики Бурятия, Кош-Агачский район Республики Алтай, Третьяковский район Алтайского края), Казахстан (Алакольский район Алматинской области, Шемонаихинский район Восточно-Казахстанской области), Китай (Бортала-Монгольский автономный округ Синьцзян-Уйгурского автономного района, г. Манчжурия Автономного района Внутренняя Монголия, Шилин-Гол аймак Автономного района Внутренняя Монголия), Монголия (Баян-Улэгэйский аймак, Сэлэнгэ аймак, Дорноговь аймак).

Проведена оценка социальной емкости территорий регионального уровня на основе индексного метода. В качестве максимальных параметров при расчете социальной емкости территорий использованы показатели социального развития эталонной территории с максимальными значениями. Выделены 3 уровня дифференциации территорий по уровню доступности услуг здравоохранения и образования: низкий (до 0,35), средний (0,36–0,66), высокий (0,67–1,00). Расчеты суммарных индексов доступности услуг социальной сферы показали, что емкость территорий регионального уровня по использованию потенциала социальной сферы варьирует от 54 % Алматинской области Казахстана до 85 % Баян-Улэгэйского аймака Монголии. Выделены 3 группы территорий регионального уровня, обладающих высоким, средним, низким уровнем доступности услуг социальной сфер (рис. 1).

Расчеты суммарных индексов доступности услуг социальной сферы показали, что емкость территорий локального уровня по использованию потенциала социальной сферы варьирует от 0,37 (Алтан-Булаг, Сэлэнгэ аймак Монголии) до 1,00 (с. Михайловка, Третьяковский район, Алтайский край).

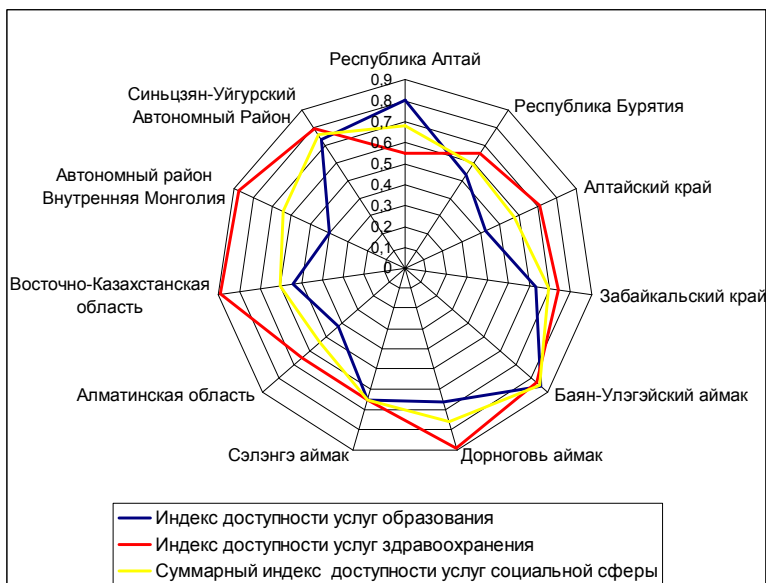

Рис. 1. Суммарный индекс доступности услуг социальной сферы на территориях регионального уровня

Выделены 3 группы территорий локального уровня, обладающих высоким, средним, низким уровнем доступности услуг социальной сферы (рис. 2).

Проведен анализ результативности социальной политики в странах зоны влияния ЭП ВШП на основе критерия эффективности, определяющего соотношение результатов суммарного индекса доступности услуг социальной сферы предыдущего года и фактических результатов. Выявлено снижение результативности социальной политики на 3 модельных территориях регионального уровня: в России (Республика Алтай, Алтайский й); в Казахстане (Алматинская область). Рост результативности отмечается на 3 модельных территориях регионального уровня: в Монголии (Баян-Улгэйский и Сэлэнгэ аймаки) и в Китае (Автономный район Внутренней Монголии). На остальных модельных территориях регионального уровня изменений в результативности социальной политики не наблюдается [6].

Результаты исследований свидетельствуют о нерешенности многих проблем развития социальной сферы, о наблюдающемся несоответствии результатов деятельности органов власти поставленным целям.

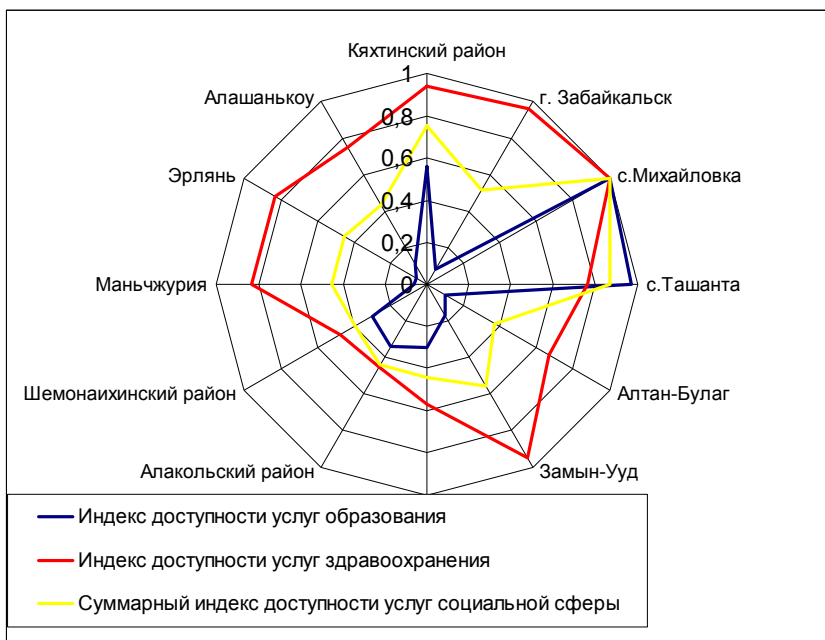

Рис. 2. Суммарный индекс доступности услуг социальной сферы на территориях локального уровня

В России разрешение социальных противоречий должно стать одной из главных задач системы государственного управления как социального государства [7]. Для снижения социальных рисков необходим пересмотр действующей практики финансирования расходов на социальную политику бюджетов всех уровней бюджетной системы России.

Повышение качества и доступа к услугам социальной сферы должно осуществляться на основе совершенствования стандартов и нормативов, системы контроля и регулирования, а также совершенствования законодательных основ для развития государственно-частного партнерства в социальной сфере (здравоохранении, образовании, науке, социальной защите, пенсионном обеспечении и др.).

Источники и литература

1. Здравоохранение в России. 2019 : стат. сб. / Росстат. М., 2019. 170 с.
2. Дагбаева С. Д.-Н. Проблемы и противоречия развития социальной сферы в российской и зарубежной практике // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12 (56). С. 40–43. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.5>

3. Дагбаева С. Д.-Н. Территориальные проблемы развития социальной инфраструктуры // *Фундаментальные исследования*. 2019. № 4. С. 38–42. <https://doi.org/10.17513/fr.42435>.

4. Дагбаева С. Д. О современных социально-экономических проблемах и интеграционных процессах в странах Великого Шелкового пути // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 12-1. С. 89–93.

5. ЕМИСС государственная статистика. URL: www.fedstat.ru/indicator (дата обращения: 25.12.2020).

6. Иванова С. Н. Ранжирование территорий регионального и локального уровней по доступности услуг социальной сферы // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2020. № 4 (154). С. 131–136.

7. Сквирская Г. П., Волнухин А. В. Основные направления совершенствования деятельности в области общественного здоровья и управления здравоохранением в современных условиях Российской Федерации // *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. 2020. № 2. С. 348–366.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 : стат. сб. // Росстат. М., 2019. 1204 с.

On solving the problems of social development of territories: Russian and foreign practice

S. N. Ivanova

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The study is devoted to Russian and foreign practice of regulating the social development of territories. A comparative analysis of the social development of territories at the regional level of Russia and Mongolia is given on the basis of the methodology for assessing the availability of social infrastructure services. A comparative analysis of the development of national health systems is carried out and the main problems of accessibility of health services for the population are identified. To assess the availability of social infrastructure services, a methodology has been developed that uses open statistical indicators. The developed methodological toolkit makes it possible to carry out a typology of territories of the regional and local levels according to the availability of social services. This assessment technique allows us to assess the infrastructure arrangement of the territory for its consideration when developing strategies for the spatial development of territories. The assessment methodology is based on the calculation of total indices of the availability of social services. The indicators of social development of the reference territory with maximum values were used as the maximum parameters when calculating the social capacity of territories. The differentiation of indicators of social development of reference territories by countries is revealed, due to differences in the standards for the provision of social services. The study used methods of comparative analysis, economic and statistical methods.

Keywords: Social development of territories, Russia, Mongolia, social infrastructure, health care, education.

Правовой режим особо охраняемых природных территорий России и Монголии: Байкальский регион¹

Д. В. Шорников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются особенности возникновения, развития современного состояния и перспектив системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Байкальского региона на территории Российской Федерации и Республики Монголия через призму анализа их правовых режимов, опираясь, прежде всего, на сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы научного исследования. Дается краткая историческая справка о создании первых ООПТ в Прибайкалье (как на современной территории РФ, так и на территории Монголии), освещаются особенности их эволюционного развития в течение XX – начале XXI столетий. В основной части работы характеризуются категориальная принадлежность и особенности правового режима современных особо охраняемых природных территорий на указанной территории, опираясь на действующие нормы международного и национального механизма правового регулирования (предметом анализа в данной части являются международные соглашения, прежде всего, двусторонние между Российской Федерацией и Республикой Монголия), федеральное и региональное российское законодательство, нормотворчество органов местного самоуправления на Байкальской природной территории). В заключительной части работы уделяется внимание вопросу о возможностях и перспективах создания единой сети ООПТ Российской Федерации и Республики Монголия в Байкальском регионе (с анализом основных правовых проблем в данной области).

Ключевые слова: ООПТ, правовой режим, Байкальская природная территория, международно-правовая охрана, сравнительное правоведение.

Одними из наиболее значимых элементов Байкальской природной территории, и, одновременно, инструментов прямой охраны ее экосистемы, являются особо охраняемые природные территории (ООПТ). Необходимо заметить, что выделенное Федеральным законом «Об охране озера Байкал» само понятие «Байкальская природная территория» подразумевает существование особого правового режима ее охраны. Более того, Центральная экологическая зона Байкальской природной территории, воспринимаемая через призму Участка всемирного природного наследия, обладает практически

¹ Данная публикация подготовлена в рамках реализации проекта построения концепции международно-правовой охраны озера Байкал, поддержанного РФФИ (проект № 20-011-00618 А).

всеми признаками ООПТ (особая экологическая и иная значимость природных объектов, ограничение хозяйственного использования, установление режима особой охраны) и только по формально-юридическим признакам не может быть отнесена к таковой.

Обращаясь к историческим предпосылкам развития ООПТ в Байкальском регионе, отметим, что первый из подтвержденных в письменных источниках заповедник Богдхан в бассейне оз. Байкал был создан в Монголии в 1778 г. вокруг священной горы Богдхануул [10]. Ф. Р. Штильмарк упоминает о создании в 1914 г. на территории Ангарского лесничества заповедника площадью в 20 тыс. десятин для охраны «зверя и птицы», особенно соболя. Можно предположить, что это был первый резерват на территории российской части байкальского бассейна, созданный при непосредственном участии Иркутского генерал-губернатора [12].

В октябре 1916 г. Государственной Думой впервые был принят Закон об охраняемых территориях, предоставляющий Министерству сельского хозяйства право учреждать охотничьи заповедники и управлять ими «для сбережения и размножения» дичи на государственных землях. Этот закон был основанием для организации на восточном берегу Байкала Баргузинского охотничьего заповедника, что и было сделано по представлению министра земледелия в правительствующий сенат 29 декабря 1916 г. Но еще раньше, 15 апреля 1916 г. иркутский генерал-губернатор издал предварительное распоряжение об учреждении Баргузинского заповедника [8].

Площадь ООПТ в пределах БПТ на российской территории по официальным данным равна на сегодняшний день 46,0 тыс. кв. км, что составляет около 12 % от площади БПТ и около 2,3 % от площади всех особо охраняемых природных территорий Российской Федерации [2]. В границах Центральной экологической зоны (ЦЭЗ) БПТ и Участка всемирного природного наследия «Озеро Байкал» ООПТ занимают 25,6 тыс. кв. км (29 % площади ЦЭЗ). В пределах Байкальского региона в настоящее время выделено пять заповедников на территории Российской Федерации (Байкальский, Байкало-Ленский, Баргузинский, Даурский и Сохондинский) общей площадью более 1 млн 400 тыс. га, а также четыре строго охраняемых территории (СОТ) на территории Монголии (Богд Хан, Отгон-Тэнгер, Хан Хэнтий и Хорьдол Сарьдаг). ООПТ высокого уровня заповедания (заповедники и национальные парки) на российской части максимально приближены к ядру бассейна оз. Байкал. В монгольской же части наоборот такие территории отодвинуты к границам бассейна, тогда как центральная его часть в недостаточной степени ими обеспечена [11].

Поскольку характеристики отечественных резерватов хорошо известны, приведем вкратце лишь информацию о заповедниках Монголии:

– строго охраняемая территория Хан-Хэнтий расположена к северо-востоку от г. Улан-Батора. Статус заповедника придан в 1992 г. С юга примыкает национальный парк Тэрэлж. Общая площадь равна 1227 тыс. га;

– строго охраняемая территория Богдхан уул расположена в Центральном аймаке Монголии, к северо-востоку от Улан-Батора. Статус заповедника придан в 1965 г. Относится к биосферным резерватам. Общая площадь равна 41,5 тыс. га;

– строго охраняемая территория Отгон-Тэнгер расположена в высокогорье юго-западной части Хангая и соседствует с территорией бассейна оз. Байкал. Организована в 1992 г. Общая площадь равняется 96,5 тыс. га;

– строго охраняемая территория Хорьдол Сарьдаг расположена к западу от оз. Хубсугул и примыкает к национальному парку Хэвсгел. Организована в 1997 г. Общая площадь равна 188,6 тыс. га.

Отметим, что в свое время еще Территориальная комплексная схема охраны природы бассейна оз. Байкал (ТЕРКСОП 1990), остающаяся и сегодня наиболее глубоким и развернутым научным трудом, системно анализирующим охрану природы озера, рекомендовала, как увеличить площадь уже существующих заповедников, так и создать пять новых (Алтачейский, Ая, Боргойский, Джиргинский и Кижингинский), из этих пять четыре (Алтачейский, Боргойский, Джиргинский и Кижингинский) в настоящее время созданы в виде природных заказников. К трем уже существующим в России национальным паркам (Прибайкальскому, Тункинскому и Забайкальскому) ТЕРКСОП рекомендовала добавить еще четыре (Баргузинский хребет, Чикойский, Котокель и Хамар-Дабан). В 2014 г. в буферной экологической зоне БПТ был создан Национальный природный парк «Чикой» общей площадью более 666 тыс. км. На монгольской части бассейна Байкала выделяется семь ООПТ со статусом национально-го или природного парка [6; 7]:

– Национальный парк Хорго. Организован в 1995 г. Расположен на севере Хангайского горного массива (Монголия). Общая площадь равняется 73 тыс. га.

– Национальный парк Хэвсгел. Организован в 1995 г. Находится на севере Монголии и охватывает акваторию и окрестности озера Хубсугул. Общая площадь равна 860 тыс. га. Вокруг национального парка планируется создать сеть ООПТ.

– Национальный парк Хангайн нуруу. Организован в 1996 г. Расположен в средней части Хангайского хребта. Общая площадь равна 888,5 тыс. га.

– Национальный парк Тэрэлж. Организован в 1995 г. Расположен в долине р. Тэрэлж, к северо-востоку от г. Улан-Батора. Общая площадь равна 286,4 тыс. га.

– Национальный парк Хустайн нуруу. Организован в 1993 г., расположен в Центральном аймаке Монгольской Народной Республики, к юго-западу от Улан-Батора. Общая площадь равна 90 тыс. га.

– Национальный парк Ноён Хангай. Организован в 1995 г., расположен в аймаке Архангай. Общая площадь равна 59 тыс. га.

– Национальный парк Хустайн Нуруу. Организован в 1993 г., расположен в аймаке Туве. Общая площадь более 50 тыс. га.

В настоящее время на Байкальской природной территории функционирует 21 природный заказник в России, из них четыре (Кабанский и Фролихинский в Республике Бурятия и Тофаларский и Красный Яр в Иркутской области) федерального значения, а также три территории со статусом заказника в Монголии (Батхаан, Нагал Хаан, Хогно Хаан). Заказники различны по своему режиму – комплексные, видовые, ландшафтные и т. д. Наибольшее значение имеют комплексные заказники, на территории которых охраняется весь комплекс природных объектов. Вместе с тем наиболее распространенными в Байкальском регионе остаются видовые заказники, на территории которых охраняется один вид животных, как правило, промысловый.

128 российских ООПТ со статусом памятника природы, как правило, охраняют небольшой объект живой или неживой природы, площадь их, несмотря на большое количество, незначительна, а охрана зачастую носит формальный характер. В границах БПТ на территории Республики Бурятия существует шесть рекреационных местностей – «Побережье Байкала» в Кабанском и Прибайкальском районах, «Байкальский Прибой – Култушная» и «Лемасово» в Кабанском районе, «Северо-Байкальская» в Северобайкальском районе, «Баргузинское побережье Байкала» в Баргузинском районе и «Озеро Щучье» в Селенгинском районе.

Особо охраняемые природные территории Байкальского региона с момента своего создания и исторически довольно длительное время находились в подчинении различных ведомств, как на федеральном, так и на местном уровне. Ведомственная разобщенность серьезно осложняла возможности координировать должным образом деятельность ООПТ и полностью не преодолена и сегодня. Вместе с

тем делаются определенные попытки координации действий на уровне самих ООПТ. Следует упомянуть создание в 2012 г. «Ассоциации заповедников и национальных парков Байкальского региона», в которую входили 6 заповедников и 3 национальных парка (Байкало-Ленский, Байкальский, Баргузинский, Витимский, Джергинский, Сохондинский, Прибайкальский, Забайкальский, Тункинский). Целями ассоциации являлось оказание поддержки заповедникам, национальным паркам и другим особо охраняемым природным территориям; создание единой региональной системы ООПТ с задачами сохранения и изучения природных комплексов и экологического просвещения населения [4].

В 2012 г. для решения подобных задач было организовано ФГБУ «Заповедное Подлесье», включающее Баргузинский заповедник, Забайкальский национальный парк и Фролихинский заказник. В 2013 г. было организовано ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», включающее Байкало-Ленский заповедник и Прибайкальский национальный парк.

10 марта 2020 г. особо охраняемые природные территории Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкалья объединились в Ассоциацию «Заповедное ожерелье Байкала». Сейчас в нее вошли 7 учреждений, 17 территорий – заповедники, заказники, национальные парки. Планируется, что в ближайшее время число членов Ассоциации увеличится – о желании присоединиться к организации уже заявили представители национального парка «Алханай» и Даурского заповедника (Забайкалье) [5].

Следует отметить, что с координацией усилий по развитию сети ООПТ в Байкальском регионе на международном уровне дело обстоит не лучшим образом. На уровне национальных государственных структур и, тем более, международных, мы, к сожалению, за единственным исключением, не можем отметить ни одной реализованной попытки создания трансграничной (международной) охраняемой территории в Байкальском регионе, в частности, из-за различий в законодательстве, невозможности создания единого правового пространства (в том числе, отсутствия документа, обосновывающего его статус и режим) и единого штата охраняемой территории. Подобного рода безынициативность официальных структур принципиально контрастирует с усилиями научного сообщества наших стран, по анализу возможности и методологическому обоснованию создания таких территорий. Так, Т. П. Калихман еще в 2010 г. было предложено создать три трансграничные охраняемые природные территории (ТГОПТ) [6]:

– ТГОПТ «Хентей-Чикойское нагорье», включающую заповедник «Сохондинский» и заказники «Буркальский», «Ацинский», национальный парк «Чикойский». С монгольской стороны - действующие ОПТ: строго охраняемые территории Хан Хэнтэй и Богдхан уул, национальные парки Тэрэлж и Хустайн нуруу, прилегающие к бассейну Байкала – в Монголии кластерный национальный парк «Онон Бапж», а также природный резерват «Нагал хаан», в России созданный в конце 2003 г. региональный заказник «Горная степь» в Кыринском районе Забайкальского края, граничащий с территорией национального парка «Онон Балж» (вне бассейна Байкала);

– ТГОПТ «От Хубсугула до Байкала» с включением охраняемых природных территорий: СОТ «Хорьдол Сарьдаг» и заповедника «Байкальский», национальных парков «Хевсгел» и «Тункинский».

– ТГОПТ «Селенга». В состав могут войти планируемые в Монголии СОТ «Буренгийн нуруу», национальный парк «ЗэдБутелийн нуруу», природные резерваты «Намнан уул», «Ханжаргалант уул», «Товхохаан уул». В российской части в состав ТГОПТ могут войти планируемые природные парки «Междуречье» (между устьями р. Чикой и Хилок) и «Таглей» (на месте бывшего одноименного заказника).

Монгольские исследователи также заявляют о необходимости проведения унификации существующих законодательных актов соседствующих стран и выявления путей для согласования нестыкующихся юридических положений, а также корректировки национальных законодательств с нормативами, принятыми международным сообществом, например, с наиболее распространенными рекомендациями и классификацией особо охраняемых природных территорий Международного союза охраны природы (МСОП), вследствие чего могли бы быть созданы трансграничные ОПТ в районе Убсунурской котловины, приселенгинских степей, а также горных и горнотаежных территорий к северу от оз. Хубсугул, в районе Хентей-Чикойского нагорья [9].

Сегодня же, повторим, единственным исключением, о котором шла речь выше и, надеемся, первым конструктивным шагом в направлении создания международных трансграничных ООПТ в Байкальском регионе стало создание российско-монгольско-китайского международного заповедника «Даурия» (China-Mongolia-Russia Dauria International Protected Area) [1], который на российской территории функционирует как ФГУ «Государственный природный биосферный заповедник “Даурский”», на территории Монголии – как заповедник «Монгол Дагуур», созданный в 1992 г., на китайской – как получивший в том же 1992 г. статус национального ре-

зервата заповедник «Далайнор». Межправительственное соглашение о создании трехсторонней ООПТ было подписано 29 марта 1994 г. в Улан-Баторе.

Все три заповедника, входящие в состав Международного заповедника «Даурия» функционально связаны в единую экологическую сеть, обеспечивающую сохранение значительной части ключевых местообитаний популяций птиц и зверей, перемещающихся в пределах экорегиона в зависимости от сезонов года, климатических циклов и др. условий. Высшим официальным координирующим органом международного заповедника является Смешанная комиссия по международному российско-монгольско-китайскому заповеднику «Даурия», в состав которой входят представители национальных природоохранных министерств и ведомств [3].

Как представляется, одной из основных проблем в развитии особо охраняемых природных территорий Байкальского региона как национального, так и международного уровня продолжает оставаться отсутствие концепции такого развития (с разрешением проблем соотношения сети ООПТ и БПТ, соотношения ООПТ и распределения антропогенной нагрузки в регионе и т. д.).

Анализируя состояние ООПТ Байкальского региона в целом, представляется возможным выделить следующие частные проблемы правового характера:

– местоположение и правовой режим ООПТ Байкальского региона не учитывают в должной степени распределение рекреационной и иной антропогенной нагрузки на экосистему озера, что в значительной степени снижает их эффективность;

– при образовании ООПТ и формировании их правового режима, как правило, не учитывается социальная характеристика охраняемой территории (уровень жизни, занятость населения и пр.), т. е. реализуется только принцип прямой охраны природы (путем установления ограничений и запретов), а не принцип устойчивого развития, предусматривающий вовлечение населения в функционирование ООПТ и перевод ее на самообеспечение;

– нередко не соблюдается не только правовой режим ООПТ, закрепленный в положениях о них, но и формально-юридические требования существования таких территорий (отсутствие нормативного закрепления границ, вынесения их на местность и пр.);

– не до конца изучено и структурировано соотношение сети ООПТ и Байкальской природной территории;

– не используются в должной мере международно-правовые механизмы охраны природы (как в части многосторонних, так и в части двусторонних международных договоров и соглашений и т. д.).

Источники и литература

1. Баастын О. Особо охраняемые природные территории Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Биология. География. 2011. № 4.

2. Байкал и Байкальская природная территория. URL: <http://baikalake.ru/about/guard/#:~:text=Площадь%20ООПТ%20в%20пределах%20БПТ,ООПТ%20занимают%2025%2C6%20тыс> (дата обращения: 01.04.2021).

3. Деятельность международного заповедника «Даурия». URL: <http://daurzapoved.com/index.php/ru/dauria/devatelnost-mezhdunarodnogozapovednika> (дата обращения: 01.04.2021).

4. Заповедники и национальные парки Байкальского региона объединились в Ассоциацию. URL: <https://baikalfund.ru/zapovedniki-i-nacjonalnye-parki-baj/> (дата обращения: 01.04.2021).

5. Заповедники и нацпарки объединились в «Заповедное ожерелье Байкала». URL: <https://baikalinform.ru/ekologiya/zapovedniki-i-natsparki-obedinilisb-v-zapovednoe-ozherelbe-baykala> (дата обращения: 01.04.2021).

6. Калихман Т. П. Геоэкологическая структура и пути развития охраняемых природных территорий Байкальского региона : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. СПб., 2010. 52 с.

7. Калихман Т. П., Калихман А. Д. Трансграничные природные охраняемые территории бассейна озера Байкал. URL: http://ggcbs.gomel.by/e107_files/downloads/ecology/3806.pdf. (дата обращения: 01.04.2021).

8. Мониторинг состояния озера Байкал / под ред. Ю. А. Израэля, Ю. А. Анохина. Л. : Гидрометеоздат, 1991.

9. Намхай А., Адия Я. Особо охраняемые природные территории Монголии: современное состояние и перспективы развития. URL: http://fsdejournal.ru/pdf-files/2010_2/2_Final.pdf (дата обращения: 01.04.2021).

10. Оуунгэрэл Б. Система особо охраняемых природных территорий Монголии и перспективы ее развития // Аридные экосистемы. 2010. Т. 16, № 3 (43).

11. Савенкова Т. П. Современное состояние и развитие охраняемых природных территорий бассейна озера Байкал : дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2000. С. 71.

12. Штильмарк Ф. Р. Историография российских заповедников (1895–1995). М. : Наука, 1996. 103 с.

Legal regime of specially protected natural territories of Russia and Mongolia: Baikal region

D. V. Shornikov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The author considers the peculiarities of the emergence, development, modern condition and perspectives of the system of specially protected natural areas (PA) of the Baikal region on the territory of the Russian Federation and the Republic of Mongolia through the prism

of analyzing their legal regimes, relying primarily on comparative historical and comparative legal methods of scientific research. The report gives a brief historical background on the creation of the first protected areas in the Baikal region (both on the modern territory of the Russian Federation and on the territory of Mongolia), highlights the features of their evolutionary development, primarily during the twentieth – early twenty-first centuries. The main part of the report describes the categorical affiliation and peculiarities of the legal regime of modern specially protected natural territories in this territory, based on the existing norms of the international and national legal regulation mechanism (the subject of this part is international agreements, primarily bilateral ones between the Russian Federation and the Republic of Mongolia), federal and regional Russian legislation, rulemaking of local governments in the Baikal natural territory). The final part of the report focuses on the possibilities and prospects for the establishment of a unified network of protected areas of the Russian Federation and the Republic of Mongolia in the Baikal region (with the analysis of the main legal problems in this field).

Keywords: Protected Areas, Legal Regime, Baikal Natural Territory, International Legal Protection, Comparative Law.

УДК 349.6:341.1/8

Проблемы международно-правового регулирования российско-монгольского сотрудничества в области охраны трансграничных рек¹

Р. Ю. Колобов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного
университета правосудия, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются нормативные основы сотрудничества России и Монголии по вопросам сохранения и устойчивого использования пограничных вод. Анализу подвергаются положения двусторонних соглашений, заключенных по указанным вопросам. Выдвигаются предложения по совершенствованию нормативно-организационного механизма координации усилий двух стран по охране трансграничных экосистем. Предлагается использование подходов, разработанных в рамках Орхусской конвенции и Конвенции Эспо. Сформулированы предложения о создании интернет-ресурса, посвященного охране трансграничных рек, привлечению заинтересованной общественности к решению этих вопросов, а также о применении стратегической экологической оценки для решения природоохранных задач.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Селенга, Байкал, Орхусская конвенция, Конвенция Эспо.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00618.

Одним из важнейших направлений двусторонних отношений России и Монголии является охрана трансграничных рек. По территории двух стран протекает р. Селенга, являющаяся основным притоком оз. Байкал. Это обстоятельство придает общемировое значение проблематике охраны и использования ее вод. Гидрологические и экологические характеристики Селенги напрямую влияют на состояние Байкала. Поэтому эффективное сотрудничество наших стран является залогом устойчивости экосистемы р. Селенга – оз. Байкал. Мы полагаем, что на текущий момент существует потенциал его качественного усиления за счет использования подходов некоторых международных договоров, в которых наши страны не участвуют.

Основы международно-правового регулирования двусторонних отношений России и Монголии по рассматриваемым вопросам заложены в двух соглашениях – Соглашении о сотрудничестве в области охраны окружающей среды¹ и Соглашении по охране и использованию трансграничных вод². Основным организационным механизмом координации усилий двух стран в области охраны трансграничных вод является институт уполномоченных в целях выполнения соглашения, которые проводят ежегодные совещания в пределах своей компетенции. Одной из серьезных проблем таких совещаний является, на наш взгляд, недостаточная публичность и вовлеченность экологической общественности в обсуждение природоохранных проблем и принятие решений. Информация о формировании повестки таких совещаний, его ходе, рассматриваемых материалах и принятых решениях практически не раскрывается. Единственным источником информации о работе этого важнейшего координационного органа являются крайне лаконичные информационные сообщения, размещаемые на сайте Минприроды РФ. Содействовать решению этой проблемы могут инструменты, разработанные в рамках так называемой Орхусской конвенции³. В рамках системы Орхусской конвенции разработаны различные документы, обеспечивающие достижение целей этого международного договора, (среди которых – обеспечение доступа к экологической информации и участия общественности

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии по охране и использованию трансграничных вод от 11 февраля 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 2017. № 1. С. 32–35.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 15 февраля 1994 г. // Бюллетень международных договоров. 1994. № 9. С. 49–52.

³ Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решения и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды от 25 июня 1998 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система

в процессе принятия решения по вопросам, касающимся окружающей среды). В контексте поднимаемой проблематики интерес вызывает Алма-Атинское руководство по содействию применению принципов Орхусской конвенции на международных форумах. Изначально оно разрабатывалось для применения в отношении многосторонних форумов, однако мы полагаем, что концептуальные подходы, заложенные в этом документе, способны содействовать повышению открытости института уполномоченных по выполнению Соглашения о трансграничных водах. Так, общественности двух стран может быть предоставлена возможность направлять своих представителей для работы в ходе Совещания, основываясь на открытой и понятной процедуре их отбора. Руководство предписывает размещать информацию о работе форума в сети интернет, основываясь на принципе опережения, в ясной и доступной форме. В этой связи мы полагаем желательным создание и обеспечение постоянной работы интернет-портала, посвященного двустороннему сотрудничеству России и Монголии по вопросу охраны трансграничных рек.

Еще один международный договор, обладающий значительным потенциалом для повышения эффективности сотрудничества по охране трансграничных рек, – Конвенция Эспо¹, посвященная регламентации трансграничной экологической оценки. Серьезную озабоченность в нашей стране вызвали планы монгольской стороны по строительству на Селенге гидротехнических сооружений, включающих в себе гидроэлектростанции и водоотвод [1]. На начальном этапе проектирования этих сооружений отмечалась крайне низкая вовлеченность российских экспертов и заинтересованной общественности в обсуждение основных параметров предполагаемого строительства. Лишь обращение в Инспекционную комиссию Всемирного банка помогло обеспечить более открытую позицию монгольской стороны по вопросам формирования технического задания на проведение региональной экологической оценки. Конвенция Эспо предписывает уведомлять пограничные государства о планируемой деятельности, которая отличается масштабностью и может иметь трансграничный эффект. Для реализации этой обязанности в системе Эспо выработано Руководство по уведомлениям, идеология которого может предотвратить возникновение напряженности между нашими странами в дальнейшем, так как очевидно, что развитие монгольской экономики обусловит дальнейшее развитие индустриальных проектов.

¹ Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте от 25 февр. 1991 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система

Еще один институт, развитию которого может способствовать присоединение наших стран к Конвенции Эспо, – стратегическая экологическая оценка (далее – СЭО). Комитет всемирного наследия неоднократно просил наши страны провести совместную СЭО планов использования водных ресурсов р. Селенги, равно как и обращался к Российской Федерации с настоятельной рекомендацией проведения СЭО проектов развития особых экономических зон туристско-рекреационного типа и планов регулирования уровня воды в оз. Байкал. На сегодняшний день такая оценка не проведена и представляется, что одной из причин такого положения вещей является отсутствие нормативно-правового регулирования института СЭО в российском праве. Импульсом для развития такого регулирования может служить выражение согласия на обязательность Протокола по стратегической экологической оценке к Конвенции Эспо (Киевскому протоколу).

Проведенное исследование показывает, что сотрудничество России и Монголии по вопросам охраны трансграничных рек может быть значительным образом усилено за счет внедрения подходов, разработанных в рамках Орхусской конвенции и Конвенции Эспо.

Источники и литература

1. Колобов Р. Ю. Проблемы международно-правового регулирования создания гидротехнических сооружений на трансграничных реках // Экономика. Социология. Право. 2018. № 3. С. 116–132.

Problems of international legal regulation of Russian-Mongolian cooperation in the field of protection of transboundary rivers

R. Y. Kolobov

Irkutsk State University, Irkutsk

East-Siberian Branch of Russian State University of Justice, Irkutsk

Abstract. The normative bases of cooperation between Russia and Mongolia on the issues of conservation and sustainable use of border waters are considered. The provisions of the bilateral agreements concluded on these issues are analyzed. Proposals are put forward to improve the regulatory and organizational mechanism for coordinating the efforts of the two countries to protect transboundary ecosystems. It is proposed to use the approaches developed in the framework of the Aarhus Convention and the Espoo Convention. Proposals are formulated to create an Internet resource dedicated to the protection of transboundary rivers, to involve the interested public in solving these issues, as well as to apply strategic environmental assessment to solve environmental problems.

Keywords: Russia, Mongolia, Selenga, Baikal, Aarhus convention, Espo convention.

Сравнительный анализ развития солнечной энергетики в Республике Бурятия и Монголии

А. Г. Бадмаев

Байкальский институт природопользования СО РАН
г. Улан-Удэ

Аннотация. В статье анализируются основные показатели развития солнечной энергетики в Республике Бурятия и Монголии, приводятся данные о мощностях электростанций, проводится сравнение состояния вопроса в Бурятии и Монголии.

Ключевые слова: Солнечная электростанция; Энергетика Бурятии; Энергетика Монголии.

Для качественного развития экономики необходимо, в первую очередь, сбалансированное развитие генерирующих и сетевых мощностей, поэтому решить проблему нехватки электроэнергии без сильной нагрузки на окружающую среду возможно лишь развивая альтернативную энергетику (возобновляемые источники энергии).

С каждым годом человечество все больше сталкивается с дефицитом электроэнергии, с одной стороны, и повышением выбросов парниковых газов после выработки электроэнергии на теплоэлектростанциях (ТЭС) – с другой. Энергетика является доминирующим фактором в области изменения климата, и на ее долю приходится около 60 % от общего объема глобальных выбросов парниковых газов. Цель 7 в области Устойчивого развития ООН направлена на обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. В рамках исполнения Цели 7 Устойчивого развития ООН в последние 5 лет в Бурятии и Монголии активно строятся солнечные электростанции.

Развитие солнечной энергетики в Бурятии

В целях исполнения Распоряжения Правительства Российской Федерации от 8 января 2009 г. № 1-р об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) Министерство по развитию транспорта, энергетики и дорожного хозяйства Республики Бурятия проводит проработку вопроса по вовлечению возобновляемых источников энергии в энергетику республики [4].

Несмотря на большой гидроэнергетический, ветровой и геотермальный потенциал, в Бурятии развивается пока лишь солнечная энергетика. Этому способствуют климатические характеристики – в Бурятии до 300 солнечных дней в году, а продолжительность солнечного сияния – более 2000 часов в год. Количество солнечной радиации в Бурятии – 4–5 кВт/ч на м²/день.

В Бурятии первая солнечная электростанция (СЭС) появилась в 2017 г., но за 3 года выработка солнечной энергии в республике заняла большую долю, внося, таким образом, вклад в сокращение выбросов парниковых газов. На сегодня в Бурятии работают три инвестиционные компании: ООО «Авелар Солар Технолоджи», ООО «Комплекс Индустрия» и ООО «Грин Энерджи Рус» (табл. 2), которые в период 2017–2020 гг. уже построили 6 солнечных электростанций (СЭС) общей мощностью 115 МВт и общей стоимостью 12,7 млрд руб. На сегодняшний день доля мощностей СЭС от всей мощности Бурятии составляет 7,51 %. В конце 2020 г. в строй введена Торейская СЭС мощностью 45 МВт. На момент ввода Торейская СЭС входит в десятку мощнейших солнечных электростанций России и является самой мощной в Азиатской части России. Все мощности СЭС внедряются в общую энергосистему южного энергорайона РБ, и не будут изолированными энергосистемами.

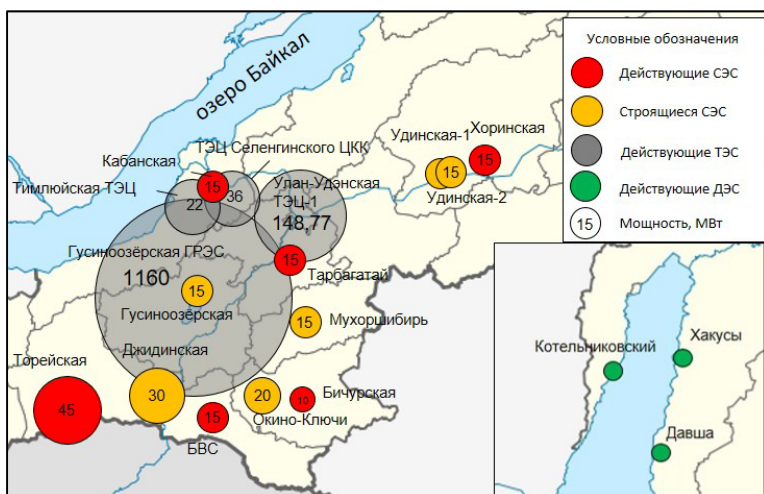

Рис. 1. Объекты электрогенерации Бурятии (составлено автором)

Входя в положение инвесторов, мы полагаем, что стремление скорее окупить вложения сподвигло их на размещение СЭС в относительно густонаселенных районах юга и центра Бурятии, что показывает рис. 1. Почти все построенные СЭС расположены возле районных центров. Частные вложения – это хорошо, но, вместе с тем, считаем необходимым развивать энергетику в отдаленных районах севера, запада и востока Бурятии. Государство должно поспособствовать тому, чтобы население малозаселенных районов было обеспечено бесперебойной и качественной электроэнергией посредством строительства различных видов электростанций. Развитие чистой энергетики особенно необходимо в Центральной экологической зоне Байкальской природной территории (ЦЭЗ БПТ), где до сих пор нет относительно крупных или средних объектов электрогенерации, а туристическая нагрузка на сети увеличивается с каждым годом [1].

До 2022 г. планируется ввести в строй еще 6 СЭС общей мощностью 110 МВт увеличив, таким образом, общие мощности до 225 МВт (табл. 3) и долю в общей энергосистеме Бурятии до 14 %.

Таблица 1

Действующие объекты электрогенерации Республики Бурятия
(на 2021 г.)

Наименование генерирующего объекта	Объем установленной мощности, МВт	Доля от общей мощности, %
Традиционные источники электроэнергии		
<i>Тепловые электростанции</i>		
Улан-Удэнская ТЭЦ-1 [2]	148,77	9,72
Тимлойская ТЭЦ [9]	22	1,44
ТЭЦ ОАО «Селенгинский ЦКК»	36	2,35
Гусиноозерская ГРЭС [10]	1190	77,76
Дизельные электростанции (ДЭС) [2]	18,62	1,22
Итого традиционных:	1 415,39	92,49
Возобновимые источники электроэнергии		
<i>Солнечные электростанции</i>		
Бичурская СЭС [11]	10	0,65
Кабанская СЭС [7]	15	0,98
СЭС Тарбагатай [7]	15	0,98
СЭС «БВС» [7]	15	0,98
Хоринская СЭС [8]	15	0,98
Торейская СЭС [12; 13]	45	2,94
Итого возобновимых:	115	7,51
Всего:	1530,39	100

Развитие солнечной энергетики в Монголии

Монголия, в отличие от Бурятии, уже около 15 лет активно строит миниэлектростанции на возобновляемых источниках энергии, которые являются автономными и изолированными от единой энергосистемы страны. Первая крупная СЭС в Монголии появилась в 2016 г. На сегодня в некоторых аймаках возобновляемая энергия используется для выработки 80 % энергии в аймаке и подачи ее в центральную энергосистему.

В Монголии 270–300 дней (2250–3300 часов) в год – солнечные, удельная мощность солнечной энергии 1200–1600 кВт/м² [5]. В Монголии на сегодня функционируют 6 крупных (построенных в 2016–2019 гг.) и 13 мини- и микро-СЭС (табл. 4) общей мощностью 93,033 МВт. При строительстве СЭС в Монголии, наряду с монгольскими компаниями, активно работают иностранные инвестиционные компании, а также Всемирный Банк, Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития, Зеленый климатический фонд ООН и др.

Таблица 2
Солнечные электростанции Республики Бурятия (на 2021 г.)

Наименование организации, осуществляющей реализацию инвестиционного проекта	Наименование генерирующего объекта	Объем инвестиций в проект, млн руб.	Объем установленной мощности, МВт	Местонахождение объекта (район, населенный пункт)	Год (дата) ввода в эксплуатацию
Действующие					
ООО «Авелар Солар Технолоджи»	Бичурская СЭС	1 200	10	Бичурский район, с. Бичура	13.11.17
ООО «Комплекс Индустрия»	Кабанская СЭС	2 000	15	Кабанский район, с. Кабанск	29.10.19
	СЭС Тарбагатай	2 000	15	Тарбагатайский район, с. Тарбагатай	29.10.19
	СЭС «БВС»	2 000	15	Кяхтинский район, г. Кяхта	29.10.19
ООО «Авелар Солар Технолоджи»	Хоринская СЭС	1 500	15	Хоринский район, с. Хоринск	08.12.19
	Торейская СЭС	4 000	45	Джидинский район, с. Нижний Торей	21.12.20
Итого действующих:		12 700	115		

Наименование организации, осуществляющей реализацию инвестиционного проекта	Наименование генерирующего объекта	Объем инвестиций в проект, млн руб.	Объем установленной мощности, МВт	Местонахождение объекта (район, населенный пункт)	Год (дата) ввода в эксплуатацию
Планируемые и строящиеся					
ООО «Авелар Солар Технолоджи»	Гусинозерская СЭС	–	15	Селенгинский район, г. Гусинозерск	2021
ООО «Комплекс Индустрия»	Мухоршибирская СЭС	–	15	Мухоршибирский район, с. Мухоршибирь	2021
ООО «Грин Энерджи Рус»	СЭС Окино-Ключи	–	20	Бичурский район, с Окино-Ключи	2021
	СЭС Удинская-1	–	15	Хоринский район	2021
	СЭС Удинская-2	–	15	Хоринский район	2021
ООО «Авелар Солар Технолоджи»	Джидинская СЭС	–	30	Джидинский район, с. Дырестуй	2022
Итого планируемых и строящихся:		–	110		
Всего:		12 700	225		

Кроме того, Монголия располагает еще восемью гибридными (солнечно-ветровыми и солнечно-дизельными) малыми электростанциями со скромными 1,475 МВт (табл. 3).

В планах у Монголии, совместно с зарубежными партнерами, строительство 22 ГЭС разной мощности, но развитие системы ГЭС в бассейне Селенги будет зависеть и от влияния российской стороны, поскольку инвесторы не планируют давать деньги на проекты, не урегулированные с Россией. Поэтому Монголия пока вынуждена решать нехватку электрических мощностей путем постройки альтернативных источников энергии. В ближайшие годы Монголия планирует построить еще 11 СЭС общей мощностью около 132,8 МВт (табл. 4). Кроме того, Всемирный банк и Правительство Монголии запускают национальную программу «100 тысяч солнечных юрт» и проект «Доступ к возобновляемой энергии и электроэнергии в сельской местности» [3].

Из рис. 2 видно, что крупные объекты альтернативной электрогенерации (в том числе и солнечные электростанции) расположены вдоль Трансмонгольской железной дороги. Напротив, теплоэлектро-

станции в основном расположены в городах и поселках, построенных с советским участием, и приурочены к местам добычи полезных ископаемых.

Таблица 3

Действующие объекты электрогенерации Монголии по типам источников
(на 2021 г.)

Тип источников электроэнергии	Объем установленной мощности, МВт	Доля от общей мощности, %
Традиционные источники электроэнергии		
<i>Тепловые электростанции (ТЭС и ДЭС)</i>	1 295	82,4
Возобновимые источники электроэнергии		
Солнечные электростанции (СЭС) (табл. 4)	93,033	5,92
Ветровые электростанции (ВЭС)	154,86	9,85
Гидроэлектростанции (ГЭС) и малые гидроэлектростанции (МГЭС)	27,19	1,73
Гибридные мини-электростанции (ГМЭС) [3]	1,475	0,09
Итого возобновимых:	276,558	17,6
Всего:	1 571,558	100

Таблица 4

Солнечные электростанции Монголии (на 2021 г.)

Наименование генерирующего объекта	Объем установленной мощности, МВт	Местонахождение объекта (аймак, сомон, населенный пункт)	Год ввода в эксплуатацию
Действующие			
Дархан	10	Дархан-Уул аймак, Хонгор сомон	2016
Моннаран	10	г. Улаанбаатар, округ Сонгинохайрхан	2017
Гэгээн (Наран тээг)	15	Дорноговь аймак, Замын-Ууд сомон	2018
Бухуг (Сэргэлэн)	16,4	Тов аймак, Сэргэлэн сомон	2019
Сайншанд	30	Дорноговь аймак, г. Сайншанд	2019
Сумбэр	10	Говь-Сумбэр аймак, Сумбэр сомон	2019
В том числе действующие мини-СЭС [3]			
Цэцэг	0,1	Ховд аймак, Цэцэг сомон	2008
Баянцагаан	0,06	Баянхонгор аймак, Баянцагаан сомон	2008
Бугат	0,14	Говь-Алтай аймак, Бугат сомон	2009
Алтай	0,01	Баян-Улгий аймак, Алтай сомон	2010
Алтай	0,3	Говь-Алтай аймак, Алтай сомон	2010
Баянтоорой (Цогт)	0,1	Говь-Алтай аймак, Цогт сомон	2010
Буянт	0,01	Баян-Улгий аймак, Буянт сомон	2010
Дорволжин	0,15	Завхан аймак, Дорволжин сомон	2010
Ургамал	0,15	Завхан аймак, Ургамал сомон	2010
Цэнгэл	0,01	Баян-Улгий аймак, Цэцэг сомон	2010

Наименование генерирующего объекта	Объем установленной мощности, МВт	Местонахождение объекта (аймак, сомон, населенный пункт)	Год ввода в эксплуатацию
Чингисхан	0,443	г. Улаанбаатар, аэропорт Чингисхан	2010
Хилийн цэрэг 0214	0,1	Говь-Алтай аймак, Пограничные войска, в/ч 0214	2014
Тахийн тал	0,06	Говь-Алтай аймак, Бугат сомон	2015
Итого действующих:	93,033		
Планируемые [6]			
Хурмэн	30	Омноговь аймак, Хурмэн сомон	–
Айраг	20	Дорноговь аймак, Айраг сомон	–
Даланзадгад	10–20	Омноговь аймак, г. Даланзадгад	–
Ховд	10	Ховд аймак, Мянгад сомон	–
Дургун	10	Ховд аймак, Дургун сомон	–
Мурэн	10	Хубсугул аймак, г. Мурэн	–
Тайшир	7,8–10	Говь-Алтай аймак, Тайшир сомон	–
Алтай	10	Говь-Алтай аймак, г. Алтай	–
Баянтээг	7,8	Оворхангай аймак, Нарийнтээл сомон	–
Улиастай	5	Завхан аймак, г. Улиастай	–
Баян-Ундур	н/д	Орхон аймак, Баян-Ундур сомон, Говил баг	–
Итого планируемых:	120,6–132,8		

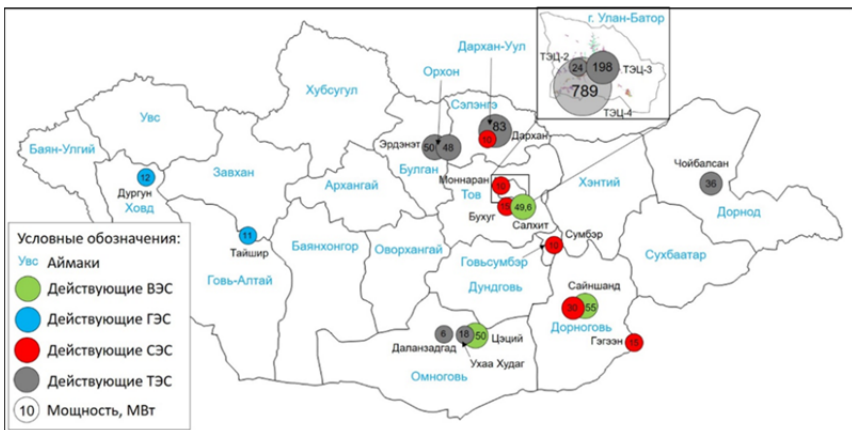

Рис. 2. Объекты электрогенерации Монголии (свыше 5 МВт)
(составлено автором)

При примерно равной установленной мощности всех электростанций Бурятии и Монголии доля солнечной энергетики в Бурятии больше – 7,5 % (115 МВт) (табл. 1) против почти 6 % (93 МВт) у Монголии (см. табл. 3). Однако доля всех возобновимых источников энергии у Монголии больше в 2,4 раза (276,5 МВт), так как возобновимая энергетика Бурятии представлена лишь солнечной энергетикой. Судя по большим планам монгольских властей и бизнеса, этот разрыв будет увеличиваться. Про одно можно сказать с уверенностью – доля мощностей возобновляемых источников энергии в энергетике и Бурятии и Монголии будет расти с каждым годом.

Источники и литература

1. Бадмаев А. Г. Характеристика энергетической инфраструктуры Центральной экологической зоны Байкальской природной территории Республики Бурятия // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1 (11). С. 1–15.

2. Козлов С. Ю. СиПР электроэнергетики РБ на 2016–2020 гг. Улан-Удэ, 2015.

3. Сэргээгдэх эрчим хүчний станцууд. URL: <https://narsalkhi.wordpress.com/сүүлийн-жилүүдэд-баригдсан-нар-салхи/> (дата обращения: 14.02.2021).

4. Государственная программа Республики Бурятия «Развитие транспорта, энергетики и дорожного хозяйства». Улан-Удэ, 2013.

5. Углубленный обзор по инвестиционному климату и структуре рынка в энергетическом секторе 2013 г.

6. Existing and planned renewable energy projects in Mongolia // Mongolian Ministry of Energy. URL: http://www.jcm-mongolia.com/wp-content/uploads/2015/11/20131202_3_Existing-and-planned-RE-projects-in-Mongolia.pdf (дата обращения: 13.02.2021).

7. Три солнечных электростанции общей мощностью 45 МВт введены в эксплуатацию в Бурятии. URL: <https://energybase.ru/news/industry/three-solar-power-plants-with-total-capacity-45-mw-commissioned-in-buryatia-2019-10-29> (дата обращения: 30.03.2020).

8. В Бурятии введена в строй пятая солнечная электростанция. URL: https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=55548 (дата обращения: 30.03.2020).

9. Тимлюйская ТЭЦ. URL: https://www.rosteplo.ru/w/Тимлюйская_ТЭЦ (дата обращения: 01.04.2020).

10. Гусинозерская ГРЭС // Интер-ПАО Электрогенерация. URL: <http://iraogeneration.ru/stations/gusozerg/> (дата обращения: 08.04.2020).

11. Бичурская СЭС. URL: <https://energybase.ru/power-plant/bichurinskaya-solar-power-plant> (дата обращения: 30.03.2020).

12. Торейская СЭС. URL: <https://energybase.ru/power-plant/toreiskaya-solar-power-plant> (дата обращения: 30.03.2020).

13. Крупнейшая солнечная электростанция в Республике Бурятия введена в эксплуатацию. URL: <https://www.hevelsolar.com/about/news/v-respublike-buryatiya-vvedena-v-ekspluatatsiyu-krupneishaya-v-regione-solnechnaya-elektrostanciya/>.

Comparative analysis of the solar energy development in the Republic of Buryatia and Mongolia

A. G. Badmaev

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. In recent years, there has been a need to develop renewable energy sources. Buryatia (to a greater extent) and Mongolia are limited in some economic activities. One of these prohibitions on the construction of hydroelectric power plants on the rivers of the Baikal basin. Therefore, Buryatia and Mongolia have embarked on the path of environmentally friendly power plants and have succeeded in many ways.

Keywords: Solar power plant; Energy of Buryatia; Energy of Mongolia.

УДК 902

Российско-монгольские отношения в сфере культуры: в поисках древней цивилизации

Г. Анхсанаа, М. Цэцэнбилэг

Национальный центр культурного наследия,
г. Улан-Батор

Аннотация. Исследование посвящено работе археологической экспедиции Иркутского государственного университета во главе с Б. Э. Петри, проводившей изучение в районе о. Хубсугул в 1923 г. Приведены некоторые результаты работы данной экспедиции, ставшей значительным шагом в укреплении двусторонних отношений.

Ключевые слова: Россия, Монголия, культура, археология, Хубсугул, Петри.

Добрососедские отношения между монгольским и русским народами имеют многовековую историю. Эти традиционные отношения расширились в двадцатом веке в виде нового содержания, охватив все сферы общественной жизни соседних стран. Об этом свидетельствует тот факт, что отношения между двумя странами, наряду с политической и экономической сферами, расширили культурные связи и укрепили научно-технические связи [1].

В этой статье мы кратко опишем исследования, проведенные исследовательским отделом Иркутского университета у оз. Хубсугул на севере Монголии.

В начале XX в. многие важные политические события происходили одновременно не только в Монголии, но и в регионе. Одним из них была победа революции при поддержке советского режима в Монголии в 1921 г. и установление нового правительства. Наряду с

новой ситуацией в Монголии произошли научные открытия, в том числе археологические. Например, Третья группа центральноазиатских исследований, проведенная в 1922–1925 гг. Американским музеем естественной истории, известным как «Экспедиция Эндрюса», и журналом *Asia Magazine* Американского азиатского общества, изучала древние человеческие следы в монгольской Гоби [2]. А экспедиция, известная как «Экспедиция Козлова», раскопала могилы гуннских аристократов в 1924–1925 гг. и сделала себе имя в научном мире [4; 5].

В то же время исследовательская группа Иркутского университета в районе озера Хубсугул на севере Монголии провела исследование в соответствии с соглашением с правительством Монголии. Помимо археологии, исследовательское подразделение планировало заниматься этнографией, минералогией, ботаникой и зоологией [9].

В 1922 г. Монгольский институт рукописей и Иркутский университет подписали договор об изучении бассейн озера Хубсугул. В архивных документах зафиксировано, что, соответственно, 17 марта 1923 г. ЦК МНП принял постановление, уполномочивающее Правительство Монголии «направить сотрудников исследовательского подразделения Иркутского университета из Алтанбулага в Нийслел Хурээ (столица), предоставить 10 лошадей на 5 сотрудников и заплатить 250 рублей российскими рублями»¹.

Экспедицией руководил Бернгард Эдуардович Петри, профессор, археолог Иркутского университета. Согласно контракту, экспедиция проводила археологические исследования в восточной части озера Хубсугула с 19 августа по 1 октября 1923 г. Результаты археологических исследований были опубликованы в 1926 г. профессором Б. Петри «Древность озера Косогила (Монголия)».

Согласно ему, останки были обнаружены и зафиксированы вдоль рек Алакцыр (Алагцар) и Сахсы (рис. 1) (высота 1,2–1,8 м, диаметр 9–13 м). Небольшие экспериментальные раскопки проводились у р. Кексыр (Хээгцэр). Во время раскопок артефактов обнаружено не было.

Интересные находки, связанные с бытовым образованием древних людей, также были найдены в нескольких местах на берегу озера. Например, фрагменты керамики с западного берега р. Алакцыр (Алагцар), листовидный бронзовый наконечник из р. Эгийн, каменный наконечник с месторождения Далбай (рис. 2), бронзовый нож (рис. 3), некоторые артефакты эпохи неолита из Анчикатана, боль-

¹ Национальный центральный архив. Хр. 23. У. з. 1, Д. 85. С. 16–17.

шое количество фрагментов керамики, которые могли быть связаны с железным веком около Таны, и большое количество предметов с преобладанием керамики было найдено в р. Нойон и Шошул (Шогнуул).

Рис. 1. Хиргисуур в квадратной рамке в центре Алагцара (Анхсанаа, 2019 г.)

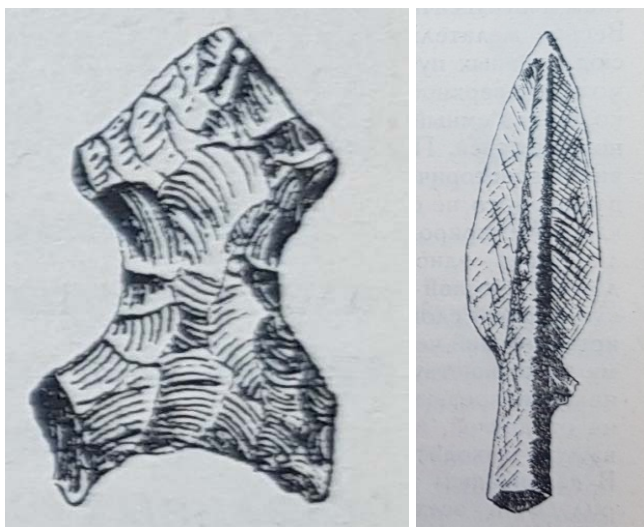

Рис. 2. Листовидный бронзовый наконечник,
Каменный наконечник (Петри, 1926)

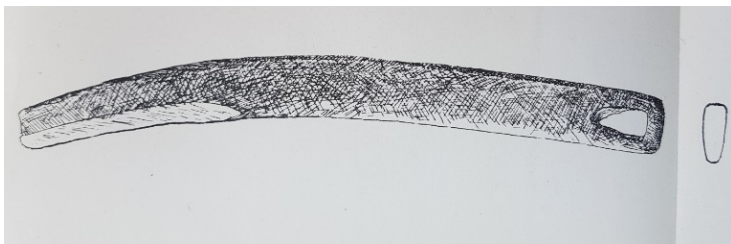

Рис. 3. Бронзовый нож (Петри, 1926 г.)

Он также написал, что решил приехать весной, потому что в районе Турука было много песка [6, с. 5–12]. В результате этого исследования культура периода неолита, вероятно, относится к верхнему неолиту и схожа с культурой этого периода Байкала. Скорее всего, это часть культуры Байкала. В период неолита территория вокруг Хубсугула не была столь густонаселенной, как оз. Байкал и р. Ангара. Поскольку в этом регионе относительно холодная природа и климат, возможно, что люди приезжали из более теплых частей Монголии только летом. Однако был сделан вывод, что найденные здесь бронзовые изделия попали из Прибайкалья в качестве торговых или военных трофеев [6, с. 14–15].

Изучение этой экспедиции в некоторых отношениях отличается от предыдущих археологических экспедиций в Монголии. Например, археологические раскопки на р. Кексыр (Хээгцэр) проводились за несколько месяцев до экспедиции Козлова, которая считается первыми раскопками в истории Монголии [8]. В этом смысле можно считать, что это первые раскопки в Монголии согласно археологическим методам. Таким образом, изучение памятников от каменного до бронзового и раннего железного веков в северной части Монголии и научные выводы в этом регионе внесли ценный вклад в поиск следов древней цивилизации. Позже в 2002 г. это было подтверждено совместной монголо-российско-американской археологической экспедицией в этот регион [3; 7].

В то же время публикация результатов археологических исследований в 1926 г. была одной из первых работ, принесших результаты археологических исследований Монголии в мир науки, и это был значительный шаг в культурных и научных отношениях между Монголией и Россией.

Источники и литература

1. Монголо-российские научные и культурные связи : сб. арх. док. 1921–1960 гг. Т. I. Пересмотренное второе издание. Улан-Батор, 2011.
2. Nels C. Nelson. Archaeological studies and problems in central Asia // The New Conquest of Central Asia by Roy Chapman Andrews. Natural History of Central Asia. Vol. I. New York, 1932. P. 598–601; A. Fairervis. Archaeology of the Southern Gobi of Mongolia. Carolina Academic Press. Durham, North Carolina, 1993.
3. Каменный век Северной Монголии (по материалам стоянки Эгийн гол-4) / А. П. Деревянко, А. Н. Зенин, С. А. Гладышев, С. В. Цыбанков // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск, 2005. Т. 30–40.
4. Козлов П. К. Северная Монголия. Нойн-Улинские памятники // Краткие отчеты экспедиций П. К. Козлова. Л., 1925.
5. Юсупова Т. И. Археологийн тохиолдлын ба зүй тогтолтой нээлтүүд: П. К. Козловын Монгол-Төвдийн экспедиц, Ноён уулын малтлага // Studia Historica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. Tomus XL Fasc. 1. Улаанбаатар, 2010.
6. Петри Б. Древности озера Косогола (Монголия). Иркутск, 1926.
7. Цэрэндагва Я. Хөвсгөл аймгийн чулуун зэвсгийн дурсгалууд // Studia Historica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. Tomus XXXIX, Fasc. 12. УБ., 2020. Т. 129–136.
8. Монгол Улсын түүх. Тэргүүн боть. (Нэн эртнээс XII зууны дунд үе) Хоёр дахь хэвлэл. Улаанбаатар, 2004. Т. 12–13.
9. Монгол-Зөвлөлтийн харилцаа (1921–1974) Баримт бичиг, материалын эмхтгэл. I боть. 1921–1940. Улаанбаатар, 1976. Т. 115–116.

Mongolian-Russian Cultural Relations: In Search of Ancient Civilization

G. Ankhsanaa, M. Tsetsenbileg
National Center of Cultural Heritage, Ulaanbaatar

Abstract. At the beginning of the twentieth century, many important political events took place simultaneously not only in Mongolia but also in the region. One of them was the victory of the revolution with the support of the Soviet regime in Mongolia in 1921 and the establishment of a new government. Along with the new situation in Mongolia, scientific discoveries, including archeological discoveries, have taken place.

In this article we will briefly describe the research carried out by the research department of Irkutsk University near the lake Khuvsgul in northern part of Mongolia.

Keywords: Russia, Mongolia, archeology, Khuvsgul, Petri.

Российско-монгольские культурные связи на рубеже XX–XXI вв.

Э. Энхсайхан

Монгольский государственный университет
искусств и культуры, г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация. Рассматриваются особенности российско-монгольских связей в области культуры в 90-е гг. XX в. и XXI в., а также новые внешнеполитические парадигмы России и Монголии в сфере культуры. Обозначается, что в настоящее время основой договорно-правовой базы культурного и научного сотрудничества служит Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве от 5 апреля 1995 г. Указывается, что культурное сотрудничество в сфере библиотечного дела, науки, образования, общественных организаций и в современной художественной культуре активно развивается, но в основе этого сотрудничества для населения остается понятие дружелюбных братьев, созданное в эпоху социализма. Делается вывод, что в новом веке предстоит решить некоторые задачи таких, как обогащение формы культурных связей для расширения участия молодого поколения и приведение указанного Соглашения в соответствие с современным развитием стран и техническим прогрессом.

Ключевые слова: культурные связи, российско-монгольские культурные связи, российско-монгольское сотрудничество.

Современный мир становится более тесным, а его участники находятся во взаимозависимом существовании. Новый мировой порядок формируется по принципу равного права и взаимного уважения. Все страны существуют под влиянием других культур и новации технологического развития. Взаимоотношения, имеющие многолетний опыт (100-летие со дня установления дипломатических отношений) между Россией и Монголией не исключение современного мирового развития.

В международных отношениях настоящего времени ответственным делом, которое должно рассматриваться каждой страной является задействование потенциала «мягкой силы» под которым понимается 3 вида дипломатии (публичная, общественная и культурная дипломатии). Мы согласны с тем, как исследователь Р. С. Мухаметов определил главную особенность культурной дипломатии в своей статье «Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государств» [5]. Культурная дипломатия включает в себя организацию курсов по изучению национального языка в иностранных государствах, проведение тематических недель, по-

священных национальной культуре, литературе, кинематографу; организацию фестивалей, праздников и вечеров, посвященных национальному языку и культуре; проведение выставок (художественных произведений, изделий народного творчества и фотовыставок, пропагандирующих национальную культуру) [5, с. 84]. Но в результате технологического развития человечества, которое идет быстрым темпом, формы культурной дипломатии должны быть обогащены.

Для государств – членов ЮНЕСКО главной международной организацией по культурному сотрудничеству основополагающим документом служит Декларация принципов международного культурного сотрудничества [1]. Согласно третьей статье этой декларации государства должны сотрудничать по всем видам интеллектуальной и творческой деятельности в области образования, науки и культуры [Там же]. Также в четвертой статье определены цели культурного сотрудничества, одной из них является развитие мирных отношений и дружбы между народами и содействие лучшему пониманию образа жизни каждого из них [Там же]. Руководствуясь настоящей декларацией принципов между народами России и Монголии культурное сотрудничество осуществляется на основе прочных и постоянных связей.

В истории становления и развития взаимоотношений двух стран, в том числе культурных, существовали различные периоды, каждый со своим содержанием. Если пик взаимоотношений пришел в советский период, а спад произошел в 90-е гг. XX в. Согласно исследованиям монгольских ученых, таких как С. Дамдинсүрэн, Б. Лхамсүрэн, Л. Хайсандай, О. Батсайхан период ухудшения монголо-русских отношений продолжался в течение почти 10 лет [11, с. 9]. С началом нового века начался новый этап – этап стабилизации взаимоотношений.

Российско-монгольские связи в области культуры в 90-е гг. XX в.

В истории взаимоотношений Российской Федерации и Монголии наступил новый этап в 90-е гг. XX в. Этот новый этап характеризуется тем, что в обеих странах произошла смена социалистической политической и экономической модели вследствие мирной демократической революции в Монголии и распада СССР, в результате которого его правопреемницей становится Российская Федерация. В эти времена, как пишут ведущие ученые Института востоковедения РАН, в обеих странах произошел распад прежней многолетней системы и механизма двусторонних отношений и наступил суще-

ственный спад во всех областях взаимодействия [6, с. 8]. Действительно, в этот период существовало немало трудностей, и у каждой из двух стран не было возможности поддерживать контакты друг с другом в полном объеме.

Период можно назвать «переходным» для взаимоотношений России и Монголии, так как каждая из стран старалась сосредоточиться на собственном восстановлении. До середины 1990-х гг. Россия была занятой преодолением внутреннего системного кризиса и расширением сотрудничества со странами Америки и Европы. А Монголия, отказавшись от советской политической и экономической модели, начала искать новых партнеров на международной арене.

Отметим, что, невзирая на существовавшие проблемы в 1992 г., Межправительственная комиссия двух стран по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству в обновленном составе возобновила свою работу. В работу этой комиссии входило двустороннее взаимодействие во всех областях, в том числе культурной. В 1998 г. была создана подкомиссия по региональному и приграничному сотрудничеству Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

В 1993 г. руководства стран подписали Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве. Это событие стало очень важным выдвинутым шагом в постсоветских отношениях.

В 1995–1999 гг. в отношениях наших стран пришли более стабильные и благополучные времена. Со стороны России были внесены некоторые изменения в Концепцию внешней политики, относящиеся к отношениям с восточными странами. Россия рассматривает Монголию как стратегического партнера в обеспечении своей национальной безопасности. Россия заинтересована в поддержании и развитии долгосрочных, добрососедских отношений и стратегического партнерства с традиционно дружественной, независимой, суверенной, развивающейся Монголией.

В концепции внешней политики Монголии, которая действовала в 1994–2011 гг. указано, что «...дружеские отношения с КНР и РФ являются первостепенными приоритетными направлениями внешней политики Монголии, и мы не будем их следовать слепо, но будем поддерживать сбалансированные отношения и развивать широкое сотрудничество как добрые соседи» [10].

В 90-е гг. XX в. российско-монгольских связей в области культуры существуют два соглашения и они служили основой нормативно-правовой базы.

Одно из них было подписано в 1971 г. [9]. Но после распада Советского Союза и Монгольской демократической революции пришлось обновить его. Поэтому было подписано второе соглашение в 1995 г. [7].

Следует особо отметить, что основа для развития культурных связей между двумя странами была заложена в социалистическую эпоху и история отношений в 90-е гг. XX в. была в целом очень неактивна.

Главным центром популяризации русской культуры в Монголии является зарубежный представитель Россотрудничества – Российский центр науки и культуры (РЦНК), который был открыт в 1976 г. С первых дней работы он содействует взаимному стремлению обеих стран к развитию равноправного сотрудничества и традиций дружбы [4]. В рассматриваемый нами период он находился в трудном положении, из запланированного была выполнена только часть работы, связанная с оказанием содействия монгольским гражданам в получении высшего образования в России и библиотечного обслуживания.

В г. Улан-Баторе с 1976 г. работает библиотека РЦНК. Она была единственной организацией, которая не остановила свою деятельность на сложные времена.

Одними из основных форм сотрудничества в гуманитарной сфере являются месячники дружбы и дни культуры. Проведение этих культурно-пропагандистских мероприятий – эффективная форма взаимодействия общественности двух стран. Их основная цель – ознакомить народ дружественной страны с историей, культурой и традициями страны – партнера.

С 1952 г. месячники советско-монгольской дружбы проводились в Монголии регулярно, однако в начале 90-х гг. по причинам политического и экономического характера они были временно приостановлены [6, с. 249].

К концу 1980-х гг. сотрудничество Монголии и России в современной художественной культуре утихло.

Российско-монгольские связи в области культуры XXI в.

Для развития российско-монгольских отношений XXI в. является началом сотрудничества нового уровня.

Российско-монгольские отношения сегодня свободны от идеологического компонента. Процесс их развития и совершенствования следует рассматривать прежде всего как налаживание цивилизованных и взаимовыгодных отношений. Эти отношения могут и должны носить многоплановый характер, поскольку их важнейшая цель –

создание благоприятных условий как для поступательного развития России и Монголии, так и для укрепления мира и стабильности, прежде всего, в Азии [6, с. 51].

На сегодняшний день в российско-монгольских отношениях отсутствуют не решенные вопросы, регулярно проводятся встречи руководства стран, подписан ряд документов по самым разным направлениям долгосрочного, стратегического характера.

На основе договорно-правовой базы культурного и научного сотрудничества этого периода служат следующие документы:

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве от 05.04.1995; Протокол о сотрудничестве между Министерством культуры России и Министерством просвещения Монголии на 2000–2001 гг., Программа сотрудничества между Монгольским и Российским правительствами в области науки и культуры на период с 2003 по 2006 года; Программа сотрудничества между Министерством культуры РФ и Министерством образования, культуры и науки Монголии от 2009 года и Программа сотрудничества между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Министерством образования, науки, культуры и спорта Монголии на 2018–2020 гг.

Основными формами культурных контактов на этом периоде являются библиотечная деятельность, подготовка специализированных кадров и события в сфере искусства и художественной культуры.

Приведем некоторые примеры из культурной жизни.

Библиотека РЦНК с 2000 г. работает в полную силу и расширяет свою работу, книжный фонд которой составляет более 30 тыс. экземпляров. В рамках деятельности началась работа в удаленном режиме читального зала «Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина» [4]. Это библиотека все времена была движущей силой культурно-просветительской работы среди народов наших стран.

В 1992–2003 гг. в России не было подготовлено ни одного монгольского специалиста в области культуры, причиной чего были финансовые трудности, испытываемые в эти годы обеими странами [6, с. 262]. В 2004 г. Россия возобновила практику подготовки монгольских национальных кадров, предоставляя стипендий в российских вузах, где готовят специалистов в области культуры и искусства [Там же, с. 269]. В 2003/2004 учебном году, впервые после большого перерыва, около 30 монгольских юношей и девушек приступили к обучению в российских вузах по разным специальностям [Там же, с. 270].

Новым направлением сотрудничества между Россией и Монголией в области образования стало открытие филиалов пяти российских вузов в Монголии [Там же, с. 270]. Примечательным событием в области образования следует признать подписание Соглашения между правительством РФ и правительством Монголии о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях от 15 мая 2003 г. [8].

Важным фактором культурного взаимодействия двух стран остается русский язык. Отметим, что в развитии взаимоотношений России и Монголии важную роль играют, безусловно, изучение языков и подготовка специализированных кадров.

Общество друзей Монголии и Общество монголо-российской дружбы традиционно играют особую роль в укреплении российско-монгольских связей в области культуры. Деятельность обществ и ассоциаций дружбы с народами зарубежных стран была и продолжает оставаться неотъемлемой частью внешней политики и России, и Монголии на взаимной, постоянной основе. Благодаря ей систематически проводятся фестивали, гастроли популярных артистов, дни кино.

Традиция проведения месячников дружбы и дни культуры была возобновлена в 2002 г. после 10-летнего перерыва.

После 2000 г. сотрудничество в художественной культуре России и Монголии расцвело.

С 2006 г. после почти 15-летнего перерыва, по инициативе посольств России и Монголии, Министерства культуры России были возрождены показы Российских кинофильмов, выступления популярных российских актеров перед монгольскими зрителями [6, с. 242].

Гастроли Российского цирка после 22-летнего перерыва состоялись в марте 2002 г. После 15 летнего перерыва артистов Монгольского цирка Российские зрители увидели лишь в 2001 г. [Там же].

В целом, сотрудничество России и Монголии в сфере художественной культуры идет не плохо, культурный обмен после десятилетнего перерыва, возрождается, но пока преимущественно интерес проявляет Монголия. С российской стороны основное внимание уделяется только приграничному сотрудничеству, население этой зоны активно участвует в различных мероприятиях.

Новые внешнеполитические парадигмы России и Монголии в сфере культуры

В Концепции внешней политики РФ 2016 г. зафиксировано, что Российская Федерация является одним из влиятельных центров современного мира и Россия намерена укреплять традиции друже-

ственных связей с Монголией [3], поставила в среди основных задач внешней политики страны, что развивать международное культурное и гуманитарное сотрудничество.

Концепция внешней политики Монголии от 10.02.2011 [10] имеет целью развитие национальной культуры и уникального наследия в сочетании с общими мировыми культурными достижениями, поддержать сотрудничества, направленное на защиту и восстановление исторических и культурных ценностей, а также на поиск артефактов, которые были вывезены по историческим причинам.

В Концепции указано, что одним из направлений культурного сотрудничества считается расширением взаимоотношения с монголоязычных народов в других странах и поддержкой сохранения и развития их языка, культуры и традиций.

В государственных документах о культурной политике РФ и Монголии указано, как приоритетное направление, что поддержка международных проектов в области искусств, гуманитарной науки, отдельных видов культурной деятельности.

В настоящее время каждая страна имеет хорошую нормативно-правовую базу в области культуры. Согласно основным документам по культурным вопросам наметились подвижки в сотрудничестве в области подготовки кадров, в музейно-выставочной деятельности, изучении и каталогизации исторических и культурных памятников Монголии, хранящихся в российских музеях. Культурное сотрудничество в сфере библиотечного дела, науки, образования, общественных организаций и в современной художественной культуре активно идет. Но, основой этих работ для населения остается понятие дружеских братьев, созданное в эпоху социализма. Другими словами, активными участниками являются люди среднего и старшего возраста в каждой стране.

В новом веке нам предстоит задачи увеличения разнообразия форм культурных связей для расширения участия молодого поколения и соответственно надо обновить главный документ – межправительственный договор от 05.04.1995 [7] культурного сотрудничества наших стран.

Кроме этих, более широкое развитие приграничного сотрудничества между двумя странами обуславливает «взаимодействие культур может осуществляться по сродству духовной культуры между этническими общностями» [2, с. 10] и повлияет на реализации ключевых документов, которые упомянули выше.

Источники и литература

1. Декларация принципов международного культурного сотрудничества. 1966 // Офиц. сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml (дата обращения: 05.03.2021).
2. Касьянов В. В. История культуры. М. : Юрайт, 2018. 436 с.
3. Концепция внешней политики РФ от 30.11.2016 // Офиц. сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/4> (дата обращения: 26.04.2020).
4. Монголия // Офиц. сайт Представительства Россотрудничества России. URL: <http://mng.rs.gov.ru/ru/pages/314> (дата обращения: 20.03.2021).
5. Мухаметов Р. С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государств // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 2 (9). С. 84–90.
6. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / под отв. ред. Р. Б. Рыбакова, Л. Хайсандай. М. : Институт востоковедения РАН ; Улан-Батор : Институт международных исследований АН Монголии, 2011. 440 с.
7. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве от 05.04.1995 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901079> (дата обращения: 27.03.2021).
8. Соглашение между правительством РФ и правительством Монголии о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях // Офиц. сайт Национального информационного центра по вопросам признания образования. URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/agreem_gesog_Mongolia_2003 (дата обращения: 22.03.2021).
9. Соглашение между СССР и МНР о культурном и научном сотрудничестве от 07.12.1971 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901371> (дата обращения: 27.03.2021).
10. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал // Официальный сайт правовой информации Монголии. URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340> (дата обращения: 26.03.2021).
11. Монгол-Оросын харилцаа бүсчилсэн хөгжлийн бодлого, хамтын ажиллагаа / Б. Лхамсүрэн [и др.] ; отв. ред. С. Дамдинсүрэн. УБ : Институт МО АН, 2005. 216 с.

Russian – Mongolian cultural relations at the turn of the 21st century

Erdenebileg Enkhsaikhan

Mongolian National University of Arts and Culture, Ulaanbaatar

Abstract. The history of contacts between the peoples of Russia and Mongolia has more than one century. During this time, a rich and useful experience has been acquired and accumulated in political, economic, social, cultural relations. Contacts between the peoples of our countries in different periods had been different intensity and content. If the peak of the relationship came in the Soviet period, and the decline occurred in the 90s of XX century. During these times, there was a significant reduction in Russian-Mongolian relations, including cultural relations. But this situation turned out to be temporary. Since the beginning of the 21st century, Russian-Mongolian cooperation has been rapidly recovering. The article is divided into three

parts. The first and second parts are devoted to the peculiarities of Russian-Mongolian cooperation in the field of culture in the 90s of XX century and XXI century.

The last part examined the new foreign policy paradigms of Russia and Mongolia in the field of culture. Currently, the countries have a good regulatory and legal framework, they intend to act supporting each other on the issues of the Asia-Pacific region.

On the basis of the legal framework of cultural and scientific cooperation is "Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Mongolia on cultural and scientific cooperation" from 05.04.1995. Cultural cooperation in the field of librarianship, science, education, public organizations and in modern art culture is actively going. But, the basis of these works for the population remains the concept of friendly brothers, created in the era of socialism. In the new century, some challenges lie ahead, such as enriching the forms of cultural relations to expand the participation of the younger generation and updating the main document of cultural cooperation in accordance with modern development and technological progress.

Keywords: cultural relations, Russian-Mongolian cultural relations, Russian-Mongolian cooperation.

УДК 327

Влияние проблем исторической памяти на монгольско-японские отношения во второй половине XX – начале XXI в.

К. Е. Кузьмин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблема влияния событий прошлого на отношения Монголии и Японии. Исследуются два ключевых нарратива монгольско-японской исторической памяти – война на р. Халхин-Гол и судьба японских военнопленных в МНР после Второй мировой войны. Делается вывод о том, что данные проблемы имели влияние на двусторонние отношения в XX в. и продолжают его оказывать по сей день.

Ключевые слова: историческая память, монгольско-японские отношения, война на р. Халхин-Голе, японские военнопленные.

В последние годы историческая память заняла прочное место в международных отношениях. Она приобретает политический характер и становится во многих случаях одновременно и объединяющим или разделяющим фактором межгосударственных отношений, и инструментом внешнеполитического взаимодействия и влияния. В первые десятилетия XXI в. обострилось множество конфликтов на почве интерпретации прошлого, ввиду чего историческая память как явления вновь стала актуальна и для международной повестки, и для исследований ученых.

Историческая память имеет место и в монгольско-японских отношениях. Как известно, начало им было положено в 1972 г., когда между двумя странами были установлены дипломатические отношения. С этого момента Япония стала одним из важных партнеров для Монголии в сфере экономики, культуры и образования. Некоторые эксперты отмечают, что Япония не является приоритетным актором для монгольской внешней политики, однако двусторонние отношения в последние десятилетия развиваются довольно интенсивно. В 2017 и 2019 гг. было подписано два межгосударственных документа – Меморандум о стажерах и Меморандум о сотрудничестве в сфере обмена рабочей силой. В 2015 г. Монголия подписала с Японией Соглашение об экономическом сотрудничестве, что произошло впервые в современной монгольской истории [5].

Что же касается места исторической памяти в монгольско-японских отношениях, то следует говорить о двух ключевых нарративах – о войне на Халхин-Голе в мае-сентябре 1939 г. и о судьбе японских военнопленных в Монголии после окончания Второй мировой войны. Эти исторические проблемы оказывали значительное влияние в период со второй пол. XX в. и продолжают присутствовать в современной повестке двусторонних отношений, однако уже в измененном виде.

Как известно, в 1930-х гг. милитаристская Япония активизировала свое влияние в азиатском регионе и перешла к более агрессивной внешней политике. В 1931–1932 гг. была оккупирована северо-восточная часть Китая, что привело к образованию у границ Монгольской народной республики марионеточного государства Маньчжоу-го. С этого момента на границе с Монголией стали происходить периодические столкновения с японскими военнослужащими. Отношения между Японией и МНР носили явный враждебный характер во многом из-за просоветской политики Монголии. Пик эскалации пришелся на 1939 г., когда произошел известный вооруженный конфликт между советско-монгольскими и японскими вооруженными силами, именуемый в историографии как «война на реке Халхин-Гол».

Данный конфликт стал в послевоенные годы одним из препятствий для нормализации двусторонних отношений. Как известно, в 1945–1956 гг. в монголо-японских отношениях сохранялся конфронтационный настрой, одной из причин которого является ориентация Монголии на СССР, также не стремившийся к восстановлению отношений с Японией. Однако неразрешенные вопросы, связанные с войной на Халхин-Голе, также были весомой причиной для враж-

дебности. Известно, что по окончании Второй мировой войны МНР стала требовать от Японии репараций, связанных, в том числе, с конфликтом 1939 г. [4, с. 91].

В 1956 г. в монголо-японских отношениях начался процесс нормализации. Однако тогда же остро встали вопросы взаимных претензий, связанных с военным прошлым, в том числе, вопрос японских репараций. В 1960-е гг. данная проблема была путем взаимных договоренностей отложена и, к слову, не повлияла на установление дипломатических отношений в 1972 г. Вопрос о репарациях был решен в 1970-е гг., когда Япония выделила безвозмездный грант для постройки завода «Гоби» по производству кашемира, запущенный уже в 1976 г.

К слову, война на Халхин-Голе как нарратив исторической памяти продолжает влиять и на современные монгольско-японские отношения. Известно, что в монгольских политических, научных и образовательных кругах не идет речи о пересмотре итогов конфликта 1939 г. Война на Халхин-Голе и победа в ней советско-монгольских вооруженных сил стала одной из основ современной монгольской государственной идентичности и ключевым нарративом политики памяти в Монголии. Однако в японских общественных и научных кругах существуют разнообразные мнения насчет данного конфликта, многие из которых гласят, что данный конфликт стоит свести до уровня пограничного, не придавать ему значения, а также необходимо рассмотреть вину СССР в данном столкновении [1].

В современной Монголии работает ряд японских неправительственных организаций, многие из которых пытаются подтолкнуть монгольское общество к диалогу по поводу войны на Халхин-Голе и возможному изменению общественного мнения. Так, в 2014 г. при поддержке Японского общества исследования истории и культуры Монголии и Ассоциации международных исследований «Сэкигути» состоялся международный симпозиум «Комплексное изучение боев Халхин-Гола и Номонхана», на котором японские исследователи продвигали идеи, которые не совпадают с современным общественным мнением в Монголии по поводу событий 1939 г., по поводу невиновности Японии как актора международных отношений и втянутости Монголии в войну обеими странами – СССР и Японией. Данное мероприятие было воспринято в некоторых СМИ отрицательно [2].

Вторым нарративом исторической памяти, влиявшим в XX в. на монгольско-японские отношения и продолжающим это делать в современности, является вопрос о японских военнопленных, оказавшихся по окончании Второй мировой войны на территории МНР. В

данной работе автор не будет подробно исследовать причины и особенности этой проблемы, так как по данной проблематике существуют отдельные исследования [3]. Стоит только отметить, что японские военнопленные присутствовали на территории Монголии в количестве более 12 тыс. человек с 1945 г. и были отправлены в Японию осенью 1947 г. За эти годы в МНР скончалось около 1600 военнопленных [Там же]. Их судьбы волновали японские власти, и проблема репатриации останков погибших японцев стала одним из препятствий к нормализации отношений.

Контакты Японии с монгольской стороной по данному вопросу начались с 1954 г., когда японский Красный Крест обратился к руководителю МНР Ю. Цеденбалу с вопросом о судьбе 100 пленных японцев. Страну неоднократно посещали японские парламентские делегации, которые пытались посетить места захоронений, однако это удалось только после нормализации отношений. Вопрос о репатриации останков был разрешен только в 1990-е гг., когда произошел процесс передачи останков японских военнопленных на родину. На месте бывшего кладбища в г. Улан-Батор на деньги японского правительства в 2001 г. был открыт мемориальный комплекс, а в 2004 г. рядом с этим местом был открыт музей. В 2002 г. во время визита в Монголию принц Акисино посетил мемориальный комплекс, где вместе с супругой почтил память умерших соотечественников [6]. Таким образом, вопрос о репатриации останков японских военнопленных и памяти о них перестал быть частью конфликта в русле исторической памяти и превратился в инструмент тесного взаимодействия по сохранению памяти о прошлом.

В заключение необходимо отметить, что монгольско-японские отношения испытывали серьезное влияние трагического опыта прошлого именно во второй пол. XX в., а к концу столетия проблемы исторической памяти либо были разрешены (как вопросы о репарациях или о репатриации останков погибших японцев), либо стали инструментом для совместного взаимодействия по переосмыслению опыта прошлого. Однако стоит также уточнить, что некоторые вопросы (как вопрос об интерпретации истории войны на р. Халхин-Гол) до сих пор являются потенциально проблемными и неразрешенными, хотя и не влияют на двусторонние отношения, но могут в определенный момент вызвать общественную дискуссию либо оказать воздействие на монгольско-японские отношения. Таким образом, можно подытожить, что историческая память является сложным и очень важным вопросом для двусторонних отношений государств мира, по-разному влияющим на это взаимодействие. Историческая

память в международных отношениях может выступать как в роли препятствия или стимула для полноценных межгосударственных отношений, так и в роли инструмента влияния и взаимодействия, что видно на примере монгольско-японских отношений.

Источники и литература

1. Барабанов О., Лузянин С., Стрельцов Д. Юбилей Халхин-Гола и политика исторической памяти в отношениях России с Монголией и Японией // Международный дискуссионный клуб «Валдай»: сайт. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/yubiley-khalkhin-gola/> (дата обращения: 10.05.2021).
2. Доржиев Д. Японцы снова поставили под сомнение значение советско-монгольской победы на Халхин-Голе // Asia Russia Daily: сайт. URL: <https://asiarussia.ru/articles/4003/> (дата обращения: 10.05.2021).
3. Кузнецов С. И. Японские интернированные в Монголии 1945–1947 гг. // Изв. Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 2. С. 245–257. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-245-257>
4. Маншеев Д. М., Кубрикова Ю. А. Установление дипломатических отношений и начало развития экономического сотрудничества Японии и Монголии // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 3 (29). С. 90–96.
5. Монголия и Япония подписали Меморандум о сотрудничестве // Монголия сейчас: сайт. URL: <http://www.mongolnow.com/mongoliya-i-yaponiya-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve/> (дата обращения: 08.05.2021).
6. Находящийся в Монголии с официальным визитом японский принц Акисино посетил мемориальный комплекс памяти японских военнопленных в окрестностях Улан-Батора // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20020621/178871.html> (дата обращения: 09.05.2021).

The influence of historical memory problems on Mongolian-Japanese relations in XX–XXI centuries

K.E. Kuzmin

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In recent years, historical memory has taken a strong place in international relations and, in particular, in Mongolian-Japanese relations. In the case of bilateral relations between Mongolia and Japan, we should talk about two key narratives – the war on Khalkhin Gol in May-September 1939 and the fate of Japanese prisoners of war in Mongolia after the end of World War II. These historical issues have had a significant impact since the second half of XX century and continue to be present in the modern agenda of bilateral relations.

Keywords: historical memory, Mongolian-Japanese relations, the war on the Khalkhin-Gol river, Japanese prisoners of war.

Сведения об авторах

Анхсанаа Ганболд – магистр, Национальный центр культурного наследия при Министерстве культуры Монголии, г. Улан-Батор, Монголия (g.anhaa@gmail.com)

Бадмаев Алдар Геннадьевич – кандидат географических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия (badmaev@binm.ru)

Бадмаев Виталий Германович – бакалавр, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (badmaev.vitaliy.98@mail.ru)

Батсайхан Оохнойн – доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений Академии наук Монголии, г. Улан-Батор, Монголия (bagi112005@yahoo.com)

Батхишиг Бадамдорж – доктор экономических наук, профессор, Институт философии Академии наук Монголии, г. Улан-Батор, Монголия (bbat226@yahoo.com)

Дэмбэрэл Колягин – доктор (Ph.D), профессор, Институт международных отношений Академии наук Монголии, г. Улан-Батор, Монголия (kdembee@gmail.com)

Дугаров Владимир Доржиевич – доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (dugarovbgu@mail.ru)

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна – доктор исторических наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия (zhambalovas@yandex.ru)

Журов Иван Владимирович – аспирант, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, г. Москва, Россия (ska-p2007@yandex.ru)

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия (otistik@irmail.ru)

Иванова Сембрика Нимаевна – доктор социологических наук, доцент, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия (sambrika@binm.ru)

Колобов Роман Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия г. Иркутск, Россия (roman.kolobov@gmail.com)

Кузнецов Сергей Ильич – доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия (s.kuznetsov@mail.ru)

Кузьмин Кирилл Евгеньевич – преподаватель, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия (kirillkuzmin97@yandex.ru)

Кузьмин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия (kuzminuv@yandex.ru)

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия (kuraslv@yandex.ru)

Лубсанова Наталья Борисовна – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия (nlub@binm.ru)

Макаров Александр Валерьевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия (bulagat@mail.ru)

Мунх-Оргил Тувдэндаржа – доктор (Ph.D), Институт оборонных исследований, г. Улан-Батор, Монголия (orgil2013@gmail.com)

Нандинцэцэг Ганболд – магистр, Национальный университет обороны, г. Улан-Батор, Монголия (55nandia@gmail.com)

Семушев Иван Николаевич – аспирант, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (ivansemushev@gmail.com)

Цыбенев Базар Догсонович – кандидат исторических наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия (bazar75@mail.ru)

Цэцэнбилэг Магсаржав – бакалавр, Национальный центр культурного наследия при Министерстве культуры Монголии, г. Улан-Батор, Монголия (m.tsetsenbileg.ncch@gmail.com)

Чимитдоржиева Лариса Шираповна – кандидат исторических наук, г. Улан-Удэ, Россия (chimlar@mail.ru)

Шагдурова Ксения Александровна – магистрант, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия (shagdurova.ksyusha@mail.ru)

Шорников Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия (abirvalg35@mail.ru)

Энхсайхан Эрдэнэбилэг – преподаватель, Монгольский государственный университет искусств и культуры, г. Улан-Батор, Монголия (enkhsaikhan.e@gmail.com)

Энхчимэг Долгорсурэн – кандидат технических наук, доцент, Национальный университет обороны, г. Улан-Батор, Монголия (enkchimeg4494@gmail.com)

Россия – Монголия: 100 лет вместе

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию установления
российско-монгольских
дипломатических отношений

Иркутск, 20 мая 2021 г.

Материалы публикуются в авторской редакции
Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2021 г. Поз. 62
Подписано в печать 06.07.2021. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 8,7. Усл. печ. л. 9,6. Тираж 70 экз. Заказ 89

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

